

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2022

Том 22

Выпуск 3

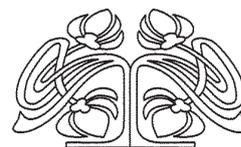
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артамонов Д. С.** Социально-эпистемические арены познания истории 238
- Гафуров М. В.** Диалектика антагонизма: критика философии Г. В. Ф. Гегеля в миметической концепции Р. Жирара 243
- Карташов А. А.** Динамика представлений о процессе секуляризации в социально-философском дискурсе 248
- Мартынова О. А. В. И.** Засулич о философии Ф. Ницше 253
- Маслов В. М.** Скептицизм: историко-логические формы и перспективы 257
- Мозжилин С. И., Стеклова И. В.** Онтологическое начало фантазии 262
- Пиманов А. С.** Детерминизм и проблема актуальности будущего 267
- Седанкина Т. Е.** Роль метанойи в формировании теологического мировоззрения 272
- Сироткин Ю. Л.** Антропологическая природа хронотопа М. М. Бахтина 277
- Филимонова О. Ф.** Урбанизированная социальность: культура контроля в режиме медиатизации 283
- Фролова С. М.** Информационно-коммуникационные технологии в контексте современного развития общества 288
- Шаткин М. А.** Агентность цифровых платформ: ценностный подход 293

Психология

- Бубнов А. Л.** Структурно-функциональный анализ социально-психологического статуса группового субъекта 298
- Ворожейкин С. А.** Соотношение представлений об асоциальной личности с ценностями курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации 303
- Гоголь С. С.** Особенности социальных представлений студенческой молодежи о готовности, компетентности и самоэффективности 309
- Жижина М. В.** Позитивная организационная психология: обзор зарубежных исследований (ценное прошлое, актуальное настоящее и возможное будущее) 316
- Руденко С. Л.** Нарушение социального восприятия у больных неврозоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом 322
- Шипкова К. М.** Специфика речевой межполушарной асимметрии при афазических расстройствах и ее влияние на количественные показатели речевой перцепции и динамику афазии 327

Педагогика

- Грицай Л. А.** Направления родительского воспитания детей в наследии русских просветителей XVIII века 333
- Косолапова Л. А., Мясникова Д. И.** Модель организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювенильных медиа 339
- Максимова Е. А.** Принципы эволюционного моделирования в исследовании развития профессионального образования 345
- Станкович Д. Ф.** Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов 350

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 13.00.05; 19.00.04; 19.00.05; 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.09.2022

Подписано в свет 30.09.2022

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 97-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Artamonov D. S.** Socio-epistemic arenas of historical cognition 238
- Gafurov M. V.** The dialectics of antagonism: The critique of G. W. F. Hegel's philosophy in R. Girard's mimetic concept 243
- Kartashov A. A.** Dynamics of ideas about the process of secularization in socio-philosophical discourse 248
- Martynova O. A. V. I.** Zasulich about the philosophy of F. Nietzsche 253
- Maslov V. M.** Skepticism: Historical and logical forms and perspectives 257
- Mozhilin S. I., Steklova I. V.** The ontological beginning of fantasy 262
- Pimanov A. S.** Determinism and the problem of actual future 267
- Sedankina T. Ev.** The role of metanoia in the formation of theological worldview 272
- Sirotkin Yu. L.** The anthropological nature of M. M. Bakhtin's chronotope 277
- Filimonova O. F.** Urbanized sociality: The culture of control in the mode of mediatization 283
- Frolova S. M.** Information and communication technologies in the context of modern development of society 288
- Shatkin M. A.** The agency of digital platforms: A value-based approach 293

Psychology

- Boubnov A. L.** Structural and functional analysis of the socio-psychological status of a group subject 298
- Vorozheikin S. A.** Correlation of ideas about an asocial personality with the values of cadets of the National Guard of the Russian Federation 303
- Gogol S. S.** Specifics of student youth's social perception about readiness, competence and self-efficacy 309
- Zhizhina M. V.** Positive Organizational Psychology: Foreign research review (valuable past, relevant present, and possible future) 316
- Rudenko S. L.** Violation of social perception in patients with neurosis-like schizophrenia with obsessive-phobic syndrome 322
- Shipkova K. M.** The character of interhemispheric speech asymmetry in aphasia disorders and its influence on quantitative markers of speech perception and aphasia dynamics 327

Pedagogy

- Gritsai L. A.** Directions of parental education of children in the legacy of the Russian enlighteners of the XVIII century 333
- Kosolapova L. A., Miasnikova D. I.** Model of cultivating patriotism in adolescents and "generation Z" youth using the resource of juvenile media 339
- Maksimova E. A.** Principles of the evolutionary modelling in the research of the development of professional education 345
- Stankovich D. F.** Formation of positive motivation in teaching conservatory students through Enlightening projects 350

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Крейг Камл, Ed. D (доктор), профессор (Гринвиль, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

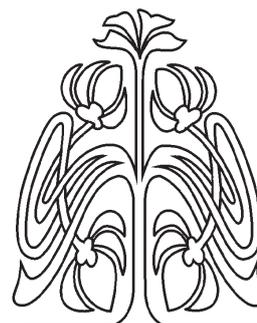
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

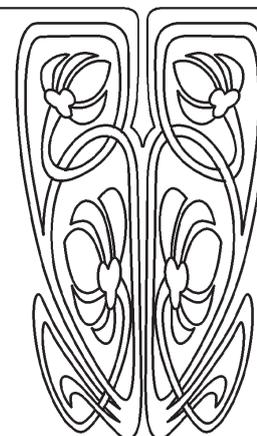
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Craig Kaml (Greenville, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

Научная статья
УДК 130.122+165.1

Социально-эпистемические арены познания истории

Д. С. Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию проблемы трансформации исторического знания в цифровую эпоху. Автор полагает, что историческая наука, существующая в парадигме «Digital Humanities», обрела новый объект познания – коллективную память, отказываясь от изучения прошлого как несуществующей реальности в пользу исследования представлений о нем. Историческое знание все больше сближается с исторической памятью, так как и то и другое формируется в многоканальном процессе коммуникации в рамках социально-эпистемических арен. **Теоретический анализ.** Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки производства исторического знания, вырабатываемого учеными-профессионалами, «умными толпами» и цифровыми технологиями в коллективных форматах работы. Познание, осуществляемое участниками социально-эпистемических арен, является распределенным. Оно ориентировано на социальный контекст и коллективную память, так как предполагает включение в новые интерпретации прошлого всего предыдущего опыта осмысления исторической реальности всех участников процесса познания. **Заключение.** Участие интернет-пользователей в изучении истории, присваивающих себе результаты коллективной исследовательской работы, приводит к нивелированию границ между историческим знанием и исторической памятью. Устройство социально-эпистемических арен основывается на принципах риторических арен коммуникационного пространства, гражданской науки и подчинено логике медиа.

Ключевые слова: социально-эпистемическая арена, риторические арены, историческое знание, историческая эпистемология, социальная эпистемология, распределенное познание, историческая память, коллективная память

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах»).

Для цитирования: Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

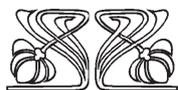
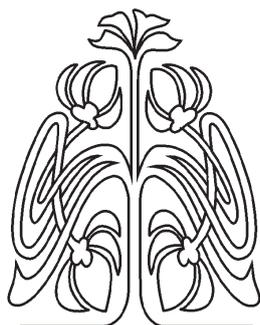
Socio-epistemic arenas of historical cognition

D. S. Artamonov

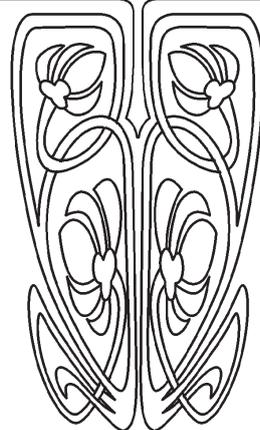
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Artamonov, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

© Артамонов Д. С., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the problem of the production of historical knowledge in the digital age. The author believes that historical science, existing in the paradigm of «Digital Humanities», has acquired a new object of cognition – collective memory, abandoning the study of the past as a non-existent reality in favor of the study of ideas about it. In the multi-channel communication process, the formation of socio-epistemic arenas brings historical knowledge and historical memory together. **Theoretical analysis.** Socio-epistemic arenas are communication platforms for the production of historical knowledge developed by professional scientists, «smart crowds» and digital technologies in collective work formats. Participants in socio-epistemic arenas carry out distributed cognition, which is associated with the social context and collective memory, as it involves the inclusion of all previous experience of understanding historical reality in new interpretations of the past. **Conclusion.** The participation of the masses of Internet users in the study of History, who appropriate the results of collective research work, leads to the leveling of the boundaries between historical knowledge and historical memory. The principles of the rhetorical arenas of the communication space and civil science determine the structure of socio-epistemic arenas, the functioning of which is subordinated to the logic of the media.

Keywords: socio-epistemic arenas, rhetorical arenas, historical knowledge, historical epistemology, social epistemology, distributed cognition, historical memory, collective memory

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: a study of media strategies for reproducing ideas about the past in Russia and foreign countries”).

For citation: Artamonov D. S. Socio-epistemic arenas of historical cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровая революция современного общества изменила традиционные способы производства знания, а вместе с этим изменились и представления об его источниках. В классической эпистемологии выделяют три источника знания: 1) находящийся в фокусе познания объект; 2) субъект и его познавательные способности; 3) социальные условия познания [1, с. 5]. Значение субъекта в познавательном процессе определялось его творческой конструктивной ролью в получении знания, но вместе с тем за ним признавался ряд недостатков, присущих ему иллюзий и заблуждений. Социальные условия познания лишь усугубляли ситуацию, наделяя субъекта предрассудками, стереотипами, мифами, культурными штампами, которые он приобретал в процессе социализации и жизни в обществе и полностью освободиться от которых был не в силах. Только объект познания сохранял позитивное содержание знания, вычленение которого требовало интеллектуальных усилий по преодолению субъективного восприятия действительности, окруженного личностными и социальными помехами и внешними шумами. Между тем и субъект, и объект представляют собой социальные конструкции, так как познается только то, что является частью человеческого мира, следовательно, содержание и форма знания социальны, а познание возможно только с учетом норм и правил, установившихся в обществе. Данный подход был обоснован социальной эпистемологией.

Устранение исторического и философского знания из социального контекста равнозначно его ликвидации. Социальные и культурные факторы не просто обуславливают определенные модификации гуманитарного знания, они вы-

ступают его главным конструирующим инструментом. Историческое знание невозможно без интерпретации данных, носящей субъективный характер, а обращение к трудам предшественников усиливает субъективность восприятия событий прошлого и их реконструкцию, так как представляет собой интерпретацию интерпретаций. Субъективность историка детерминирована социальными условиями современности и методологией научного исторического исследования, поэтому историческое знание обладает собственной эпистемологией – исторической, которую необходимо рассматривать как часть социальной.

Признание невозможности преодоления историком при реконструкции прошлого своей субъективности стало общим местом в историко-эпистемологических исследованиях, посвященных теории исторического познания. Историк не может быть свободным от личных убеждений, ценностных установок и идеалов, обусловленных социальной, этнической, религиозной и т.д. группой, к которой он принадлежит, в силу чего его взгляды определяют восприятие им социальной и исторической реальности. Осознание невозможности преодоления историком субъективности привело к тому, что историческую науку стало меньше интересовать воссоздание реальности прошлого, событий и условий человеческой деятельности, а усилия историков сконцентрировались на исследовании способов восприятия и интерпретации людьми окружающей их действительности. Дискурс постмодернизма определил интерес историков к субъективному историческому опыту человека и потребовал изменения объекта исследования. Постмодернистских исследователей истории стала волновать не объективная историческая истина, отраженная в

источниках и позволяющая воссоздать прошлое таким, каким оно было, а память, содержащая представления о прошлом и демонстрирующая то, как оно воспринимается, исходя из индивидуального исторического опыта.

Теоретический анализ

Как отмечал Й. Рюзен, культурные практики воспроизведения прошлого как истории, ее символического изображения занимают место профессиональных академических практик производства исторического знания, что вызывает интерес «не только в гуманитарных науках, но даже более в общественной жизни, где мемориалы, монументы, годовщины и другие институты и церемонии коллективных воспоминаний играют важную роль» [2, с. 10]. Историк, вступая в пространство изучения исторической памяти, приобретает связь с настоящим, так как память – это всегда актуальный феномен, переживаемый здесь и сейчас. В ситуации постмодерна данное положение вещей составляло проблему, потому что история, помещенная на почву живой памяти, теряла статус науки. Утрачивая свои фундаментальные принципы познания, она признавалась средством идеологии и политическим оружием в борьбе за власть, синтезирующим научную рациональность и литературную форму в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции прошлого.

Эпоха метамодерна, актуализировавшая настоящее вместо будущего модерна и прошлого постмодерна, дает истории как науке второй шанс. В 2011 г. Льюк Тёрнер в своем «Манифесте метамодерниста» утверждал, что ностальгия и футуризм являются приметой современности, где настоящее определяется как сочетание безотлагательности и угасания. Новые цифровые технологии предоставляют возможность одновременного восприятия, интерпретации и репрезентации событий с множества различных позиций, что способствует «демократизации» истории, в которой научность сочетается с «поэтической элегантностью», а в поисках истины участвуют не только ученые, но и художники, рассматривающие всю информацию как почву для эмпирического или афористического знания, независимо от её истинности [3].

Несмотря на то, что исследователи говорили о демократизации исторического знания уже с конца XX в. (например, А. Мегилл и др. [4, с. 235, 439]), историческая наука только сейчас, обратившись к изучению феномена коллективной памяти, может выйти из затяжного кризиса, вызванного невозможностью дать объективную картину прошлого. Методы исторического исследования, выработанные при изучении истории повседневности,

истории идей, общественного мнения, микроистории, эго-документов, больших массивов данных, оказываются вполне пригодными для анализа коллективных форм памяти, существующих не только в настоящем, но и в прошлом. История, избравшая объектом исследования историческую память, может дать объективное представление о том, как воспринималось и воспринимается прошлое и какие его образы определяют массовое сознание. Историческое знание, таким образом, представляет собой знание о памяти.

В создании коллективно разделяемых представлений о прошлом участвуют большие группы людей, воспроизводящие образы прошлого в процессе коммуникации. Память и ее коллективные формы могут рассматриваться как коммуникационный феномен. Я. Ассман связывает коммуникативную память с устной историей (*oral history*), с воспоминаниями о недавнем прошлом, разделяемыми современниками и циркулирующими в обществе в течение 2–3-х поколений [5, с. 52–54]. Между тем память формируется в процессе постоянного общения индивидов между собой внутри различных сообществ путем обмена воспоминаниями, новостями и знаниями. Это общение может происходить непосредственно при устной коммуникации, но с развитием коммуникационных каналов оно становится все более опосредованным, а социальные медиа начинают играть определяющую роль в конструировании общих воспоминаний о прошлом вне зависимости от того, насколько хронологически далеко это конструирование отстоит от современности. Память о Древней истории в медиапространстве конструируется по тем же правилам, что и воспоминания о событиях вчерашнего дня, а углубленная погруженность современного человека в медиа стирает между этими периодами принципиальную разницу. Давняя история может быть не менее актуальной, чем события, произошедшие накануне.

Эмпирический анализ

В коммуникационном пространстве обмен информацией происходит в формате риторической арены, состоящей из множества голосов, общающихся друг с другом, с окружающими или друг против друга. В теории риторической арены под голосом понимается вклад различных коммуникаторов в производство информации с учетом того, что роли отправителя и получателя изменчивы. Данное представление было первоначально разработано для описания принципов работы организационной кризисной коммуникации, но оно обладает широким концептуальным аппаратом, применимым к другим контекстам.

Риторические арены состоят из множества различных коммуникационных пространств, аккумулирующих разные виды информации, повествований и интерпретаций. В них имеют место как сложные и динамичные коммуникационные акты, вовлекающие многих производителей информации по различным каналам, так и коммуникационные процессы, протекающие внутри арены, в которых особое значение имеют контекст, тип медиа, жанр и текст. Основной характеристикой риторической арены является используемый канал коммуникации, определяющий набор возможностей и типы коммуникативного поведения различных групп пользователей. Например, традиционные СМИ отличаются односторонней коммуникацией, но они обеспечивают широкое освещение событий на большие аудитории, а социальные медиа подразумевают многоканальную связь и используются для обмена информацией и ее обсуждения [6, р. 238].

Производство исторической информации в цифровом обществе, как и любой другой, подчинено логике риторических арен, подразумевающей не только формальные, но и неформальные процедуры, публикационные нормы, коммерческие стратегии и применение технологий, влияющих на процесс создания медиа-сюжетов, и дополненных логикой социальных медиа, изменивших алгоритмы создания и распространения контента, формат информационного материала и способы его восприятия. Цифровой поворот в гуманитарных науках обусловил изменения в механизмах производства исторического знания, они стали более подвержены принципам медиа, причем исследовательский процесс всегда предполагал не только научные открытия, но и их публикацию [7, с. 59]. Цифровые гуманитарные науки отличает междисциплинарность, совместный характер работы и социальное вовлечение, ставшее возможным благодаря социальным медиа. Научные поиски активизируют создание локальных сетевых сообществ, объединяющих профессиональных ученых и непрофессионалов-любителей, использующих информационные технологии для производства, репрезентации и трансляции знаний. Эти сообщества существуют в формате риторических арен, которые следует рассматривать в качестве социально-эпистемических, что соответствует их научной и знаниевой природе. Другими словами, социально-эпистемические арены выступают разновидностью риторических арен, действующих в коммуникационном пространстве производства любого социально значимого знания, в том числе и исторического.

Выработка знания в рамках социально-эпистемических арен организована на принципах научного исследования и гражданской науки (Citizen science), коллективной работы, при помощи технологий краудсорсинга, с привлечением широкого круга добровольцев и проводится на медиа-площадках, которые обеспечивают репрезентацию и публикацию полученного результата. В производстве знания участвуют три равноправных актора: 1) ученый-профессионал или группа ученых, определяющие проблему исследования, ставящие задачи и выступающие организаторами работы; 2) «умные толпы», массы интернет-пользователей, любители-добровольцы, объединенные при помощи социальных медиа и организованные на совместную деятельность; 3) цифровые технологии (нечеловеки в терминологии Б. Латтура), выступающие не только в роли инструментов научного исследования, но и активно влияющие на конечный результат при помощи систем искусственного интеллекта. Знание в данном процессе является результатом разнонаправленных коммуникационных актов, производимых с целью получения необходимой актуальной информации.

В рамках социально-эпистемических арен субъектом производства знания оказываются не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники, осуществляющие распределенное познание. По мнению Э. Хатчинса, существенными чертами распределенного познания являются коллективность, осуществление познания в естественной социальной среде и включение в коллектив познающих материальных носителей и технологий [8, р. 45–46]. Цифровые технологии позволяют задействовать в процессе распределенного познания неограниченное количество заинтересованных акторов, фиксируя следы профессиональных дискуссий и общественных обсуждений. Сформировавшееся в результате таких дискуссий знание является социально прочным, так как опирается на вклад большого числа членов социума, и эпистемически надежным, так как получает одобрение общества, участвующего в его создании. Распределенное познание предполагает включение в текущую познавательную ситуацию уже сделанных выводов и опыта прошлых событий, а потому оно становится связанным с коллективной памятью [9, с. 180].

Заключение

Введение понятия «социально-эпистемическая арена» позволяет описать новые способы производства исторического знания в цифро-

вом обществе. Оно перестало быть монополией профессиональных историков, так как прежде молчаливое большинство масс получило право голоса в интерпретации прошлого. Повышенный интерес к исторической памяти со стороны не только общества, но и профессиональных историков позволяет преодолеть кризис исторической науки через ее массовизацию и цифровизацию. Историческое знание становится также знанием и об исторической памяти и между ними все труднее провести границу. История и память в коммуникационном пространстве сливаются в одно целое и их воспроизводство подчинено механике риторических арен, организовывающихся в медиасреде. Социально-эпистемические арены – это риторические арены в сфере познания, характеризуемого цифровой коммуникационной природой.

Список литературы

1. Касавин И. Т. Социальная эпистемология : понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7, № 1. С. 5–15.
2. Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 7. С. 8–25.
3. Turner L. Metamodernist || Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 29.11.2021).
4. Мегилл А. Историческая эпистемология / науч. ред. Л. П. Репина. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
5. Ассман Я. Культурная память. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Rodin P., Ghersetti M., Odén T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication : A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2019. № 27. P. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>
7. Тихонова С. В., Афанасьев И. А. Общество риска : мифологизация одной парадигмы // Человек. 2009. № 3. С. 57–63.
8. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27, № 1. P. 34–49.
9. Шиповалова Л. В. Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый : лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–190. <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

References

1. Kasavin I. T. Social epistemology: Concept and problems. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2006, vol. 7, no. 1, pp. 5–15 (in Russian).
2. Ryuzen Y. “Losing the sequence of history”. *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review], 2001, no. 7, pp. 8–25 (in Russian).
3. Turner L. *Metamodernist || Manifesto*. Available at: <http://www.metamodernism.org/> (accessed 12 November 2021).
4. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Canon + ROOI “Rehabilitation” Publ., 2007. 480 p. (in Russian).
5. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat* [Cultural Memory]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
6. Rodin P., Ghersetti M., Odén T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2019, no. 27, pp. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>
7. Tihonova S. V., Afanasev I. A. Risk Society: Mythologization of one paradigm. *Chelovek* [The Man], 2009, no. 3, pp. 57–63 (in Russian).
8. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition. *Philosophical Psychology*, 2014, vol. 27, no. 1, pp. 34–49.
9. Shipovalova L.V. Distributed cognition – analytics and problematization of the concept. *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher’s Lab], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 175–190 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 22.06.2022

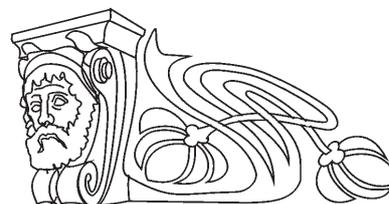

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 243–247
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 243–247
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-243-247>

Научная статья
УДК 1(091)

Диалектика антагонизма: критика философии Г. В. Ф. Гегеля в миметической концепции Р. Жирара

М. В. Гафуров

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Гафуров Максим Витальевич, ассистент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, max.gafurov@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3281-0692>

Аннотация. Введение. В данной статье рассматривается миметическая концепция Р. Жирара в контексте заочной полемики с философией Гегеля в интерпретации А. Кожева. **Теоретический анализ.** В рамках историко-философского исследования обозначаются сходства и различия данных концепций, обнаруживаются рецепции и влияния философии Гегеля на миметическую концепцию Жирара. Анализируется понятийный аппарат миметической концепции: мимезис, миметическое желание, обезразличенность, жертвенность, обнаруживаются сходства данных понятий с концепциями в философии Гегеля. Особое внимание уделяется критическому взгляду Жирара на гегельянскую мысль: диалектику антагонизма, концепцию «конца истории». Проводится сравнительный анализ данных философских концепций. Акцентируется внимание на проблеме желания у Гегеля и Жирара, а также на феномене жертвенности. Отдельный исследовательский интерес представляет влияние на взгляды Жирара авторов, испытавших влияние А. Кожева, таких как Жан-Поль Сартр, Роже Кайуа, Жорж Батай. **Заключение.** Несмотря на попытку Жирара дистанцироваться от философии Гегеля, обнаруживается влияние Гегеля в интерпретации А. Кожева на некоторые ключевые концепции Жирара: проблему желания, антагонистический характер человеческого бытия, жертвенность как антропологический принцип.

Ключевые слова: Р. Жирар, Г. В. Ф. Гегель, А. Кожев, диалектика антагонизма, миметическая концепция

Для цитирования: Гафуров М. В. Диалектика антагонизма: критика философии Г. В. Ф. Гегеля в миметической концепции Р. Жирара // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 243–247. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-243-247>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The dialectics of antagonism: The critique of G. W. F. Hegel's philosophy in R. Girard's mimetic concept

M. V. Gafurov

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Maxim V. Gafurov, max.gafurov@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3281-0692>

Abstract. Introduction. In this article, the author examines the mimetic concept of R. Girard in the context of the correspondence polemic with the philosophy of Hegel, in the interpretation of A. Kojeve. **Theoretical analysis.** As part of the historical and philosophical research, the author identifies the similarities and differences between these concepts, discovers the reception and influence of Hegel's philosophy on Girard's mimetic concept. The conceptual apparatus of the mimetic concept is analyzed: mimesis, mimetic desire, indifference, sacrifice, and similarities between these notions and the concepts in Hegel's philosophy are revealed. Particular attention is paid to Girard's critical view of Hegelian thought: the dialectic of antagonism, and the concept of the "end of history". The author conducts a comparative analysis of these philosophical concepts, focusing on the problem of desire in Hegel and Girard, as well as on the phenomenon of sacrifice. A separate research interest is the influence on the views of Girard by the authors who were influenced by A. Kojeve such as Jean-Paul Sartre, Roger Caillois, and Georges Bataille. **Conclusion.** Despite Girard's attempt to distance himself from Hegel's philosophy, Hegel's influence is revealed, in the interpretation of A. Kojeve, on some of Girard's key concepts: the problem of desire, the antagonistic nature of human existence, and sacrifice as an anthropological principle.

Keywords: R. Girard, G. W. F. Hegel, A. Kozhev, dialectic of antagonism, mimetic concept

For citation: Gafurov M. V. The dialectics of antagonism: The critique of G. W. F. Hegel's philosophy in R. Girard's mimetic concept. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 243–247 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-243-247>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жирар отрицал прямое влияние философии Гегеля на миметическую концепцию: «В 1961 году, когда вышла „Ложь романтизма и правда романа“, именно по этим причинам многим хотелось видеть во мне наследника Кожева, великого комментатора Гегеля... Однако я открыл эту диалектику независимо от кого бы то ни было» [1, с. 54–55]. Нет сомнения, что миметическая концепция является оригинальным философским проектом. Но, несмотря на отрицания, можно увидеть определенные сходства данных концепций, а также общий интерес к проблеме антагонизма и феномену жертвенности. В свете данных сходств утверждение Жирара выглядит либо лукавством, либо ненамеренным отрицанием рецепций феноменологии Гегеля. Возможно, определенные идеи, выдвинутые Жираром, были инспирированы рядом французских философов, испытавших на себе влияние лекций, прочитанных в Париже (1933–1939 гг.), интерпретатором Гегеля Александром Кожевым. В число таких мыслителей входили: Роже Кайуа, Жорж Батай, Жак Лакан, Морис Мерло-Понти и Жан-Поль Сартр, про которого Жирар говорил, что тот стал первым философом, которого он понял.

Теоретический анализ

Антагонизмам, являющимся причиной борьбы и насилия, как у Гегеля, так и у Жирара предшествует проблема желания. Гегель различает животные и антропогенные желания; человеческие желания, связанные с самопознанием. «Гегель резюмирует здесь основное различие между человеком и низшими животными, которым, по его мнению, даровано лишь “чувство себя”... Однако, если это желание по-прежнему направлено на естественные, осязаемые или просто живые объекты, оно находится на уровне животного инстинкта. Естественные объекты желания, утверждает Гегель, не могут вызывать самосознание, а скорее лишь “чувство”, присутствующее самому себе, животным желанием. С другой стороны, чтобы достичь самосознания, желание должно быть направлено на “неестественный” объект: желание другого» [2, р. 113–114]. Таким образом, как отмечает Кожев, «желание должно быть направлено на другое желание» [3, р. 5]. То есть подлинно человеческим оказывается то желание, которое «опосредовано» желанием Другого. Иначе говоря, объект желания наделяется смыслом, потому что он ценен для Другого. В этом утверждении Жирар соглашается с гегельянским взглядом на проблему желания.

Кожев утверждает, что Гегель видит сущность желания в отрицании. Другими словами,

этот объект должен быть отрицаем или уничтожен, «ибо Желание есть отсутствие Бытия (быть голодным – значит быть лишенным пищи); это Ничто, ничтожное в Бытии, а не Бытие, которое есть» [3, р. 40]. В концепции Жирара субъект не обладает желанием в принципе, а лишь подражает желанию Другого, так же как и Другой не имеет своего собственного желания, но подражает предыдущему. Таким образом, желание обнаруживается лишь в мимезисе (подражании). Объект желания «облагораживается», поскольку его желает Другой, субъекты находятся в миметической взаимосвязи, т. е. подражают желанию друг друга, что впоследствии и приводит к антагонизму. Жирар демонстрирует данное утверждение схемой «треугольного желания»: в верхнем углу находится объект желания, в двух нижних – субъекты, а стороны треугольника – миметическая связь между ними.

Прежде чем перейти к проблеме антагонизма, следует прояснить некоторые понятия, введенные Жираром, объясняющие причину соперничества: *мимезис присвоения* и *метафизическое желание*. *Мимезис присвоения* – это стремление субъекта заполучить желаемый объект, которым владеет либо желает Другой. Таким образом, мимезис присвоения может быть охарактеризован как ресентимент, зависть, конкуренция. Однако в своем намерении обладать чем-либо субъект подражает Другому. Подражание приводит к тому, что субъект стремится захватить бытие Другого, т. е. стать им. Данную форму мимезиса Жирар обозначает как *метафизическое желание*. В свою очередь Другой сопротивляется этому захвату, чтобы не допустить утери различий. В этом отношении Жирар видит негативную сторону мимезиса как исток всех антагонизмов между людьми, который с необходимостью приведет к соперничеству и насилию.

Для Гегеля антагонизм выстраивается на борьбе противоположностей, отсюда следует диалектика «раба и господина», приводящая историю в движение и в конечном итоге к «концу истории». Признание позиции господина реализуется в человеческом самосознании, т. е. в преодолении природной обусловленности, которая воплощается в жертвенности или аскезе. Раб для господина ничтожен, поскольку обусловлен природой. Раб обретает самосознание посредством труда, преобразующего мир и движущего историю. Таким образом, господин теряет автономность, поскольку его существование полностью зависит от труда раба. «Несчастное сознание» становится отправной точкой смены позиций раба и господина. Антагонизм по Гегелю – это противостояние двух противоположностей.

Жи́рар подходит к проблеме антагонизма с другой точки зрения. Для него причиной соперничества выступает не борьба противоположностей, а противостояние схожих между собой субъектов. Мимезис, приводящий соперников к утере различий, приводит их к состоянию, когда каждый видит в сопернике «чудовищного двойника» (понятие, предложенное Жи́раром). В проекте «фундаментальной антропологии» Жи́рар неоднократно обращается к религии и мифологии архаичных обществ: «Этнографии известно, что ритуальная нечистота связана с распадом различий. Но ей непонятна угроза, сопряженная с этим распадом» [4, с. 82–83]. Например, иррациональный страх архаичных обществ перед близнецами, описанный К. Леви-Строссом («В тропической Америке, но также и в других местах, индейцы боятся рождения близнецов, поэтому предадут смерти одного из них или же их обоих» [5, р. 109]), Жи́рар объясняет страхом перед миметическим соперничеством, которое влечет за собой насилие, вовлекающее в себя все сообщество.

Таким образом, для Жи́рара антагонизм – это вражда схожих, а не противоположных субъектов. Отсюда следует, что соперничество направлено не на господство, а на уничтожение соперника. Обезразличенность¹ – потеря различий между субъектами как следствие миметического желания заставляет соперников вступать в борьбу за утверждение своего бытия как единственного. Обращаясь к трудам антропологов и этнографов, Жи́рар видит стремление к асимметрии в архаических обществах, объясняя их страх перед одинаковыми или схожими вещами. В качестве примера в работе «Насилие и священное» Жи́рар приводит случай сравнения двух братьев, описанный Брониславом Малиновским в работе «Отец в первобытном обществе», когда указание на схожесть во внешности было воспринято аборигенами на островах Тробриан как оскорбление или проклятие. То же самое относится и к сравнению сына с отцом в матрилинейных обществах. Чукчи за преступления наказывают не преступника, а его родственника для того, чтобы избежать симметричности насилия. Все эти примеры, по мнению Жи́рара, отражают картину мира архаического человека, представление о том, что в мире не может быть одинаковых или схожих вещей.

Такой взгляд на антропологию получил развитие в одной из последних работ Жи́рара «Завершить Клаузевица», в которой важное

¹ Фр. L'indifférenciation – неологизм, введенный переводчиком работы Жи́рара «Насилие и священное» Г. М. Дашевским, впоследствии используемый российскими исследователями и переводчиками работ Р. Жи́рара.

место занимает критика гегельянской мысли. Сравнивая подход к осмыслению природы антагонизмов у Гегеля и Клаузевица, Жи́рар указывает: «Коротко говоря, Клаузевиц ежедневно учит меня не верить той “подлинной истории”, которая, по Гегелю, неуклонно движется вперед под покровом “видимой” истории и пародии на которую позитивисты именуют “национальной идеей” или “прогрессивизмом”... “Смертельная борьба” здесь предстает как нечто большее, чем просто желание признания – не диалектикой раба и господина, а безжалостной схваткой между двумя близнецами» [1, с. 69]. Жи́рар и Гегель исходят из общих положений, фокусируясь на проблеме желания и насилия. Однако в работе «Завершить Клаузевица» становится понятным утверждение Жи́рара о том, что он не является продолжателем идей комментатора Гегеля А. Кожева: «Я открыл эту диалектику независимо от кого бы то ни было» [1, с. 54–55]. Если для Гегеля желание связано с потребностью в признании и именно реализация этого стремления ввергает историю в кровавую борьбу, то для Жи́рара желание обусловлено мимезисом. Подражание, которое устраняет различия, приводит к насилию как к единственно возможному выходу из неразличимости. Соперники стремятся к устранению обезразличенности через уничтожение одного из них: «У тутси и хуту не было никакой “потребности в признании”, а было соперничество близнецов, которое в результате устремления к крайности вылилось в геноцид» [1, с. 67].

Диалектика антагонизма у Жи́рара не предполагает какого-либо прогресса или же движения истории. Уже в своей ранней работе он выступает с критикой тезиса Гегеля о конце истории, также он отвергает и чаяния марксистов на построение коммунизма. «Гегель полагается на историческую рефлексию и логику. Когда в человеческих отношениях перестанут царить насилие и произвол, за ними по необходимости последует *Befriedigung*, примирение, и так придет царствие Духа. Нынешние гегельянцы, и в особенности марксисты, от этой надежды так и не отказались» [6, с. 142]. Для Жи́рара как религиозного мыслителя греховность человеческой природы остается неизменной. Тщеславие, зависть, ненависть не устраняются прогрессом истории, а находят выход в миметическом желании, которое снова и снова приводит к насилию.

Жи́рар критикует Гегеля за излишне оптимистичный взгляд на прогресс человеческой истории, указывая на то, что мысль Гегеля о «конце истории», продолжающая гуманистический идеал Просвещения, не получила свою реализацию в современности. Крупнейшие

конфликты, произошедшие в XX в., продемонстрировали обострение вражды и разрушили идеалистические представления на прогресс. Реализм Жирара заключается в том, что он отвергает какое-либо развитие человека в сторону гуманности, указывая на неизменность миметической природы, которая в любом случае найдет выход в кровопролитии. Например, миметический характер взаимоотношений Франции и Пруссии был завершён битвой при Вердене в 1916 г., когда устремление к крайности привело эти две европейские державы от безразличности к безразличию.

Выход из миметического соперничества Жирар видит в священном, которое в свою очередь связывает с насилием. Когда соперничество приводит к потере всяких различий, агрессия враждующих сторон находит выход в *Другом*, в невиновной в миметическом кризисе жертве. Поскольку насилие Жирар связывает с обезличенностью, вина за насилие возлагается на того, кто имеет отличия от враждующих сторон, сохранив их вследствие избегания мимезиса. Данный концепт Жирар обозначает как механизм «козла отпущения», когда все сообщество в процессе захлестнувшего его насилия объединяется против одного. На жертву возлагается вся вина за миметический кризис, но поскольку жертва невиновна, впоследствии она обожествляется. Таким образом, жертва по Жирару несет в себе амбивалентные черты, она связана с насилием и греховностью и в то же время священна.

«Хотя слово “жертвенность” не играет важной терминологической роли в творчестве Гегеля, жертвоприношение во многих отношениях встречается повсеместно из-за решающей роли отрицания как формы смерти, что было особенно подхвачено Кожевым и его последователями» [7, р. 67]. С точки зрения гегельянской мысли в интерпретации Кожева жертвенность – это переход от бытия к ничто. Человеческое бытие обретает себя в стремлении отказа от природной данности, в конечном итоге проявляется в способности пожертвовать жизнью. Таким образом, жертвенность в какой-то мере тождественна понятию «героизм». Развитие Духа реализует себя в движении от субъективного к объективному, возможностью посредством негации жертвовать частным ради общего, например, индивидуальным интересом ради всего общества, государства и т.п. Жирар упрекает такой подход к жертвенности за излишний романтизм и идеализм. Если Гегель видит в жертвенности реализацию человеческой свободы, то у Жирара она представлена как механизм, действующий по необходимости как антропологический принцип,

который позволяет найти выход из замкнутого на себе насилия. Однако такая жертвенность по Жирару находит себя в архаических, языческих религиях. В контексте христианства Жирар видит жертвенность Христа как иной модус священного. Абсолютизация фигуры Бога-жертвы снимает проблему замкнутости миметического насилия. Мимезис в христианстве как подражание Богу являет себя не в негативном проявлении как зависть, ревность, ненависть, а как любовь к ближнему.

Заключение

Жирар делает акцент на гегельянской мысли еще в ранней работе «Ложь романтизма и правда романа», в которой он рассматривает феномен желания у Гегеля, противопоставляя ему концепцию миметического желания. Жирар выступает с развернутой критикой Гегеля, противопоставляя его взгляду на природу вражды воззрения Клаузевица в работе «Завершить Клаузевица», уделяя внимание концепциям диалектики «раба и господина», «конца истории» и т. п. Жирар вслед за Гегелем видит антагонистичность человеческого бытия, тем не менее он дистанцируется от гегельянской диалектики, указывая на то, что не является продолжателем этой философии. Однако мы обнаруживаем рецепции и влияния гегельянской мысли на миметическую концепцию Жирара. Это также становится очевидным, поскольку Жирар часто использует терминологический аппарат, характерный для мысли Гегеля. Следует отметить огромное влияние на французскую философию XX в. А. Кожева, взгляды которого не могли не сказаться на творчестве Жирара и некоторых мыслителей, испытавших воздействие Гегеля, таких как Ж.-П. Сартр и Ж. Батай, идеи которых легли в основу миметической концепции Жирара.

Список литературы

1. Жирар Р. Завершить Клаузевица. М. : ББИ, 2019. 300 с.
2. Palaver W. René Girard's Mimetic Theory. East Lansing : Michigan State University Press, 2011. 403 p.
3. Kojeve A. Introduction to the Reading of Hegel ; Lectures on the Phenomenology of Spirit. New York : Basic Books, 1969. 287 p.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
5. Lévi-Strauss C. Nous sommes tous des cannibales. Précédé de Le père Noël supplicié. Paris : Le Seuil, 2013. 287 p.
6. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

7. Ramelow A. T. *Sacrifice in Hegel and Girard // Mimetic theory and world religions* / ed. by W. Palaver, R. Schenk. East Lansing : Michigan State University Press, 2017. P. 13–63.

References

1. Girard R. *Achever Clausewitz*. Paris, Carnets Nord, 2007. 368 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Zavershit Klauzevitsa*. Moscow, BBI Publ., 2019. 300 p.).
2. Palaver W. *René Girard's Mimetic Theory*. East Lansing, Michigan State University Press, 2011. 403 p.
3. Kojeve A. *Introduction to the Reading of Hegel; Lectures on the Phenomenology of Spirit*. New York, Basic Books, 1969. 287 p.
4. Girard R. *La violence et le sacré*. Paris, Grasset, 1972. 451 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Nasilie i svyashchennoe*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 448 p.).
5. Lévi-Strauss C. *Nous sommes tous des cannibales. Précédé de Le père Noël supplicié*. Paris, Le Seuil, 2013. 287 p.
6. Girard R. *Mensonge romantique et la vérité romanesque*. Paris, Fayard/Pluriel, 2011. 352 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Lozh romantizma i pravda romana*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 352 p.).
7. Ramelow A. T. *Sacrifice in Hegel and Girard*. In: Palaver W., Schenk R., eds. *Mimetic Theory and World Religions*. East Lansing, Michigan State University Press, 2017, pp. 13–63.

Поступила в редакцию 07.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 07.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–252

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 248–252

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-248-252>

Научная статья

УДК 101.1

Динамика представлений о процессе секуляризации в социально-философском дискурсе

А. А. Карташов

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

Карташов Алексей Александрович, аспирант кафедры социальной философии, alexei.kartashov.2017@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6126-657X>

Аннотация. Введение. В статье анализируется процесс секуляризации западно-европейского общества как источника мирового секуляризма с точки зрения российского современного философа Григория Борисовича Гутнера и канадского философа, историка культуры Чарльза Маргрэйва Тейлора. **Теоретический анализ.** Целью данной статьи, в первую очередь, является не только анализ секуляризма как такового, но и попытка разобраться в путях выхода из системы его координат, загнавшей себя в собственную ловушку. Труды ученых помогают нам осмыслить причины зарождения этой идеологической концепции, подробно разобраться в пресекулярном периоде, дать оценку современному этапу общественного сознания. Что способствовало кардинальной смене доминанты в соотношении значимости светского и духовного? Как случилось, что многовековая чаша весов, на которой незыблемо лежал фундаментальный постулат идеи Божественного замысла, вдруг уступила рационализму научного познания и опытного исследования? Почему отделение науки от теологии в итоге дезинтегрировало все сферы жизни, трансформировав ее из параллельной области в область богоотрицания и богоборчества? Каковы перспективы развития внутреннего человека, формирования его душевных и духовно-нравственных качеств на фоне стремительного развития технического прогресса? **Заключение.** Дана оценка сегодняшнего времени относительно секулярных и постсекулярных процессов, основанная на исследованиях Г. Б. Гутнера и Ч. Тейлора, их подробном разборе поворотных этапов человеческой цивилизации.

Ключевые слова: секуляризация, Гутнер, Тейлор, секуляризм, наука, постсекулярность, Бог, общество, дух

Для цитирования: *Карташов А. А. Динамика представлений о процессе секуляризации в социально-философском дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–252. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-248-252>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dynamics of ideas about the process of secularization in socio-philosophical discourse

A. A. Kartashov

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, 42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia

Alexey Kartashov, kartashov.alexei.2017@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6126-657X>

Abstract. Introduction. The article analyzes the process of secularization of Western European society as a source of world secularism from the point of view of a Russian modern philosopher Grigory Borisovich Gutner and a Canadian philosopher, cultural historian Charles Margrave Taylor. **Theoretical analysis.** The purpose of this article, first of all, is not only the analysis of secularism as such, but also an attempt to understand the ways out of its coordinate system, which has driven itself into its own trap. The works of scientists help us to comprehend the reasons for the origin of this ideological concept, to understand in detail the pre-secular period, and to assess the current stage of public consciousness. What contributed to the cardinal change of the dominant in the ratio of the importance of the secular and spiritual? How did it happen that the centuries-old scale, on which the fundamental postulate of the idea of Divine design lay unshakably, suddenly gave way to the rationalism of scientific knowledge and experimental research? Why did the separation of science from theology, as a result, disintegrate all spheres of life, transforming it from a parallel area into the area of God-denial and God-fighting? What are the prospects for the development of the inner man, the formation of his mental and spiritual and moral qualities against the background of the rapid development of technological progress? **Conclusion.** In conclusion, the assessment of today's time, relative to secular and post-secular processes, based on the research performed by G.B. Gutner and Ch. Taylor and their detailed analysis of the turning stages of human civilization, is given.

Keywords: secularization, Gutner, Taylor, secularism, science, postsecularity, God, society, spirit

For citation: *Kartashov A. A. Dynamics of ideas about the process of secularization in socio-philosophical discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 248–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-248-252>*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Чтобы целостно рассмотреть западно-европейскую концепцию секулярности и прийти к пониманию этого термина, нужно в первую очередь зафиксировать момент генезиса данного явления. Наиболее ясно хронологические переходы в переменах общественного сознания сформулированы и определены в периодизацию в трудах Г. Б. Гутнера.

Поскольку период, предшествующий секулярности, длился намного дольше периода расцвета главенствующего секуляризма, рассмотрим сначала именно пресекулярную эпоху, ведь само понятие «секуляризм» кроется в противостоянии его предшествующему общественному сознанию.

Теоретический анализ

Пресекулярность, как называет этот период общественного сознания в своих трудах Г. Б. Гутнер, представляет собой некий синтез понятий, объединенных в первую очередь главной идеей: мир – это творение Бога. Данная идея, заложенная в основании пресекулярности, служит ключом к возможности целостности понятий, включающих в себя естественное и сверхъестественное [1, с. 65]. Здесь впервые встречается такая характеристика идеи, как тотальность. Тотальным является сам постулат, на котором построено общественное сознание, а именно Бог. Впоследствии проблема тотальности будет возникать и в концепции секулярности. Вследствие тотальности идеи о том, что в этом мире ничто не может существовать без Божественного замысла, апелляция к нему служила ответом на любой вопрос и объяснением любого явления.

Такой подход напрямую проецировался на все виды деятельности человека и общества в целом. Бог – творец всего сущего и все в мире является выражением Его воли. Следом идет человек – главное творение Бога, созданный по Его образу и подобию, а значит продолжатель творения. Далее – вся человеческая деятельность, в том числе политическая, научная, личная и общественная, все это следствие Божественного замысла, воплощаемого Им через человека. При этом сам человек приобщается к Богу и продолжает Его дело. Главная мысль заключена в том, что каждая сфера общественной жизни, будь то экономическая, социальная, научная или политическая, берет свое начало от духовной.

Так, основная функция светской власти в контексте пресекулярности перед духовной властью состояла в исполнении долга по поддержке и защите христианского учения.

Если исходить из теории Фомы Аквинского, то попытки постичь цели в природе представляют собой путь разума, движущегося к Богу [1, с. 70], т. е. роль науки заключается в структурировании базиса, являющегося лишь предварительной ступенью в постижении теологии. В своих трудах Г. Б. Гутнер иллюстрирует этот подход на примере структуры средневекового образования, где для допуска к изучению теологии обучающийся сначала изучал науку, свободные искусства и философию.

Особенно сильно воздействие религиозной власти проявляется в аспекте этики и нравственности. Главный источник норм морали и поведения – Священное Писание, в котором догматом выступают прямые апелляции к Богу, Его откровениям, направляющим человечество к спасению. Бытие, в котором можно отрицать или игнорировать ортодоксальность данного учения, просто не представлялось возможным [2, с. 68].

Теперь нужно представить себе парадигму, диаметрально противоположную этой концепции общественной мысли, т. е. секулярность. Одно из главных ее условий – автономность каждой сферы жизни человека от теологической основы. Научный метод познания в первую очередь предлагает причинно-следственную связь каждого события, явления или взаимодействия, допуская только данный тип мышления. Каждое явление должно иметь конкретную онтологическую цепь событий, причин и следствий, результатом которых становится исследуемый феномен. Теперь, если необходимо обратиться к Началу для завершения причинно-следственной связи, достаточно обозначить его как природу. Причем слово «природа» не служит заменой Божественному началу или его альтернативой. Смыслом данного понятия становится скорее некое неизвестное в уравнении. Как только ученому удастся познать и осмыслить природу на исследуемом этапе, она становится закономерной частью причинно-следственной цепи [3, с. 20].

Переход от пресекулярности к секулярности происходил довольно длительно с начала XVII в. и окончательно утвердился лишь в конце XVIII – начале XIX в. Этот переход не означал отказ от религиозных убеждений. Многие ученые оставались верующими людьми, относя самую природу к Божественному творению, а ее законы – к действию Божественного разума. Между тем суть природных явлений объяснялась только исследовательской практикой. Из этого следовало, что наука вообще не имеет со сферой религии общих областей для взаимодействия [4, с. 57].

Естественно, подобные мировоззренческие перемены не могли не коснуться политики. Т. Гоббс считал государственную власть своего рода продуктом человеческого соглашения как средства спасения и способа выживания в непрестанной борьбе с иными враждебными консолидациями. Отказ от личной свободы первобытного общества ради подчинения монаршей власти как гаранту гражданского мира накладывал на монарха ответственность за его поддержание перед подданными [5, с. 21]. Поскольку учреждение власти в данном случае рассматривалось как добровольный человеческий выбор, а не Божественное установление, то, соответственно, государственная власть никаким религиозным санкциям не подчинялась.

Подобные перемены коснулись и взглядов на мораль, несмотря на то, что для многих религий свод моральных заповедей выступает неотъемлемой частью Божественного Закона. Некоторые мыслители эпохи модерна, первым среди которых был Пьер Бейль, считали, что факты Священной истории свидетельствуют о некоторых весьма негуманных, жестоких деяниях, поощряемых религиозной моралью, а значит, в светском государстве мораль и нравственность должны основываться на доброй воле и разуме [6, с. 182]. Позже в секулярном взгляде на мораль Бейля поддержит Кант, философски обосновав, что мораль автономна по отношению к религии и никак не вытекает из нее, ибо следует долгу, чувством которого обладает каждый человек независимо от религиозных убеждений или их отсутствия. Значит, и единые моральные требования предъявляются каждому человеку без оглядки на его религиозные взгляды.

С эпохи модерна началось теоретически обоснованное отделение от религии науки, политики и морали, которое затронуло впоследствии экономику, медицину, искусство, право и другие сферы социума. Результатом такого поворота в отношении к религии, лишение ее доминанты в социальной жизни стала потеря целостности человеческого мира, его распад на автономные области, находящиеся между собой в определенной совокупности.

Дезинтеграция универсума в эпоху Просвещения сподвигла на поиски иной целостности, основанной на разуме. Во все сферы жизни, в том числе мораль, политику, науку, предполагалось внедрить рациональный подход, основанный лишь на очевидных началах, выведенных из безусловных принципов путем исследования явлений посредством разума, как закон достаточного основания. Евклидова геометрия, где все утверждения были выведены путем дедукции

постулатов и аксиом, а также безусловных оснований, выступила парадигмой такого подхода.

Однако к реализации программы секуляризации возникло достаточное количество препятствий, споров и разногласий, которые начались еще в XVII в. Отчаянно дискутировали интеллектуалисты и эмпирики, в основном на почве безусловных принципов. Никто не мог дать ответа на вопросы о природе начал и посредством чего эта природа открывается, а также насколько объективными и интеллектуальными можно считать субъективно обнаруживающиеся в человеке знания и чувственные восприятия.

Наконец, в XIX в. проект секуляризации, трансформировавшись из просвещенческого в позитивистский, обрел основу целостности на базе научной картины мира. Исследование материальной природы, ее понимание прогрессировали в физике, химии, биологии. Точность же эмпирического знания, обосновывающего жизненные практики, предполагалось дополнить социологией и психологией, с помощью которых человеку проще было бы понять самого себя и свое место в мире и впоследствии обрести полное счастье.

Несостоятельность таких надежд стала очевидной еще в первой половине XX в. Однако до сих пор они упорно подогреваются бурным развитием технического прогресса. Эдмунд Гуссерль, описывая проект секуляризации, назвал его результат кризисом европейской науки, приведшим не только к кризису рациональности, но и к кризису европейской цивилизации в целом [7, с. 83].

Еще более детально рассматривает причины секуляризации канадский философ Чарльз Маргрейв Тейлор в своем масштабном опусе «Секулярный век». Главным вопросом здесь является само возникновение возможности утраты доверия к, казалось бы, незыблемым, тоталитарным позициям религиозной доминанты в западно-европейском обществе.

Модерная эпоха (по определению Тейлора – *modernity*) Нового, или «расколдованного», времени уходит корнями в процессы и изменения, происходящие в мире старом, «заколдованном», как метафорически противопоставляет их автор «Секулярного века» [8, с. 320]. Он усматривает секуляризирующую роль даже в раннем средневековом христианстве, сменившем античное представление о цикличности времени на эсхатологическое представление о конечности мира, социальную иерархию на изоморфную (равность людей перед Богом и друг перед другом). Однако в продолжение «заколдованности» понятие «Вечное время» трансформируется в «Годовой

круг» (недельный) богослужений, приобретая в Европе природу Праздника как основы обыденной жизни. Отсюда проистекает феномен карнавала с его иерархией духовного и светского, бытового и сакрального, который впитывает в себя, как губка, «пористый» человек, ощущая себя некой ущербной малой частью чего-то огромного целого, чем являются государство, церковь, община или род.

Однако с началом Реформации в 1500 г. решается вопрос о разрушении стен между клиром, мирянами и их юрисдикциями, что также влечет за собой разрушение прежней иерархической модели и организации некоего «дисциплинированного общества», т. е. коммуникации субъектов, имеющих равные права и обязанности. Мироощущение средневековой карнавальности и праздника Реформация заменила «освещением обыденности» [9, с. 12].

Несмотря на то, что данные переходные процессы были осмыслены и изложены многими философами XX в., в том числе М. Вебером, заслуга Ч. Тейлора состоит в создании наиболее полной и подробной картины, охватывающей все сферы жизни, на основе самого разнообразного материала от философских и богословских трактатов и социальных практик до исторических хроник, юридических документов и разножанровых художественных произведений.

К мотивам секуляризации Тейлор относит и приравнение «скорости» мирян к клирикам путем приписывания им более активное, нежели это было на самом деле, участие в Таинствах церкви. Парадокс, по его мнению, заключается и в том, что сами церковные реформы свели на нет основное в «заколдованном мире» представление о человеке и мире как о поле борьбы Божественных сил с силами дьявола. Практически мир, как и человек, перешел в одномерную плоскость – Бог, человек и природа в отсутствие противоборствующих сил стали вполне гармонично совпадать друг с другом. Это дало весомый толчок секулярным процессам в самой традиции христианства.

Следующим этапом начатого процесса стало исключение из удобного миропорядка Закона Божественного Промысла. Философы Нового времени быстро переформатировали Закон Мироздания, изъяв из него трансцендентный источник, и окольным путем через схоластический рационализм и философский деизм пришли наконец к безрелигиозному мировоззрению.

Однако еще в раннем Средневековье элитарный общественный слой – не только светский, но и церковный – выстроил особый ритуал отношений, основанный на книгах о «хорошем тоне», идеалах цивилизованности, влиянии античного стоицизма, рыцарской куртуазии, позднее на

ренессансном гуманизме, ориентированный исключительно на земное, реалистическое осмысление человеком своего места в посюсторонней жизни, в обществе, в мире. Этому явлению, способствовавшему осознанию человека себя автономным субъектом с личностным потенциалом, выбором путей и средств его реализации, Тейлор даст название «исключительный (или эксклюзивный) гуманизм».

Тейлор приходит в своих исследованиях к выводу о том, что секуляризация не ограничивается «вычитанием» религии и полным отрицанием трансцендентности, не входящей в систему координат земной человеческой жизни. Определяя эти процессы, он вводит понятие «социальное воображаемое». Если у М. Вебера в объяснении секуляризационных процессов используется концепция идеальных типов, носящих условный обобщенный характер принадлежности той или иной эпохе [цит. по: 10, с. 51], то Тейлор считает «социальным воображаемым» представление самих людей о мироустройении и о себе не только в данную историческую эпоху, но и в перетекании одной в другую, в динамике различных общественных и культурных процессов. Оно открывает возможность взаимодействия не только людей, но и «воображаемого» и «реального» миров. Интеллектуальная элита пополняет «социальное воображаемое» представлениями, теориями, идеями, которые сами становятся формой «воображаемого» и ложатся в основу ритуалов. Магическая причинность, внесенная платонизмом, наделяет любую реальность-вещь трансцендентным смыслом и придает «общему воображаемому» теоретическую форму.

Если у М. Вебера и О. Шпенглера культуры, как сформированные и вполне конкретные типы, смертны, так как связаны с присущими им ценностями, имеющими свой расцвет и эсхатологический закат [11, с. 91], то в «воображаемом мире» ничто никуда не исчезает. Его формы трансформируются от актуальных в потенциальные и обратно. По теории Тейлора размытость образцов «воображаемого» восполняется интуитивно требуемым человеку, обществу «репертуаром практик» в реальной жизни, что более конкретизирует понятия «душа», «тип», «культура» и позволяет осмыслить их намного глубже и полнее. Поэтому секулярные процессы «расколдовывания» вполне могут быть обратимы. По мнению Тейлора, в отличие от науки и техники, которые «свято» стоят на позициях «расколдованного», искусство и художественное творчество стремятся к повторному «зачаровыванию» мира. Через искусство и стремление к прекрасному проявляется тоска по высшему, внерациональному.

Заключение

Из вышесказанного следует, что секулярный рационализм не уничтожил тоску по трансцендентному, а лишь трансформировал ее в новые теофанические проявления, расширив «репертуар практик». Несмотря на «разочарованность» мира, Ч. Тейлор задается вопросом: как расслышать голос Бога, который по-прежнему открыт и говорит с человеком?

В современном философском дискурсе нет единого мнения об оценке сегодняшнего времени. Одни считают его продолжением секулярного века, другие – постмодерном. Г. Б. Гутнер, принимая точку зрения Ю. Хабермаса, согласен с ним в том, что постсекулярный период уже начался. Однако самым важным является то, что значительная часть исследователей в данной области, общественных деятелей, представителей научного мира и религиозных структур работают над поиском оптимального языка для выстраивания диалога в едином дискурсивном пространстве, лишенном доктринальности.

Список литературы

1. Гутнер Г. Б. Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2015. Вып. 16. С. 63–82.
2. Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 112 с.
3. Гутнер Г. Б. Опыт секулярной метафизики. Часть I : Декарт // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2014. Вып. 10. С. 11–34.
4. Гутнер Г. Б. Идеальное конструирование и генезис математического естествознания // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2013. Вып. 7. С. 51–73.
5. Гоббс Т. Левиафан ; О человеке (психология) ; О государстве. СПб. : П. П. Сойкин, ценз., 1902. 57 с.
6. Бейль П. Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны, по случаю появления кометы в декабре 1680 г. // Исторический и критический словарь : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1968. С. 107–264.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология : Введение в феноменологическую философию. СПб. : Владимир Даль, 2004. 400 с.
8. Тейлор Ч. Секулярный век / науч. ред. А. Бодров. М. : ББИ, 2017. 967 с.
9. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния / пер. В. С. Розницы. Харьков : Тип. М. Зильберберг и с-ва, 1912. 72 с.
10. Троицкий К. Этические идеи Макса Вебера. М. : Институт философии Российской академии наук, 2016. 129 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы / пер. Н. Ф. Гарелина. Новосибирск : ВО «Наука», 1993. 298 с.

References

1. Gutner G. B. Secularity, Post-secularity and Russian Religious Philosophy. *Svet Hristov prosveshchaet vsekh: Almanah Svyato-Filaretovskogo instituta* [The Light of Christ Enlightens all: The Almanac of the St. Philaret Institute], 2015, iss. 16, pp. 63–82 (in Russian).
2. Habermas Yu., Ratzinger J. *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii* [The Dialectics of Secularization. On Reason and Religion]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institute sv. apostola Andrey, 2006. 112 p. (in Russian).
3. Gutner G. B. An Experience of Secular Metaphysics. Part I: Descartes. In: *Svet Hristov prosveshchaet vsekh: Almanah Svyato-Filaretovskogo instituta* [The Light of Christ Enlightens all: The Almanac of the St. Philaret Institute], 2014, iss. 10, pp. 11–34 (in Russian).
4. Gutner G. B. Ideal construction and the genesis of mathematical natural science. *Svet Hristov prosveshchaet vsekh: Almanah Svyato-Filaretovskogo instituta* [The Light of Christ Enlightens all: The Almanac of the St. Philaret Institute], 2013, iss. 7, pp. 51–73 (in Russian).
5. Hobbes T. *Leviafan; O cheloveke (psihologiya); O gosudarstve* [About a Person (Psychology); About the State]. St. Petersburg, P. P. Sojkin, cen., 1902. 57 p. (in Russian).
6. Bayle P. Various thoughts expressed in a letter to the Doctor of the Sorbonne, on the occasion of the appearance of the comet in December, 1680. In: *Istoricheskii i kriticheskii slovar: v 2 t. T. 2* [Historical and Critical Dictionary: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1968, pp. 107–264 (in Russian).
7. Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological philosophy*. Northwestern University Press, 1970. 405 p. (Russ. ed.: *Krizis evropejskih nauk i transcendent'nyaya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 400 p.).
8. Taylor Ch. *A Secular Age*. Harvard University Press, 2007. 874 p. (Russ. ed.: Taylor Ch. *Secularniy vek*. Moscow, BBI Publ., 2017. 967 p.).
9. Luther M. *An den christlichen Adel deutscher Nation*. Germany, 1520. 65 p. (Russ. ed.: Luther M. *K hristianskomu dvoryanstvu nemeckoi nacii ob uluchshenii hristianskogo sostoyaniya*. Kharkiv, Tip. M. Zilberberg and s-vya, 1912. 72 p.).
10. Troitsky K. *Eticheskie idei Maxa Vebera* [Ethical Ideas of Max Weber]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2016. 129 p.
11. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. Wien, Braumüller, 1918. 243 S. (Russ. ed.: Spengler O. *Zakat Evropy*. Novosibirsk, VO "Science" Publ., 1993. 298 p.).

Поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 22.06.2022

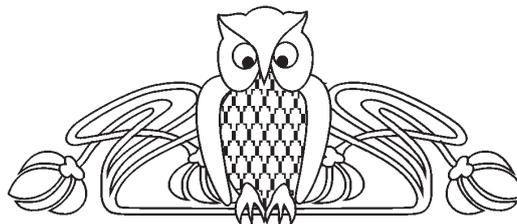
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–256
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–256
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-253-256>

Научная статья
УДК 1(470)(091)

В. И. Засулич о философии Ф. Ницше

О. А. Мартынова

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Мартынова Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, martoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются творчество русской революционерки, писательницы и теоретика марксизма В. И. Засулич, историко-философские взгляды мыслительницы, которые анализируются на основе ее работы, посвященной современному идеализму и одному из его ярких представителей – Ф. Ницше. Цель работы – оценка представления В. И. Засулич философии Ф. Ницше. **Теоретический анализ.** Выделены работы В. И. Засулич, посвященные проблематике исследования, названы мыслители, взгляды которых дали почву для ее высказываний о Ф. Ницше; выявлены социально-экономические предпосылки философии Ф. Ницше; обозначена социальная база его взглядов, приведены мысли немецкого философа, отражающие его буржуазное мировоззрение. **Заключение.** Выводы В. И. Засулич выдержаны в духе диалектико-материалистического подхода, для которого характерны выделение экономических условий и социальной базы философских взглядов, рассмотрение роли идеологии в развитии общества, прогрессивных и регрессивных тенденций этого развития. Однако, не имея основательной теоретической подготовки, В. И. Засулич не только не указывает теоретические источники философии Ф. Ницше, но и не охватывает всех ее аспектов.

Ключевые слова: В. И. Засулич, история философии, русская философия, марксизм, русский марксизм, материалистическое понимание истории, Ф. Ницше

Для цитирования: Мартынова О. А. В. И. Засулич о философии Ф. Ницше // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–256. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-253-256>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. I. Zasluch about the philosophy of F. Nietzsche

O. A. Martynova

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Olga A. Martynova, martoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the work of a Russian revolutionary, writer and Marxist theorist V. I. Zasluch. The subject of consideration is the historical and philosophical views of the thinker, which are analyzed on the basis of her work on modern idealism and one of its brightest representatives – F. Nietzsche. The purpose of the work is to analyze V. I. Zasluch's ideas about the philosophy of F. Nietzsche.

Theoretical analysis. The works of V. I. Zasluch devoted to the problems of research are highlighted, the thinkers whose views gave rise to her statements about F. Nietzsche are described. In the article, with the help of a systematic analysis, the socio-economic prerequisites of the philosophy of F. Nietzsche are revealed, the social base of his views is indicated, the thoughts of a German philosopher reflecting the bourgeois worldview are highlighted. **Conclusion.** The conclusions of V. I. Zasluch are sustained in the spirit of a dialectical-materialistic approach, which is characterized by the allocation of economic conditions and the social base of philosophical views, consideration of the role of ideology in the development of society, the allocation of progressive and regressive trends of this development. However, having no thorough theoretical training, V. I. Zasluch not only does not single out the theoretical sources of the philosophy of F. Nietzsche, but also does not cover all its aspects.

Keywords: V. I. Zasluch, history of philosophy, Russian philosophy, Marxism, Russian Marxism, materialistic understanding of history, F. Nietzsche

For citation: Martynova O. A. V. I. Zasluch about the philosophy of F. Nietzsche. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–256 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-253-256>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В одной из работ В. И. Засулич сказано, что Ф. Ницше «слишком богат, чтобы говорить о нем мимоходом», однако она так и не посвятила ему отдельную статью. Оценка творчества не-

мецкого философа В. И. Засулич дала в работе «Элементы идеализма в социализме», написанной в рамках дискуссии Г. В. Плеханова и П. Б. Струве, которых Я. Б. Головин назвал «русскими Каутским и Бернштейном» [1, с. 19].

Участие ее в этой дискуссии имело важное значение, современники отмечали ее тесное сотрудничество с Г. В. Плехановым и обмен мнениями и идеями по поводу социалистической теории. По словам Р. М. Плехановой, «ни с кем Георгий Валентинович так не считался, как с ее мнением, во все революционные этапы своей жизни» [цит. по: 2, с. 111]. Данная статья В. И. Засулич посвящена критике современного ей идеализма и, в частности, взглядов Н. А. Бердяева и П. Б. Струве, поэтому о Ф. Ницше упоминается в ней мимоходом как об одном из представителей современной буржуазной мысли. В связи с этим в статье нет ни анализа его работ, ни обзора статей его русских исследователей (из последних называются Н. А. Бердяев, П. Б. Струве и М. П. Неведомский). Однако эти упоминания все же дают возможность проследить позицию социал-демократов по отношению к Ф. Ницше.

Теоретический анализ

Говоря о Ф. Ницше и причинах его популярности, В. И. Засулич, как и в других своих историко-философских трудах, придерживается марксистской методологии, в которой, по оценкам современных исследователей, выделяются «три детерминанта происхождения и развития философских идей: социально-исторический (“реальный базис”, “способ производства”) и предметный (“сама действительность”), а также традицию» [цит. по: 3, с. 98]. В. И. Засулич рассматривает философию Ф. Ницше именно через анализ этих «детерминантов». Она, как и ее современники, считает философию Ф. Ницше порождением капиталистического способа производства. Промышленная революция положила конец старому обществу, живущему групповой солидарностью и традициями. Феодальное общество жило по правилам и технологиям, известным с незапамятных времен, что касалось как материальной, так и духовной культуры. Это ограничивало свободу человека, но одновременно вписывало его в общество на определенных ролях и обеспечивало стабильность. Промышленная революция, с одной стороны, привела к тому, что «маленькой стала» земля (здесь прямая отсылка к Ф. Ницше), и мир менялся слишком быстро для того, чтобы многовековые традиции могли работать. Лишенный опоры на готовые решения человек в новом обществе был совершенно дезориентирован. Вместе с традициями, по словам В. И. Засулич, исчезают социальные скрепы: для человека буржуазного общества не имеют значения сословные, национальные, религиозные связи. Единственными значимыми отношениями в буржуазном обществе остаются экономические: отношения собственности, раз-

деления труда, обмена продукцией, распределения дохода. Если пролетариат находит спасение от одиночества и нестабильности в классовой солидарности, то у представителя буржуазии в обстановке тотальной конкуренции не остается ничего, кроме собственного внутреннего мира, личности, которая предстает «самоцельной» и свободной, как «голый божественный Дионис» [4, с. 466]. Поэтому буржуазная философия проникнута идеализмом – пассивным, сосредоточенным на теории познания, уводящим мыслителя «в возможно более далекую от всех земных запросов область бесконечных гносеологических упражнений над собственным я, где мысль бежит, как белка в колесе, чтобы унести, наконец... прямехонько в “небо”» [4, с. 465]. По этой фразе видно, что В. И. Засулич судит о современных ей гносеологических учениях очень поверхностно. Это можно объяснить как отсутствием детальных знаний о них, так и нежеланием разобраться в том, что выходит за рамки ее интересов – общества и человека в нем. Впрочем, ее оценка гносеологических учений ограничивается данным высказыванием, поэтому в некомпетентных рассуждениях мыслительницу тоже упрекнуть нельзя. Кроме того, похожие мысли об эмпириокритиках позже высказывал Г. В. Плеханов, отмечая, что «тела или вещи (в философии Э. Маха) представляют собою только мысленные символы... ощущений... и не существует вне... сознания» [5, с. 255], и потому «опыт есть только предмет исследования, а не средство познания».

Позиция эта критиковалась В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» [6, с. 155]. То есть высказывания В. И. Засулич шли в русле современной ей социал-демократической мысли. Гораздо больший интерес у нее вызывал наступательный индивидуализм, характеризующийся «подчеркнутым общественным индифферентизмом, презрением к «массам» ради возвеличения «личности»». Она отдает должное немецкому мыслителю, называя его «честно – дерзким» (этот эпитет она повторяет за П. Б. Струве), «богатым содержанием» и «цельным». По словам В. И. Засулич, теория сверхчеловека Ф. Ницше является протестом против усредненности и подавления личности обществом. Мысли, легшие впоследствии в основу ницшеанства, были очень созвучны нигилистам-шестидесятникам, которые отвергли старые ценности, но еще не обрели новых. Порвав с окружением и привычным образом жизни, не будучи обременены семьей и хозяйством, они тоже оказались в некотором смысле «голыми, как божественный Дионис»; такая бессемейность и бесхозяйственность, непривязанность к конкретному месту жизни и службы стали отличительной чертой

революционной интеллигенции и какое-то время трактовались как признак свободы и безграничных возможностей. Недаром даже кумир В. И. Засулич – материалист и демократ Д. И. Писарев – в ранний период своего творчества неосознанно вдохновлялся образом *blonda bestia*, который «ни в ком не нуждается, никого не боится, никого не любит и, вследствие этого, никого не щадит... Чем хочу, тем и займусь, куда хочу, туда и пойду, что захочу, то и сделаю» [7, с. 226–228].

Однако в противоположность своим оппонентам-идеалистам В. И. Засулич считает философию Ф. Ницше не протестом против буржуазного способа производства и образа жизни, а прямым его порождением и типичным выражением буржуазного менталитета.

Предпринимательская деятельность в капиталистическом обществе пронизана жесточайшей конкуренцией, а также необходимостью постоянно подтверждать и удерживать свой статус. В отличие от предыдущих эпох, капиталистическое общество не закрепляет за человеком его статус, ни наследственно, ни пожизненно. Сочетание возможности безграничного обогащения и страха потери плодов своей деятельности и, как следствие, социального статуса и уважения представителей класса создают в буржуазной среде не культ довольства, как полагает П. Б. Струве, а культ наживы, часто в ущерб довольству. Именно художественным выражением этого культа и является, по мнению В. И. Засулич, ницшеанская теория сверхчеловека. Мыслительница категорически не согласна со словами П. Б. Струве о том, что «никто не доказал и не может доказать, чтобы этот бесконечный идеал требовал для своего воплощения эмпирического неравенства людей» [8, с. LXVI]. По ее мнению, мораль господ в философии Ф. Ницше практически без обиняков противопоставляется морали рабов, господ всегда «терзали рабов и через это совершенствовались» [4, с. 424]. Эти мысли прекрасно вписываются в современные буржуазные ценности, практически выдавая капиталистам индульгенцию как на конкурентную борьбу без правил, так и на жестокую эксплуатацию наемных работников. Именно этой «честной дерзости» и боятся, по словам В. И. Засулич, многочисленные «полуницшеанцы», потому что не могут «отделаться от всего, что в них осталось “тарантульского”» [4, с. 424].

В отличие от феодального общества, место человека в котором определялось его происхождением и традицией, буржуа вынужден постоянно подтверждать свою состоятельность обогащением. Из-за этого любая деятельность, кроме экономической, кажется ему ненужной

тратой времени. Это приводит к значительному сужению интересов буржуазии, к монетизации ее духовных ценностей и обесцениванию того, что не может принести доход. Поэтому, характеризуя духовный облик данного класса, В. И. Засулич почти дословно повторяет слова своих оппонентов Н. А. Бердяева и П. Б. Струве: «Рыночная борьба, поглощая все душевные силы, оттесняет и извращает все высшие человеческие потребности. Она извращает также и способы их удовлетворения, переполняя рынок суррогатами истины и красоты и всего того, что по самому существу своему не выносит рыночной борьбы и оценки» [4, с. 451]. Поэтому мыслящие и творческие люди или снижают уровень своей деятельности в соответствии с интересами финансирующих их труд капиталистов, или уходят в свой внутренний мир. Выражением данной тенденции и становится теория сверхчеловека. Сверхчеловек Ф. Ницше, по словам В. И. Засулич, не преследует никаких высоких целей и не имеет руководящих идей вне своих собственных чувств и интересов. Ему неизвестны напряженная умственная жизнь, широкая общественная деятельность, стремление принести пользу согражданам. Именно это, по мнению В. И. Засулич, скоро понял Д. И. Писарев и другие шестидесятники. Уже спустя 2 года после гимна Базарову – «белокурой бестии» он написал, что, занимаясь интеллектуальным и эстетическим развитием, человек практически берет займы чужой труд и потому должен «вернуть долг народу», своим трудом оплатившему его образование. Поэтому образованный человек обязан трудиться на благо тех, кто был лишен возможности получить образование. Материалисты, понимая экономическую основу общества, скорее проникаются идеями взаимопомощи и труда на благо общества, что незнакомо идеалистам, погруженным в собственный внутренний мир. Культ личности ради нее самой не способствует развитию общества и установлению социальной справедливости, да и изначально не ставит этой цели.

Таким образом, ницшеанская философия выражает не только индивидуализм и культ наживы, но и последовавшую за ними неизбежную стагнацию буржуазного общества. Поэтому В. И. Засулич называет мысли Ф. Ницше «пышными орхидеями, вырастающими на трупе умершего для общественных стремлений класса» [4, с. 465]. Подобные мысли совершенно чужды пролетариату, который, помимо тяги к знаниям, отличается высокой политической активностью и стремлением построить новый, справедливый мир, где личность будет развиваться в тесной взаимосвязи с развитием общества на основе солидарности и взаимовыручки.

Заключение

Не рассматривая философию Ф. Ницше в деталях, В. И. Засулич дает ей характеристику с точки зрения социально-экономических причин, вызвавших ее к жизни. Социально-экономической базой ницшеанства В. И. Засулич называет капиталистический способ производства, основанный на индивидуализме, культе наживы и сужении интересов человека. Поэтому основой философии Ф. Ницше, по ее словам, является развитие личности ради нее самой и ее процветание за счет других людей. Выводы В. И. Засулич выдержаны в духе диалектико-материалистического подхода, для которого характерны выделение экономических условий и социальной базы философских взглядов, рассмотрение роли идеологии в развитии общества, выделение прогрессивных и регрессивных тенденций этого развития. Однако, не имея основательной теоретической подготовки, В. И. Засулич не только не выделяет теоретические источники философии Ф. Ницше, но и не охватывает всех ее аспектов. Упрекая «полуницшеанцев» в одностороннем рассмотрении взглядов философа, она сама грешит этой односторонностью, не обращая внимания на историко-культурные, этические и эстетические исследования Ф. Ницше, анализируя лишь интересующую ее проблему воинствующего индивидуализма как показателя кризиса буржуазного мировоззрения. Также она оставляет без внимания многочисленные исследования философии Ф. Ницше европейскими и русскими мыслителями, ее роль в искусстве Европы и России.

Список литературы

1. Головин Я. Б. П. Б. Струве и Г. В. Плеханов : к истории одной полемики // Известия МГТУ «МАМИ». Серия 6. Гуманитарные науки. 2013. Т. 2, № 4 (18). С. 19–29.
2. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.
3. Каменский З. А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М. : Эслан, 2001. 332 с.
4. Засулич В. И. Элементы идеализма в социализме // Засулич В. И. Избранные произведения. М. : Мысль, 1983. С. 416–469.
5. Плеханов Г. В. Предисловие переводчика ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» // Плеханов Г. В. Собрание сочинений : в 24 т. Т. 18. М. ; Л. : Государственное издательство, 1928. С. 253–273.
6. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 18. М. : Издательство политической литературы, 1968. С. 7–526.
7. Засулич В. И. Д. И. Писарев и Н. А. Добролюбов // Сборник статей В. И. Засулич : в 2 т. Т. 2. СПб. : Издание «Библиотека для всех» О. Н. Рутенберг, 1907. С. 221–311.
8. Струве П. Б. Предисловие к «Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм. Критический этюд о Н. К. Михайловском» // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб. : Электрическая типография, Лиговская улица, д. № 57, 1901. С. I–LXXXIV.

References

1. Golovin Ya. B. P. B. Struve and G. V. Plekhanov: History of a Certain Polemic. *Izvestiya MGTU "MAMI". Seriya 6. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Moscow State Technical University MAMI. Series 6. Humanities Sciences], 2013, vol. 2, no. 4 (18), pp. 19–29 (in Russian).
2. Tyutyukin S. V. G. V. Plekhanov. *Sud'ba russkogo marksista* [G. V. Plekhanov. The Fate of the Russian Marxist]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 1997. 376 p (in Russian).
3. Kamenskij Z. A. *Istoriya filosofii kak nauka v Rossii XIX–XX vv.* [The History of Philosophy as a Science in Russia of the XIX–XX Centuries]. Moscow, Eslan Publ., 2001. 332 p. (in Russian).
4. Zaslulich V. I. Elements of Idealism in Socialism. In: Zaslulich V. I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 416–469 (in Russian).
5. Plekhanov G. V. The translator's preface to the second edition of the pamphlet by F. Engels "Ludwig Feuerbach". In: Plekhanov G. V. *Sobranie sochinenij*: v 24 t. T. 18 [Collected Works: in 24 vols. Vol. 18]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928, pp. 253–273 (in Russian).
6. Lenin V. I. Materialism and Empiriocriticism. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij*: v 56 t. T. 18. [Complete Works: in 56 vols. Vol. 18]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1968, pp. 7–526 (in Russian).
7. Zaslulich V. I. D. I. Pisarev and N. A. Dobrolyubov. In: *Sbornik statej V. I. Zaslulich*: v 2 t. T. 2 [Collection of articles by V. I. Zaslulich: in 2 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Izdanie "Biblioteka dlya vsekh" O. N. Rutenberg, 1907, pp. 221–311 (in Russian).
8. Struve P. B. *Predislovie k «Berdyayev N. A. Sub"ektivizm i individualizm. Kriticheskij etyud o N. K. Mihajlovskom»* [Preface to "Berdyayev N. A. Subjectivism and individualism. Critical etude about N. K. Mikhailovsky"]. In: Berdyayev N. A. *Sub"ektivizm i individualizm. Kriticheskij etyud o N. K. Mihajlovskom* [Berdyayev N. A. Subjectivism and Individualism. Critical Etude about N. K. Mikhailovsky]. St. Petersburg, Elektricheskaya tipografiya, Ligovskaya ulica, d. № 57, 1901, pp. I–LXXXIV (in Russian).

Поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 22.06.2022

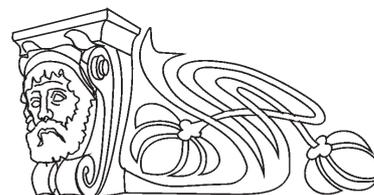

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257–261
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 257–261
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

Научная статья
УДК 37.013.41

Скептицизм: историко-логические формы и перспективы

В. М. Маслов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Маслов Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Аннотация. Введение. Перманентная актуальность скептицизма обусловлена его родовой связью с философией. Проблемность определения «скептицизм» в условиях постнеклассической неоднозначности современного общественного развития обуславливает непосредственную актуальность анализа скептицизма. Сложность и новизна поставленной цели определяют выбор историко-логического метода исследования и акцентирование его логической составляющей. **Теоретический анализ.** Последовательный анализ выделяет три основные историко-логические формы философского скептицизма: абсолютный, частичный, методологический. Абсолютный скептицизм – это следствие бескомпромиссного принятия агностицизма (Пиррон). Абсолютный скептицизм, релятивизм и догматизм исчерпывают вопрос о возможности философии. Абсолютный скептицизм, самоуничтожаясь, не может служить основанием для жизни. Принятие агностицизма и нахождение надежного знания в окружающем человеке мире – суть частичного скептицизма (Секст Эмпирик). Необходимое для него надежное знание открыто к догматизму (И. Кант). Качество критических разработок скептицизма, с одной стороны, может усилить позиции релятивизма, способствовать росту сомнения в мире; с другой стороны, ведет к формированию «методологического скептицизма» – подсобного инструментария для критики чужой и утверждения своей точки зрения (научный скептицизм). **Заключение.** В современном мире растет значимость позитивно взвешенного и максимально обоснованного частичного скептицизма, специфика которого созвучна становящейся постнеклассической рациональности.

Ключевые слова: скептицизм, философия, история философии, историко-логический метод, релятивизм, догматизм, агностицизм, историко-логические формы скептицизма, сомнение, постнеклассическая рациональность

Для цитирования: Маслов В. М. Скептицизм: историко-логические формы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257–261. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Skepticism: Historical and logical forms and perspectives

V. M. Maslov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Vadim M. Maslov, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Abstract. Introduction. The permanent relevance of skepticism is due to its ancestral connection with philosophy. The problematic nature of the definition of «skepticism» in the conditions of post-non-classical ambiguity of modern social development determines the immediate relevance of the analysis of skepticism. The complexity and novelty of the goal determine the choice of the historical and logical method of research and the emphasis on its logical component. **Theoretical analysis.** A consistent analysis identifies three main historical and logical forms of philosophical skepticism: absolute, partial and methodological. Absolute skepticism is a consequence of uncompromising acceptance of agnosticism (Pyrrhon). Absolute skepticism, relativism and dogmatism exhaust the question of the possibility of philosophy. Absolute skepticism, which is self-destructing, cannot serve as the basis for life. Acceptance of agnosticism and finding reliable knowledge in the world around a person are the essence of «partial skepticism» (Sextus Empiricus). The reliable knowledge necessary for him or her is open to dogmatism (I. Kant). The quality of critical developments of skepticism, on the one hand, can strengthen the position of relativism and contribute to the growth of doubt in the world, on the other hand, leads to the formation of «methodological skepticism» – auxiliary tools for criticizing someone else and asserting one's point of view (scientific skepticism). **Conclusion.** In the modern world, the importance of positively balanced and maximally justified partial skepticism is growing, the specifics of which is consonant with the emerging post-non-classical rationality.

Keywords: skepticism, philosophy, history of philosophy, historical-logical method, relativism, dogmatism, agnosticism, historical-logical forms of skepticism, doubt, post-non-classical rationality

For citation: Maslov V. M. Skepticism: Historical and logical forms and perspectives. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 257–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Необходимая для философии глубина постижения существующего и предельная перспективность видения не только захватывает дух, но и вызывает сильную критику, требует серьезной самопроверки. Отсюда полноценное философское развитие сопровождается определенным сомнением, формируя родовую связь скептицизма с философией как таковой. Общее внимание к проблематике скептицизма закономерно усиливается в кризисные времена, когда скептическая практика может быть ключом к пониманию происходящего. Нарастающая проблемность современной жизни, «общества риска» [1] ведет к тому, что кризисность становится атрибутом общественного развития. Эта историческая ситуация определяет общую актуальность проводимого исследования скептицизма. К этому же ведет наличие разных представлений о скептицизме. Современные авторы, к примеру, могут соотносить скептицизм с нигилизмом и цинизмом [2, с. 88], а могут видеть в нем путь к обновлению научной рациональности [3, с. 49].

Сегодня слово «скептицизм» входит в словарь быденного языка, легко соотносясь с общеизвестным словом «сомнение». Соответственно, философское определение скептицизма способно трансформироваться под воздействием множественности быденных употреблений сомнения. Учитывая это, можно предположить, что за основу подхода к строгому современному определению скептицизма не следует брать актуализацию проблематики быденного сомнения [4, с. 376–378; 5], а необходимо выбрать развитие собственной философской проблематики.

Доказательное определение сущности скептицизма возможно только в ходе соответствующего исторического подхода, где скептицизм выводится как форма необходимого ответа на становление и поступательное развитие философии. В качестве исходного материала исследования берем историю становления и развития древнегреческой философии, объектом рассмотрения являются исторические достижения всей философии.

Исследование скептицизма задействует историко-логический метод познания, или метод единства исторического и логического (с этим методом тесно связаны и будут также использоваться диалектическая методология восхождения от абстрактного к конкретному; методологическая идея «ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека»). На принципиальном уровне необходимость и предполагаемая продуктивность историко-логического метода, разработанного Г. Гегелем и успешно

применяемого в последующей философии, не вызывает сомнения. Однако общая специфика современного этапа общественного развития требует более точного понимания сравнительного соотношения исторического и логического в этом методе. Считаем, что та или иная непроработанность богатства исторической составляющей может затруднить отражение интенсивно изменяющегося настоящего и новых тенденций, ведущих в будущее. Весьма резко данная проблема была обозначена Ж. Делёзом [цит. по: 6, с. 250]. В итоге в современных условиях требуется предельно возможное акцентирование именно логической составляющей историко-логического метода. Подчеркнем, что речь идет не о словах, а о парадигмальном требовании или формировании специфической установки. В рамках последней, к примеру, известная, достаточно подробная классификация античного скептицизма А. Ф. Лосева (выделяются этапы: интуитивно-релятивистический, интуитивно-вероятностный, рефлексивно-вероятностный, рефлексивно-релятивистический, логически-релятивистический, абсолютный скептицизм [4, с. 404]) выглядит как излишне богатая, т.е. требующая дальнейшей логической проработки.

Теоретический анализ

Началом античного скептицизма являются известные строки Ксенофана: «Истины точной никто не узрел и никто не узнает, Из людей о богах и обо всем, что я только толкую: Если кому и удастся вполне сказать то, что сбывлось, Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [7, с. 173]. По своей логической форме это утверждение Ксенофана представляет собой вывод: этим ставится вопрос, какая причина обусловила такую проблематичность философии? Эмпирическим основанием скепсиса Ксенофана могла быть разность утверждений всех известных к тому времени философов. Однако прямых обоснований скептицизма в наличных фрагментах творчества Ксенофана нет. В историческом плане исследования данная проблема исчерпывается. С акцентом на логический план мы можем и должны продолжить ее решение.

Поставленный творчеством Ксенофана вопрос суть начало выведения собственной специфики скептицизма или его историко-логических форм. В первом результате скепсис Ксенофаном обосновывается следующим образом. Для скептиков философия – всеобщее и необходимое знание (И. Кант) – невозможна. Базовое доказательство этого тезиса связано с принципиальной невозможностью человека (человечества) выйти за рамки ограниченности

его опыта (агностицизм). Вспомогательные доказательства основаны на наличии многочисленных реальных проблем познания, связанных со спецификой субъекта познания, объекта познания и непосредственного процесса познания [8, с. 214–215]).

Сущностная связь скептицизма с агностицизмом объединяет скептицизм с проблемой возможности философии как таковой. Точнее, скептицизм наряду с релятивизмом и догматизмом (в трактовке Диогена Лаэртского) или гносеологическим оптимизмом исчерпывает все допустимые, рационально обоснованные ответы на вопрос: возможна ли философия как объективное знание в условиях очевидной ограниченности нашего опыта? Для релятивизма невозможность познать весь мир открывает объективную вероятность того, что любое наше представление может иметь отношение к истине. Сторонники догматизма (гносеологического оптимизма) опираются на то, что ограниченность человеческого знания не мешает накапливать и углублять надежные, в частности философские, знания. Отсюда скептицизм – это третья наряду с релятивизмом и догматизмом (гносеологическим оптимизмом) философская позиция, формируемая относительно перспектив человека получить объективную истину или возможности существования философии как всеобщего и необходимого знания; согласно скептицизму такого качества знания получить нельзя.

Анализ так определяемого скептицизма – *абсолютного скептицизма* – показывает его абсолютную нежизненность. Если постулируется абсолютная невозможность получения философской (всеобщей) истины, то это прямо влияет на все другие знания, которые обеспечивают наше существование – жить так невозможно. Обоснованность подобного хода мысли подтверждает аналогичная ситуация с абсолютным релятивизмом – принятие истинными всех утверждений также делает жизнь невозможной. В итоге открываются две возможности: признать невозможность скептицизма или доказательно вывести из-под разрушительной критики абсолютного скептицизма часть истин, дающих основу для полноценной жизни (суть *частичного скептицизма*). Эта тема оформилась и была решена в пользу частичного скептицизма в творчестве первого античного скептика Пиррона. Подтвердим все это через анализ текста Диогена Лаэртского, посвященного Пиррону, в котором сообщается, что Пиррон жил «ни к чему не уклоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности, будь то телега, круча или собака, но ни в чем не поддаваясь ощущениям»; «когда однажды Анаксарх

попал в болото ...прошел мимо, не подав руки». Это прямое указание на то, что Пиррон вышел на идею абсолютного скептицизма и пытался соответствующе ей действовать. Далее приводятся указания на то, что для Пиррона «воздержание от суждений было ... правилом только в философии, в частных же случаях он вовсе не был неосмотрителен» [9, с. 379]. Это отражает то, что жизнеспособный скептицизм – суть частичный скептицизм, который фактически, догматично берет что-то за истину.

Факт перехода от абсолютного к частичному скептицизму должен быть философски проработан. Однако нет данных, свидетельствующих о том, что Пиррон этим занимался. Также несомненно, что критики скептицизма легко могли обнаружить неустранимый догматизм и указать на его замалчивание. Скорее всего, так оно и было: это подтверждает известный факт того, что после Пиррона скептицизм долгое время не имел последователей. В этих условиях утверждение философской состоятельности скептицизма требовало, с одной стороны, максимально полной и доскональной критики философии, снятия обвинения в своей философичности, например, с помощью сравнения свой философской деятельности с огнем, который затухает после пожара (это отмечается у всех следующих за Пирроном известных скептиков от Энесидема до Секста Эмпирика); с другой стороны, нахождения максимально надежного знания, выдерживающего собственную скептическую критику (например, это знание практикующих медиков у Секста Эмпирика). Специфика частичного скептицизма и его неустранимой догматичности задает основы понимания дальнейшего исторического развития скептицизма и его возможной современной значимости.

Частичный скептицизм в своих основах обязательно догматичен. С этим связана объективная возможность того, чтобы определенный скептицизм был практически неотличим от догматизма. Классическим примером этого служит философия И. Канта. В полном согласии со скептицизмом И. Кант утверждает непознаваемость вещей-в-себе, недоступность объективной истины. Но это утверждение дается И. Кантом предельно сухо, по сути как что-то не очень значимое. На это обратил внимание Ф. Ницше и абсолютно справедливо указал, что собственный агностицизм должен сопровождаться «духовным потрясением» [10, с. 192].

Необходимый для утверждения истины скептицизма и исторически обогащающийся массив критики философского догматизма приводит к следующим двум объективным след-

ствиям. Критические достижения скептицизма, во-первых, могут укреплять релятивизм, способствовать росту общекультурного сомнения во всем, во-вторых, ведут к созданию новой формы скептицизма – *методологическому скептицизму*, где скептицизм перестает быть фундаментальной философской позицией и становится высококачественным инструментом для критики чужой и утверждения своей точки зрения.

Абсолютный скептицизм противоположен абсолютному релятивизму. Но все гораздо сложнее в ситуации с частичным скептицизмом. Скептическая критика не привела к остановке развития философии. Точнее, критика скептиков и соответствующие ответы на нее в итоге (существуя как актуальное философское знание) еще более усиливают позиции релятивистов в плане того, что любая философия может быть истинной. Интересным подтверждением такого положения дел служит распространенная практика сблизать «скептицизм» и «релятивизм»: по К. Попперу, «под релятивизмом или, если вам нравится, скептицизмом я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [11, с. 379]. Также очевидно, что все это способствует росту и усилению общекультурного сомнения.

Полноту и бескомпромиссность скептической критики можно поставить под вопрос и критично отнестись к абсолютному принятию агностицизма в скептицизме. В этом случае из всей проблематики скептицизма остается только методология. Историческую необходимость трансформации скептицизма в сторону методологического скептицизма отстаивает известный отечественный специалист по скептицизму В. М. Богуславский [12, с. 3–6]. В принципе на это же ориентируется «научный скептицизм» [13].

Заключение

Предпринятый анализ и выделение историко-логических форм скептицизма, прежде всего, позволяют более глубоко и точно отражать происходящие в современной культурной сфере процессы. В этом контексте становится очевидным, что положительный общественный потенциал скептицизма может быть усилен через признание того, что у человека и человечества нет абсолютной и(или) привилегированной точки отсчета. Так, продуманный скептицизм будет во многом созвучен становящейся постнеклассической научной рациональности, признающей неустранимость ценностной основы любой позиции [14, с. 634]. В целом обогащается

способность современной научно-философской рациональности разрешать существующие острые проблемы и прояснять основные тенденции развития человечества.

Список литературы

1. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека : логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
2. Пивоваров Д. В. Скептицизм, нигилизм и цинизм // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 1 (10). С. 88–95.
3. Ярцев Р. А. О ранжировании научного знания на основе рационального скептицизма // Философия науки. 2013. № 2. С. 48–60.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М. : АСТ, 2000. 960 с.
5. Comesaña J., Klein P. Skepticism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/skepticism/> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Санжениаков А. А. Делёз : история философии как творчество // Сибирский философский журнал. 2018. № 3. С. 250–257. <https://doi.org/25205/2541-7517-2018-16-3-250-257>
7. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М. : Наука, 1989. 576 с.
8. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. 421 с.
9. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. 620 с.
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 1, ч. 2 : Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М. : Культурная революция, 2013. 476 с.
11. Поппер К. Логика и рост научного знания / под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
12. Богуславский В. М. Скептицизм в философии. М. : Наука, 1980. 270 с.
13. Куртц П. Новый скептицизм : Исследование и надежное знание. М. : Наука, 2005. 360 с.
14. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 774 с.

References

1. Lomako O. M. The world risk society in Ulrich Beck's political philosophy: Logic and irony. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
2. Pivovarov D. V. Skepticism, nihilism and cynicism. *Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija*

- i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2010, no. 1 (10), pp. 88–95 (in Russian).
3. Jarcev R. A. On the ranking of scientific knowledge based on rational skepticism. *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], 2013, no. 2, pp. 48–60 (in Russian).
  4. Losev A. F. *Istorija antichnoj jestetiki. Rannij jellinizm* [The history of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. 960 p. (in Russian).
  5. Comesaña J., Klein P. Skepticism. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/skepticism/> (accessed 18 April 2022).
  6. Sanzhenakov A. A. Deleuze: The history of philosophy as creativity. *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2018, no. 3, pp. 250–257 (in Russian). <https://doi.org/25205/2541-7517-2018-16-3-250-257>
  7. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vzniknovenie atomistiki* [The Fragments from the Early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theocosmogonies to the Birth of Atomistics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (in Russian).
  8. Sekst Jempirik. *Sochinenija: v 2 t. T. 2* [Essays: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 421 p. (in Russian).
  9. Lajertskij Diogen. A. F. Losev, ed. by. *O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov* [On the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (in Russian).
  10. Nicshe F. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 1, ch. 2. Nesvoevremennye razmyshlenija. Iz nasledija 1872–1873 gg.* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1, part 2. Untimely reflections. From the heritage of 1872–1873]. Moscow, Kul'turnaja revoljucija Publ., 2013. 480 p. (in Russian).
  11. Popper K. V. N. Sadovskii, ed. by. *Logika i rost nauchnogo znanija* [Logic and the Growth of Scientific Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1983. 605 p. (in Russian).
  12. Boguslavskij V. M. *Skepticizm v filosofii* [Skepticism in Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 270 p. (in Russian).
  13. Kurtc P. *Novyj skepticizm: Issledovanie i nadezhnoe znanie* [New Skepticism: Research and Reliable Knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 360 p. (in Russian).
  14. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2003. 774 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 262–266

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 262–266

<https://phpp.sgu.ru>

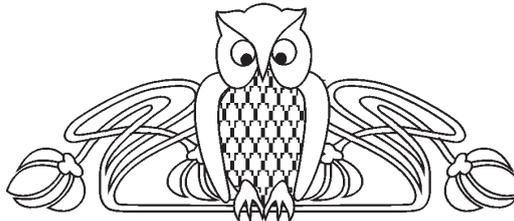
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>

Научная статья

УДК 111.3+165.5

Онтологическое начало фантазии

С. И. Мозжилин¹✉, И. В. Стеклова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии, психологии, irinasteklowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. В статье представлен онтологический аспект фантазии как формы научного познания. Развивается концепция о роли нормативных научно-познавательных структур и творческого познавательного потенциала, имеющего онтологические корни. Используются труды по истории и философии науки. В центре внимания авторов находятся факторы, которые являются имманентными науке и внеположенными по отношению к ней, способные не только влиять на научную деятельность, но и приводить к смене типов рациональности. Цель исследования – выявление онтологических начал феномена фантазии, обобщение современного образа науки. **Теоретический анализ.** Онтологический подход позволяет сделать вывод о том, что разум и воображение соотносятся на разных этапах выработки знания в научно-познавательном процессе. Фантазия как форма воображения может быть использована в формировании научного факта, проблемы, гипотезы и теории. **Заключение.** Онтологическим субстанциальным началом фантазии являются слова – знаки-символы, заполняющие и оформляющие мыслительное пространство субъекта, побуждающие субъект к постоянному поиску неизвестного. Вместе с тем рассмотрение проблемы позволило выявить онтологические начала феномена фантазии и интерпретировать влияние на научную деятельность не только процесса символизации, этических норм, метафизических исследовательских программ, но и эмоциональных реакций субъекта.

Ключевые слова: воображение, фантазия, наука, научная рациональность, онтология, эйдетическое познание, творчество

Для цитирования: Мозжилин С. И., Стеклова И. В. Онтологическое начало фантазии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 262–266. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The ontological beginning of fantasy

S. I. Mozhilin¹✉, I. V. Steklova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Irina V. Steklova, irinasteklowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. The article presents the ontological aspect of fantasy as a form of scientific knowledge. The concept of the role of normative scientific and cognitive structures and creative cognitive potential, which has ontological roots, in scientific knowledge is being developed. The study is conducted using works on the history and philosophy of science. The focus is on factors that are immanent to science and external to it, capable of not only influencing scientific activity, but also leading to a change in the types of rationality. **Theoretical analysis.** The ontological approach allows us to conclude that the mind and imagination are correlated at different stages of the development of knowledge in the scientific and cognitive process. Fantasy as a form of imagination can be used in the formation of a scientific fact, problem, hypothesis and theory. Techniques of fantasy can be considered such methods in scientific activity as analogy, typification, emphasis, eclecticism, which expand the scientific space and illustrate the features of post-non-classical scientific rationality, taking into account the worldview features of the mind. **Conclusion.** The ontological substantial beginning of fantasy is words, which are signs-symbols, filling and shaping the mental space of the subject, prompting the subject to a constant search for the unknown. At the same time consideration of the problem made it possible to identify the ontological beginnings of the fantasy phenomenon and to interpret the influence on scientific activity not only of the process of symbolization, ethical norms, metaphysical research programs, but also of the emotional reactions of the subject.

Keywords: imagination, fantasy, science, scientific rationality, ontology, eidetic cognition, creativity

For citation: Mozzhilin S. I., Steklova I. V. The ontological beginning of fantasy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 262–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В свете активного исследования истоков человеческого сознания, предпринимаемого современными отечественными и зарубежными учеными с целью создания искусственного интеллекта, вопросы, сопряженные с проблемой природы и сущности человеческой фантазии имеют особую значимость. Они касаются не только психических механизмов, обуславливающих непрекращающийся процесс человеческого фантазирования, но и онтологического статуса фантазии, ее субстанциональной основы.

В конце XX столетия меняется отношение к пониманию роли субъекта в познании. В условиях формирования новой научной рациональности существенное значение стали придавать исследованию специфики субъекта и такой форме формирования научных знаний, как гипотеза. В такой ситуации исследование воображения и фантазии становится еще более актуальным и проводится с учетом накопленного мыслительного потенциала в рамках экзистенциализма, феноменологии, герменевтики. Э. Гуссерль, в частности, рассматривал принцип трансцендентализма как кардинальный поворот к субъективности, а разум определял как общее обозначение «вечных», «абсолютных», «надвременных», «безусловно значимых» идей и идеалов [1, с. 55]. На характер научной деятельности ученого влияет и система строгих правил нормативной регуляции, и мировоззренческих ориентиров. Поэтому регулятивные функции воображения и фантазии в научном познании имеют свою методологическую значимость. По мнению Н. А. Бердяева, творчество есть воображение высшего и лучшего, оно «бытийственно и потому вне гносеологического суда», «научная гносеология всегда имеет дело с вторичным, а творчество – всегда с первичным» [2, с. 352].

Традиционно в исследовательской литературе воображение, а следовательно, и фантазия определяются как процесс, как способность, как психологическая система. Цель данной работы состоит в исследовании онтологического статуса фантазии, понимаемой как отношение.

Теоретический анализ

Человеческая фантазия – одно из самых загадочных проявлений сознания. Существует множество определений понятия «фантазия», но в них всегда присутствует понятие «вообра-

жение». Конечно, понятия «фантазия» и «воображение» не тождественны, но они неразрывно связаны. Воображение, ко всему прочему, является способностью человека создавать образы объектов, которые в опыте воображающего ранее не воспроизводились, составляя одну из основ сознания и самосознания. Способность человека генерировать новые идеи вещей и ситуаций, не запечатленных в чувственном опыте, определяет его творческую активность, образно говоря, полет фантазии. Когда возникает ситуация, связанная с выбором, к тому же если в чувственном опыте не было ничего подобного, для принятия верного решения требуется свобода воли. Можно предположить, что именно в данном случае к деятельности разума присоединяются самые различные проявления интуиции, а также подключается фантазия. Однако такое представление будет не вполне корректным, поскольку человек фантазирует постоянно, если под фантазией мы понимаем свободный полет мысли. Другое дело, что из огромного количества фантазий в процессе созидательного творчества он выбирает те, которые могут обрести не только психическую, но и физическую реальность, выражаясь иными словами, материализовываться. Возникает вопрос: являются ли фантазии, как и вообще все, чем наполнено сознание, материальными изначально?

Тут же встает другой вопрос о связи материи, информации, энергии с фантазией. Данные проблемы направляют исследователей к поискам онтологического статуса фантазии. В последнее время появляется много научных статей, в которых они анализируются. Наиболее дискуссионными исследованиями в данной области являются работы Т. Суетина и С. Коняева [3, 4]. Т. Суетин полагает, что фантазия и объективная реальность равноправны. С. Коняев не соглашается с этим: «... Очевидно, что объективный мир существует независимо от отдельного человека» [4, с. 83]. Вместе с тем авторы солидарны в том, что человеческая фантазия во многом подобна процессам, происходящим как в микромире, так и в биологических системах. С. Коняев считает, что фантазия является выражением развитого мышления. Но не вполне понятно, что он понимает под развитым мышлением. Очевидно, автор имел в виду развитое сознание, поскольку оговаривается: «Если, конечно, это не банальное бытовое фантазерство» [4, с. 85].

Следует заметить, что грань между бытовым фантазерством и научной творческой фантазией весьма условна. К тому же, если мы сравниваем сознание с процессами, происходящими в объективном мире, то стоит заметить, что как в материальном мире нет пустого пространства, о чем свидетельствует открытие физиками микромира, так его нет и в сознании. Не вызывает сомнения, что субъект всегда мыслит, оформляя мысли словом, т. е. «всегда говорит внутри себя», молчать он не может. И там, где нет мысли, направленной на решение насущных проблем, всегда есть мысль о чем-то, поскольку просто бессмысленного словесного потока мысли не может быть. Вернее сказать, что если такой поток усилиями воли можно воспроизвести, то он создаст дополнительную психическую напряженность, и долго заниматься мы этим не будем. Человек может фантазировать без дополнительной напряженности, можно сказать, даже получая наслаждение. Вот эти мысли о чем-то, что может и не иметь вообще никакого практического применения, служат основой как фантазии, так и сознания как такового. Таким образом, фантазия выражает бессознательные процессы человеческой психики, которые происходят постоянно, независимо от нас.

Данные процессы не являются областью теоретического разума, но в подобном случае выступают в качестве его основания и естественного дополнения. Творческая деятельность не подчинена правилам и стандартам, протекает бессознательно, однако в результате часто возникают новые знания и виды рациональной деятельности. Установление механизма творчества привело к появлению различных схем развертывания креативного процесса. Выяснилось, что основные линии совпадают с принципами научной деятельности, выступающими в качестве критериев научности. К ним относят, как правило, принципы системности, логической обоснованности, фальсифицируемости, проблемности. По мнению Г. Гегеля, «принцип какого-нибудь философского учения тоже означает некое начало, но не столько субъективное, сколько объективное начало, начало всех вещей» [5, с. 49]. В основании принципов может находиться идея, которая выступает системообразующим фактором. Для обозначения единства чувственного и рационального познания стали использовать термин «эйдетическое познание», т. е. термин античной философии «эйдос» оказался наиболее удобным, а в переводе это означает как «вид», «образ». Творчество как раз можно рассматривать в рамках эйдетического познания.

Фантазия является разновидностью творческого воображения, это ситуация, представляемая человеком, которая не соответствует реальности, но при этом выражает его желания, т. е. это импровизация на какую-либо тему [6].

Я. Э. Голосовкер противопоставляет фантазию и воображение, отмечая, что с помощью воображения можно построить научные гипотезы, а с помощью фантазии это сделать невозможно, так как она тождественна заблуждению. С его точки зрения, «фантазии доступно все – любой калейдоскоп нелепостей», а познание требует законов [7, с. 10]. Однако, с точки зрения Л. С. Выготского, фантазия – это центральное выражение эмоциональной реакции, «все фантастические и нереальные наши переживания, в сущности, протекают на совершенно реальной эмоциональной основе» [8, с. 268]. Он считает, что человек с помощью фантазии предвосхищает свое будущее, а следовательно, и творчески приближается к его построению и осуществлению. Каждый субъект поэтому получает возможность переживать эмоциональное напряжение и с помощью фантазии компенсировать неудовлетворенные потребности. Л. С. Выготский отмечает, что самой простой формой связи воображения с действительностью является наличие прежнего опыта; другой формой связи реальности и фантазии служит связь между продуктом фантазии и каким-либо явлением действительности, т. е. это связь не между элементами действительности и фантастическим построением; следующей формой связи между воображением и реальностью выступает эмоциональная связь (единым образом при этом становятся совершенно эклектичные элементы).

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг утверждал, что фантазия важна в научной деятельности, а именно в научном творчестве, что она предшествует зарождению теории [9]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что фантазия служит условием творческой деятельности, которая выражается в представлении наглядной модели (образа) ее результатов, например, в тех случаях, когда недостаточно информации. Следовательно, фантазия выполняет определенные функции. Главная функция воображения, по мнению Э. В. Ильенкова, состоит в преобразовании так называемого «оптического явления на поверхности сетчатки в образ внешней вещи» [10, с. 61]. Заметим, что наряду с визуальными есть и акустические, и тактильные образы, к тому же в фантазиях они не возникают без онтологических оснований, и одними наглядными аналогами из прошлого опыта невозможно пояснить суть

фантазии, поскольку многие фантастические образы, как уже отмечалось, не имеют аналогов. Да, мышление с наглядно-образной репрезентацией предшествует абстрактному мышлению человека. Оно есть и у других высокоорганизованных животных. Но в абстрактном мышлении все образы оформлены словами, а слова являются не только знаками, указывающими на обозначаемый предмет, но и символами лиц, указывающими на сокрытый универсальный субъект-объект, незримо присутствующий в каждом обозначаемом именем предмете, с которым идентифицирует себя обозначающий, облачаясь в лицо. Интерпретируя этого неизвестного, человек порождает фантазии о предметах, которые вообще не только никогда не имели места в предыдущем чувственном опыте, но и вообще не доступны чувственному опыту, т. е. все, что принято называть метафизическим. Человек в поисках этого неизвестного властелина порождает различные образы, которые производятся по аналогии. Ведь абстрактное мышление, говоря языком диалектики, возникло не в результате уничтожения наглядно-образного мышления, а путем его отрицания, включения его в свою структуру.

Тем не менее приемами фантазии можно считать такие методы в научной деятельности, как аналогия – равенство отношений, подобие, сходство явлений, процессов, предметов, величин в каких-нибудь свойствах, в частности, с использованием процедуры сравнения. Модель аналогии – это образец или образ, это абстрактная, предметная или математическая система, отображающая принципы какой-либо организации или функционирования объекта исследования, изучение которого эмпирическими методами невозможно. Она выполняет разные функции для объяснения теории, гипотезы или других форм знания, которые в ходе исследования либо подтверждаются, либо опровергаются; типизация – это операция или процесс категоризации объектов, это способ создания образов воображения, который является очень сложным, так как один эпизод как бы вмещает в себя массу аналогичных событий; акцентирование – способ создания образов воображения, при котором выделяется какая-либо часть или деталь целого, становящаяся доминирующей, несущей основную нагрузку; эклектика – соединение, смешение разнородных образов, взглядов, стилей, идей.

Заключение

Онтологическим субстанциальным началом фантазии являются слова, представляющие со-

бой знаки-символы, заполняющие и оформляющие мыслительное пространство субъекта, побуждающие субъект к постоянному поиску неизвестного. Вместе с тем идея понимания фантазии как отношения выступает системообразующим фактором в онтологическом контексте рассмотрения проблемы особенностей эйдетического познания, объединяющего рациональное и чувственное познание. В современном научном познании сформировался гипотетико-дедуктивный идеал научности, поэтому гипотезы используются как составная часть гипотетико-дедуктивного метода и в качестве элементов научного разума. В связи с тем, что результат гипотетико-дедуктивного исследования и рассуждения носит воображаемый и вероятностный характер, фантазию можно считать формой познания.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
3. Суетин Т. Реальность фантазии // Философская антропология. 2017. Т. 3, № 1. С. 27–45. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2017-3-1-27-45>
4. Коняев С. Онтологические аспекты человеческой фантазии // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 81–101. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-81-101>
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 5 : Наука логики. М. : Государственное издательство социально-экономической литературы, 1937. 814 с.
6. Стеклова И. В. Идея проблемности и эйдетическое сознание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 410–413. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>
7. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М. : Наука, 1987. 217 с.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с.
9. Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Роль фантазий в научном творчестве // Творчество. Петроград : Научное химико-техническое издательство, 1923. С. 36–57.
10. Ильенков Э. В. О воображении // Народное образование. 1968. № 3. С. 33–42.

References

1. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. *Voprosy Filosofii*, 1992, no. 7, pp. 136–176 (in Russian).
2. Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativ-

- ity]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p. (in Russian).
3. Suyetin T. The reality of fantasy. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], 2017, vol. 3, no. 1, pp. 27–45 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2017-3-1-27-45>
  4. Konyayev S. Ontological aspects of human imagination. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, vol. 4, no. 1, pp. 81–101 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-81-101>
  5. Gegel G. V. F. *Sochineniya. T. 5: Nauka logiki* [Works. Vol. 5. The Science of Logic]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1937. 814 p.
  6. Steklova I. V. The idea of problematic and eidetic cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 410–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>
  7. Golosovker Ya. E. *Logica mifa* [Logic of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 217 p. (in Russian).
  8. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 480 p. (in Russian).
  9. Levinson-Lessing F. Yu. The role of creativity in the professional activity of a person. In: *Tvorchestvo* [Creation]. Petrograd, Nauchnoye khimiko-tehnicheskoye izdatel'stvo, 1923, pp. 36–57 (in Russian).
  10. Ilyenkov E. V. About imagination. *Narodnoye obrazovaniye* [Public Education], 1968, no. 3, pp. 33–42 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 12.06.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–271
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–271
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-267-271>

Научная статья
УДК 164.07

Детерминизм и проблема актуальности будущего

А. С. Пиманов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

Пиманов Артем Сергеевич, аспирант кафедры логики, dillabunturmemoria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4179-6589>

Аннотация. Введение. В статье анализируется вопрос о роли детерминизма в формировании гипотезы Thin Red Line, являющейся одним из немногих направлений логики, рассматривающих проблематику детерминизма и актуальности будущего. Рассматриваются логико-философские предпосылки, приведшие к формированию данной гипотезы как компатибелистской позиции, согласно которой при наличии открытого разветвленного будущего, обеспечивающего индетерминизм, можно утверждать, что будущее некоторым образом направлено в сторону актуальной истории. **Теоретический анализ.** Особое внимание уделяется изучению детерминистических аргументов в работах Артура Прайора и Петера Эрстрёма. Рассматривается идея о том, что изначальное стремление преодолеть теологический детерминизм посредством гипотезы Thin Red Line в рамках временной логики столкнулось с рядом других детерминистических проблем, подрывающих основу гипотезы Thin Red Line. В частности, делается акцент на том факте, что гипотеза Thin Red Line имеет определенные проблемы с выражением актуальности будущего. Подробно описываются аргументы против гипотезы Thin Red Line со стороны Белнапа и Грина. **Заключение.** Дается авторская оценка современного положения гипотезы Thin Red Line и возможных направлений дальнейших исследований по этой теме.

Ключевые слова: детерминизм, временная логика, ветвящееся время, Thin Red Line, актуальная история, проблема свободы воли

Для цитирования: Пиманов А. С. Детерминизм и проблема актуальности будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–271. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-267-271>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Determinism and the problem of actual future

A. S. Pimanov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 27 Lomonosovsky Ave., Bldg. 4, Moscow 119991, Russia

Artem S. Pimanov, dillabunturmemoria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4179-6589>

Abstract. Introduction. This article raises the question of the role of determinism in the formation of the Thin Red Line hypothesis. This hypothesis is one of the few branches of logic which address the problems of determinism and actual future. The author considers how certain logical and philosophical preconditions led to the formation of the Thin Red Line hypothesis as a compatibilist view, according to which in the presence of an open branched future that provides indeterminism, one can argue that the future is in some way directed toward actual history. **Theoretical analysis.** Particular attention is paid to the analysis of deterministic arguments in the works by Arthur Prior and Peter Ohrstrom. The author considers the idea that the initial effort to overcome theological determinism through Thin Red Line hypothesis within a temporal logic encountered a number of other deterministic problems that undermine the foundation of Thin Red Line hypothesis. In particular, emphasis is placed on the fact that the Thin Red Line hypothesis has certain problems with expressing the relevance of the future. The arguments against Thin Red Line hypothesis by Belnap and Green are described in detail. **Conclusion.** An assessment of the current state of Thin Red Line hypothesis and possible directions for further research on this topic are explored.

Keywords: determinism, temporal logic, branching time, Thin Red Line, actual history, problem of free will

For citation: Pimanov A. S. Determinism and the problem of actual future. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-267-271>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Целью данной работы является исследование роли детерминизма в формировании и современном развитии гипотезы Thin Red Line (далее – TRL). Проблематика данной гипотезы

опирается на логико-философское осмысление детерминизма и тесно связана с формальными моделями времени в логической семантике. В рамках логики дискуссия о понимании детерминизма довольно обширна. В зависимости

от поставленных исследователем задач могут приниматься разные трактовки детерминизма. В контексте семантики логики ветвящегося времени, где собственно и возникает гипотеза TRL, можно считать адекватным следующее понимание детерминизма: *будущее нашего мира строго определено в рамках некоторых непреодолимых закономерностей* [1]. Детерминизм затрагивает ряд классических философских проблем. Его принятие влечет за собой определенный набор следствий, наличие которых большинство исследователей считают неестественным. С одной стороны, детерминизм приводит к тому, что значение овремененных высказываний о будущем известно до наступления самого события, а потому нет места случайности [2]. С другой стороны, при наличии детерминизма становится непонятно, как возможна в нашем мире свобода воли. В современной научной литературе можно наблюдать заметный рост интереса к проблематике детерминизма. За последние 10-15 лет появилось большое количество логико-философских исследований, затрагивающих эту тему [3–5]. Многие из них уделяют особое внимание гипотезе TRL, поскольку она развивает ставшие уже классическими семантики Оккамовского и Пирсового типов. В частности, эта гипотеза примечательна тем, что дает возможность принять промежуточную *компатибелистскую* позицию [6, с. 366], согласно которой при наличии открытого разветвленного будущего, обеспечивающего индетерминизм, можно утверждать, что будущее все же некоторым образом направлено в сторону так называемой «актуальной истории». Сама же идея компатибелизма в рамках логики ветвящегося времени интересна тем, что позволяет нам преодолеть негативные следствия детерминизма, сохранив при этом детерминизм в рамках развития научного познания для анализа настоящего и прогнозирования будущего. Анализ формирования и современного положения гипотезы TRL позволяет утверждать, что именно идея актуальности будущего отображается в ней не совсем адекватно. Но, несмотря на то, что с момента своего появления гипотеза TRL не раз подвергалась критике, ее сторонники продолжают отстаивать познавательную ценность гипотезы, предлагая новые технические решения для ее реализации в семантике логики ветвящегося времени.

Теоретический анализ

С технической стороны гипотеза TRL опирается на идеи, лежащие в основе семантики логики ветвящегося времени, представленные в работе Артура Прайора «Past, Present and

Future» [7]. В ней он рассматривает распространенные аргументы о связи времени и необходимости и обращает внимание на один из них – «необходимо, что если было истинно, что нечто произойдет, оно произойдет» [7, с. 118]. Иногда в литературе его упоминают как аргумент от постдетерминации к преддетерминации. Признавая этот аргумент ложным, Прайор предлагает логику ветвящегося времени как один из возможных подходов к преодолению проблемы детерминизма. Для этого он обращается к философскому опыту мыслителей прошлого, в частности Уильяма Оккама.

Для Оккама аргумент от постдетерминации к преддетерминации являлся большой проблемой, так как в силу возникающего из него детерминизма невозможно защитить принцип свободы воли. В трактовке Прайора он предложил идею о том, что для решения этой проблемы важно понимать необходимость истинности событий прошлого исключительно в таких высказываниях, которые нельзя представить как утверждения о будущем. Такими высказываниями Оккам считает выражения о прошлом, которые, хоть и относятся к прошлому, все равно содержат внутри себя некоторую отсылку к будущему [7, с. 121]. Выражение «вчера было истинно, что через два дня я закурю» может быть представлено как выражение «завтра я закурю», а потому не может восприниматься как *строго необходимое*. Зацепившись за эту идею, Прайор отмечает, что, с одной стороны, истинность или ложность высказываний о прошлом и настоящем уже определена и не может быть пересмотрена, но, с другой стороны, будущее еще не наступило, а потому даже если истинность или ложность высказывания в будущем уже определены, для нас это не очевидно. Необходимо дождаться самого события, чтобы убедиться в этом. Он описывает это как принцип «жди и смотри» [7, с. 123]. В дальнейшем Прайором была предложена семантика логики ветвящегося времени «оккамистского» типа.

Теперь обратимся к работе Петера Эрстрёма [8], которая считается отправной точкой в становлении гипотезы TRL. В ней подробно описывается и разбирается понимание Оккамом проблемы свободы воли и предложенные им пути ее разрешения через анализ природы овремененных высказываний. Первое, на что обращает внимание Эрстрём, это то, что у Оккама нет никакого сомнения в том, что Бог во всей полноте и со строгой определенностью знает об истинности или ложности события в будущем. Но то, как именно и за счет чего достигается это знание, понять невозможно [8, с. 215]. Поэтому

необходимо подойти к проблеме с другой стороны и представить, как можно преодолеть аргумент от преддетерминации к постдетерминации, используя инструментарий, предоставляемый логикой.

Эрстрём отмечает, что предложенное Прайором понимание Оккама сильно отличается от того, что имел в виду сам Оккам в своих рассуждениях. Он утверждает, что предложенное Оккамом ограничение на аргумент от преддетерминации к постдетерминации все равно вызывает противоречие в рамках теологии [8, с. 217]. Это противоречие касается высказываний о будущем, которые понимаются как пророчества. Обращаясь к некоторым пророчествам святых отцов, можно заключить, что в человеческом понимании эти высказывания носят лишь условный характер, несмотря на ту форму, в которой они могут быть изложены. Из этого можно сделать следующий вывод: *раскрытие события будущего лишает его случайности, будущее становится неизбежным* [8, с. 216]. Данный факт в представлении теологии есть неотъемлемая часть божественной воли. Поэтому изложенный Прайором принцип «жди и смотри» распространяется только на уровень человеческого понимания. На Бога он не распространяется, а потому можно говорить о том, что в рамках логики ветвящегося времени можно раскрыть эту идею Оккама через выделение одной *актуальной истории* [8, с. 218]. Таким образом, Эрстрём считает возможным создание на базе логики ветвящегося времени логической гипотезы, которая будет основана на следующих принципах [8, с. 220]:

наличие актуального будущего, которое позволяет принять доктрину о всезнании Бога;

наличие ветвления в будущее, которое позволяет принять доктрину о свободе воли;

отрицание принципа о необходимости истинности событий прошлого, если он принимается без ограничений.

После оформления гипотезы TRL выяснилось, что она не лишена недостатков. Стремление Эрстрёма сохранить догмат о свободе воли влечет за собой сложности с другими аспектами проблемы детерминизма. Дальнейшее развитие гипотезы привело к появлению двух противоборствующих направлений. Одни исследователи считают обоснованной теорию TRL. В логико-философской литературе их принято называть *актуалистами* [9]. Другие исследователи не признают обоснованной теорию TRL, и их принято обозначать как *антактуалистов*. В этой связи важным событием стал выход статьи Н. Белнапа и М. Грина «Indeterminism and the Thin Red Line» [6]. Основная идея данной статьи сводится к

следующему: ряд овременных высказываний о будущем не может иметь истинностной оценки. Этот тезис также обозначают в литературе как *проблему утверждения*. С точки зрения Белнапа и Грина, при оценке овременных высказываний необходимо учитывать два фактора [6, с. 375]:

информацию о контексте употребления высказывания (*context of use*) – момент времени, место, адресант, адресат;

информацию, лежащую за контекстом употребления (*beyond value*).

Выделение этих факторов объясняется тем, что для оценки ряда высказываний информации о контексте употребления недостаточно, так как в языке высказывания о будущем времени отсылают ко всем моментам времени будущего. В связи с этим для оценки необходимо располагать всей дополнительной информацией за контекстом – контекстным и вспомогательным значением [6, с. 376]. Под такими высказываниями авторы понимают так называемые «автономные» (*stand-alone*) высказывания. Для пояснения Белнап и Грин приводят следующий пример.

В первом случае автономное высказывание имеет одно и то же истинностное значение независимо от возможных значений параметра x , как, например, в примере с высказыванием – «существует такой x , что x зарос щетиной и x есть Скотт». Во втором случае автономное высказывание может иметь различные истинностные значения для возможных значений параметра x , как в примере с выражением « x зарос щетиной». Кроме того, истинность такого выражения (высказывательной формы) зависит еще и от контекста употребления. Но тогда попросту нет смысла говорить об истинностном значении таких выражений [6, с. 378]. Белнап и Грин отмечают, что одним из возможных путей преодоления проблемы утверждения является возможность отсылки высказываний о будущем к некоторой выделенной актуальной истории через TRL. Однако такой маневр, по мнению авторов, невозможен. В их представлении гипотеза TRL обладает значительным недостатком: она никак не учитывает *имеющийся в языке статус событий о будущем за пределами актуальной истории*. Для пояснения воспользуемся примером из статьи Белнапа и Грина [6, с. 379]: «Возьмем утверждение “Монета упадет лицом вверх”. Но возможно, что она упадет лицом вниз, а затем она упадет лицом вниз еще раз (хотя в этот момент времени она могла упасть лицом вверх), а затем, с неизбежностью, *еще позднее*, она опять упадет лицом вниз».

Проблема состоит в том, что в языке говорится о том, что она *именно упадет* (will), а не то,

что она может или не может упасть лицом вверх. По мнению Белнапа и Грина, гипотеза TRL не может объяснить, как интерпретировать такого рода выражения. Возможным решением им представляется выделение актуальной истории для каждого момента времени – TRL(m). Но и оно кажется авторам невозможным из-за несовместимости с представлением о ветвлении [6, с. 381]. Работа Белнапа и Грина выявила серьезные недостатки гипотезы TRL. Можно утверждать, что попытка совместить индетерминизм с наличием актуальной истории приводит к потере индетерминизма как такового. Наличие альтернативной истории не решает проблему, так как высказывания, относящиеся к ней, не могут быть определены как истинные или ложные. В дальнейшем Эрстрём предложил свои аргументы в защиту гипотезы TRL [10]. Однако дискуссия на этом не остановилась и продолжается до сих пор. На текущий момент можно считать, что гипотеза TRL сталкивается с необходимостью изучения двух основных проблем:

выделение в гипотезе TRL актуальной истории не может адекватно отобразить сложившиеся в научном сообществе представления об актуальности [11];

гипотеза TRL не учитывает статус предположений о событиях будущего, располагающихся за пределами актуальной истории [12].

Изучение первой проблемы связано с анализом онтологического статуса объектов гипотезы TRL, в том числе и в контексте проблемы детерминизма. Рассмотрение второй проблемы сопряжено с поисками сторонников гипотезы TRL альтернативных способов оценки высказываний о будущем. Так или иначе, современные сторонники гипотезы TRL продолжают активно отстаивать идею об актуальном будущем и ищут пути к разрешению имеющихся у гипотезы проблем.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что попытка в рамках гипотезы TRL технически совместить представления о ветвящемся времени и о наличии линии актуального будущего кажется сомнительной. Она скорее создает новые проблемы, нежели позволяет эффективно решать текущие. Опираясь на саму идею об актуальности будущего, эта гипотеза, как признано рядом исследователей, реализует ее не вполне адекватно. Тем не менее полностью сбрасывать со счетов гипотезу TRL не стоит. Идея компатIBILITY, развиваемая в рамках семантики логики ветвящегося времени, позволяет преодолеть некоторые негативные следствия детерминизма, со-

хранив при этом детерминизм в рамках развития научного познания для анализа настоящего и прогнозирования будущего. В одной из последних работ по гипотезе TRL [12] предлагается новое техническое решение, связанное с возможностью добавления в ее семантику дополнительных модальных операторов, описывающих возможное будущее. Анализ и доработку этого решения можно считать важной темой дальнейших исследований, так как оно в перспективе позволит устранить недостатки изначального варианта гипотезы TRL.

Список литературы

1. *Weatherford R.* The implications of determinism. New York : Routledge library editions: Free will and determinism. 2017. Vol. 8. 288 p.
2. *Карпенко А. С.* Фатализм и случайность будущего: Логический анализ. М. : ЛЕНАНД, 2019. 216 с.
3. *Ploug T., Ohrstrom P.* Branching time, indeterminism and tense logic // *Synthese*. Dordrecht : Springer, 2012. P. 367–379.
4. *Belnap N., Muller T., Placek T.* New Foundations for Branching Space-Times // *Studia Logica*. Dordrecht : Springer, 2021. P. 239–284.
5. *Muller T.* Time and Determinism // *Journal of Philosophical Logic*. Dordrecht: Springer, 2015. Vol. 44. P. 729–740.
6. *Belnap N., Green M.* Indeterminism and the Thin Red Line // *Philosophical Perspectives. Logic and Language*. Wiley : Ridgeview Publishing Company, 1994. Vol. 8. P. 365–388.
7. *Prior A. N.* Past, Present and Future. Oxford : Clarendon Press, 1967. 217 p.
8. *Ohrstrom P.* Anselm, Ockham and Leibniz on Divine Foreknowledge and Human Freedom // *Erkenntnis*. Dordrecht : Springer, 1984. Vol. 21, № 2. P. 209–222.
9. *Burgess J.* The Unreal Future // *Theoria*. 1978. Vol. 44, № 3. P. 157–179.
10. *Ohrstrom P.* In Defence of the Thin Red Line: A Case for Ockhamism // *Humana. Mentis*. Firenze : Biblioteca filosofica, 2009. P. 17–32.
11. *Borghini A., Torrenzo G.* The Metaphysics of the Thin Red Line // *Around the Tree: Semantic and Metaphysical Issues Concerning Branching and the Open Future*. Synthese Library. Dordrecht : Springer, 2013. Vol. 361. P. 105–125.
12. *Malpass A., Wawer J.* A future for the thin red line // *Synthese*. Dordrecht : Springer, 2012. Vol. 188, № 1. P. 117–142.

References

1. *Weatherford R.* *The implications of determinism*. New York, Routledge library editions: Free will and determinism, 2017, vol. 8. 288 p.

2. Karpenko A. S. *Fatalizm i sluchaynost budushchego: Logicheskiy analiz* [Fatalism and the Accidence of the Future: A Logical Analysis]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 216 p. (in Russian).
3. Ploug T., Ohrstrom P. Branching time, indeterminism and tense logic. In: *Synthese*. Dordrecht, Springer, 2012, pp. 367–379.
4. Belnap N., Muller T., Placek T. New Foundations for Branching Space-Times. In: *Studia Logica*. Dordrecht, Springer, 2021, pp. 239–284.
5. Muller T. Time and Determinism. *Journal of Philosophical Logic*. Dordrecht, Springer, 2015, vol. 44, pp. 729–740.
6. Belnap N., Green M. Indeterminism and the Thin Red Line. *Philosophical Perspectives. Logic and Language*. Wiley, Ridgeview Publishing Company, 1994, vol. 8, pp. 365–388.
7. Prior A. N. *Past, Present and Future*. Oxford, Clarendon Press, 1967. 217 p.
8. Ohrstrom P. Anselm, Ockham and Leibniz on Divine Foreknowledge and Human Freedom. *Erkenntnis*. Dordrecht, Springer, 1984, vol. 21, no. 2, pp. 209–222.
9. Burgess J. The Unreal Future. *Theoria*, 1978, vol. 44, no. 3, pp. 157–179.
10. Ohrstrom P. In Defence of the Thin Red Line: A Case for Ockhamism. In: *Humana. Mente*. Firenze, Biblioteca filosofica Publ., 2009, pp. 17–32.
11. Borghini A., Torrenzo G. The Metaphysics of the Thin Red Line. In: *Around the Tree: Semantic and Metaphysical Issues Concerning Branching and the Open Future*. Synthese Library. Dordrecht, Springer, 2013, vol. 361, pp. 105–125.
12. Malpass A., Wawer J. A future for the thin red line. In: *Synthese*. Dordrecht, Springer, 2012, vol. 188, no. 1, pp. 117–142.

Поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–276

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–276

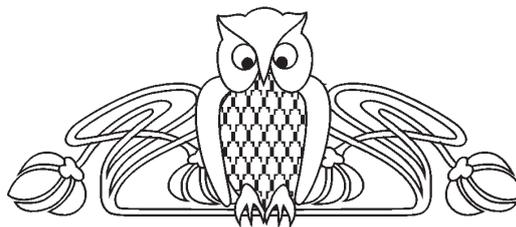
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

Научная статья

УДК 130.3

Роль метанойи в формировании теологического мировоззрения

Т. Е. Седанкина

Российский исламский институт, Россия, 420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии, tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Аннотация. Введение. В связи с приобретением теологией статуса науки встает вопрос актуализации внутренних источников мотивации теолога-исследователя к научной деятельности. Одним из мотивирующих факторов является рассмотрение научно-исследовательской деятельности в качестве особого вида поклонения, заключающегося во внутренней устремленности к познанию Бога посредством приближения к постижению предельных смыслов. В данном случае исследовательская деятельность рассматривается в качестве сакральной, что, несомненно, придает теологу особый импульс к действию. **Теоретический анализ.** Анализ философско-герменевтических традиций христианства и ислама, исследований философов и психологов, а также идей философов-традиционалистов позволяет заключить, что метанойя как перемена ума, смещающая точку зрения за пределы привычных смыслов, способствует смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствуя возвращению сакрального в повседневность. **Заключение.** Метанойя, происходящая в ходе научно-исследовательской деятельности, рассматривается как процесс своеобразного перерождения теолога, открывающий доступ к его скрытой психической энергии, осуществляя «разворот сознания» в сторону постижения сакральных истин. Исследовательская деятельность теолога представляет собой особый вид научного творчества, опирающегося на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой религиозной традицией посредством транслирования исконных ценностей.

Ключевые слова: теолог-исследователь, теологическое мышление, научно-исследовательская деятельность теолога как вид сакральной деятельности, внутренняя устремленность к познанию Бога, метафизическое знание, интеллектуальная интуиция, рациональное, иррациональное и сверхрациональное, умоперемена (метанойя), сакральное в повседневном, предельное отчаяние, экстатическая радость

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Роль метанойи в формировании теологического мировоззрения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–276. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of metanoia in the formation of theological worldview

T. Ev. Sedankina

Russian Islamic institute, 19 Gazovaya St., Kazan 420079, Russia

Tatyana Ev. Sedankina, tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Abstract. Introduction. In connection with the acquisition of the status of science by theology, the question arises how to update the internal sources of motivation of the theologian-researcher for scientific activity. One of the motivating factors is the consideration of research activities as a special kind of worship, which consists in an inner aspiration to know the God by approaching the comprehension of ultimate meanings. In this case, research activity is regarded as sacred, which undoubtedly gives the theologian a special impetus to action. **Theoretical analysis.** The analysis of the philosophical and hermeneutical traditions of Christianity and Islam, studies of philosophers and psychologists, as well as the ideas of traditional philosophers, allows us to conclude that metanoia as a change of mind that shifts the point of view beyond the usual meanings contributes to looking at the world through the prism of the sacred, favoring the return of the sacred into everyday life. **Conclusion.** Metanoia, which occurs in the course of research activities, is considered as a process of a kind of rebirth of the theologian, opening access to his hidden psychic energy, carrying out a “turn of consciousness” towards the comprehension of sacred truths. The research activity of a theologian is a special kind of scientific creativity, based on the highest metaphysical principles, aimed at restoring and maintaining contact with a living religious tradition through the transmission of primordial traditional values.

Keywords: theologian-researcher, theological thinking, research activity of a theologian as a kind of sacral activity, inner striving for the knowledge of the God, metaphysical knowledge, intellectual intuition, rational, irrational and superrational, mental change (metanoia), sacred in everyday life, ultimate despair, ecstatic joy

For citation: Sedankina T. Ev. The role of metanoia in the formation of theological worldview. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время особенно актуальным становится «вопрос о мотивации и реализации внутреннего потенциала посредством направления внимания к предельным смыслам и поиску источника внутри себя» [1, с. 56]. Этот вопрос касается как светского человека, либо «истощенного» экзистенциальным вакуумом, либо «пресыщенного» мирскими радостями, так и человека религиозного, почерпнувшего знания из религиозных книг, но не удовлетворенного достигнутым, продолжающего стремиться к постижению предельных смыслов посредством саморазвития и самообразования, направленного на более глубокое осмысление прочитанного. Люди, обладающие особым типом «когнитивной направленности», выражающейся в «поисковом познавательном характере мышления» [2, с. 22], как раз и являются потенциальными (реальными) теологами-исследователями – носителями особого типа мышления – мышления теологического.

Несомненно, основным источником мотивации к исследовательской деятельности теолога должны стать не внешние стимулы, а внутренняя устремленность к познанию Бога посредством приближения к постижению предельных смыслов, несмотря на осознание того, что полное их обретение не представляется возможным. Принятие собственной когнитивной ограниченности с одновременным стремлением к постижению горизонтов возможного расширяет эти горизонты до ранее казавшихся невозможными – таков путь искателя сакральных истин, путь теолога-исследователя, путь, предполагающий некий переворот сознания. И если верующий человек является «человеком не от мира сего», то теолог-исследователь становится «не от мира сего» дважды. То есть в его сознании теолога не только смещаются акценты внимания с мира бренного на мир горний, что является первым «разворотом», на чем многие верующие и останавливаются, но и осуществляется второй «дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных глубин, что, на наш взгляд, и является путем теолога-исследователя.

Теоретический анализ

Идея «перемены ума» присутствует в традиционных религиях, а также рассматривается в рамках философии, психологии, психиатрии и образования – научной (теологической) деятельности. Как в христианской, так и в исламской религии наличествует идея разворота ума в сердце, получившая название «метанойя» (умоперемена). Как отмечает диакон Святослав (Елисеев), «метанойя становится причиной образования особого энергийного бытия человека, что является одним из главных условий христианского подвига аскезы, приближающим к общению с Богом» [3, с. 22]. Подобную идею находим в суфийской коммуникативистике, согласно которой разворот фокуса внимания от себя к Богу являет «психическую энергию, способствующую превращению души из неблагородного металла в золото» [1, с. 57]. Идеи «Алхимии души» приводятся в книге средневекового мусульманского мыслителя Аль-Газали (1058–1111), утверждавшего, что внутренняя алхимия приближает человека к Богу, даруя ощущение счастья, «мотивируя к поиску предельных смыслов» [4, с. 55–56].

Помимо религиозных концепций, вопросу метанойи как пути «от себя к себе» немалое внимание уделяется в философской феноменологии, экзистенциальной философии и философской психиатрии, где данный процесс рассматривается как «союз экстатической радости и радикального отчаяния, проживаемый через выход за пределы своего “я”, поворот к собственному опыту» [5, с. 81], представляющему собой «великое освобождение», осуществляемое через труднейшее переживание разрыва, позволяющего преодолеть границу между бытием и небытием. В данном контексте метанойя «из философской категории превращается в терапевтическую социальную стратегию» [5, с. 82], способствующую повышению уровня самоорганизации, ответственности благодаря открывающейся способности рассматривать «повседневную деятельность в качестве сакральной, причем не в метафизическом, а социологическом контексте» [6, с. 102].

Считаем, что метанойя («перемена ума»), способствуя смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствует возвращению сакрального в повседневность, восстановлению исконных традиционных ценностей, что благодаря смене ориентиров «ведет к кардинальному изменению отношения человека к своей деятельности и жизни в целом» [7, с. 218]. В этой связи вспоминаются слова философа-традиционалиста Ананды Кумарасвами (1877–1947), отмечавшего, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится частью Пути, в таком обществе нет ничего “профанного”; в противоположность обществу светскому, где нет ничего святого» [8, с. 138]. Будучи «современным образованным человеком, смотрящим на мир изнутри традиции, неся в себя ее подлинный дух» [8, с. 7], А. Кумарасвами являет собой пример обладания одной из обязательных специфических характеристик мировоззрения теолога, что указывает на наличие точек соприкосновения идей философов-традиционалистов и науки теологии, опирающейся на высшие метафизические принципы.

Несомненно, привитие студентам-теологам понимания того, что их исследовательская деятельность носит «сакральный характер», причем не только за счет творческого отношения к труду, но и вследствие специфики (уникальности) предмета теологического исследования, является серьезным мотивирующим фактором. «Благодаря осуществлению метанойи, совершению ментального разворота, возможно достижение максимально возможного в уже наличном состоянии ума» [9, с. 186].

Следует признать, что далеко не каждый человек желает как «перемены ума», так и достижения «максимально возможного», поскольку эти процессы требуют серьезной внутренней работы, которую А. М. Кангиева сравнивает с алхимическим делом. Исследователь пишет: «Нестремление, расфокусировка, апатия, застревание» могут привести к остановке «алхимической реакции переплавки железа в золото», и тогда такой человек может искать утешения в религиозных практиках и довольствоваться готовыми смыслами, так и оставшись «железом» [1, с. 62]. Таких «застрявших» на пути познания философ-традиционалист Рене Генон (1886–1951) называл «носителями внешней скорлупы Традиции, не подозревающими о ее внутреннем глубинном содержании» [10, с. 130], погружение в которое и является задачей теолога-исследователя.

В ходе «переплавки железа в золото» происходит естественный процесс, когда иссле-

дователь начинает испытывать сомнения по поводу дальнейшего движения, по поводу невозможности осознать неосознаваемое, описать не поддающееся описанию. Иногда он может почувствовать, что не выдерживает психической энергии, сопровождающей процесс постижения, останавливаясь в своих изысканиях. Отступление, утрачивание стремления к познанию за пределами, несомненно, отдаляет от постижения Другого. Только смирившись с невозможностью познать запредельные смыслы, исследователь может продолжить свой «путь к Ты, обретая доступ к своей скрытой силе» [1, с. 56], к психической энергии, движущей алхимический процесс, направленный на формирование мышления теолога-исследователя, что представляет собой «процесс своеобразного перерождения, посредством испытания предельным отчаянием и экстатической радостью постижения того, что ранее казалось невозможным» [5, с. 81]. Именно эта радость служит отличным стимулом научно-исследовательской деятельности теолога, в связи с чем одной из задач педагога является раскрытие молодому исследователю особого источника интеллектуального наслаждения, который, по мнению А. Кумарасвами, заключается в «радости поиска, понимания, радости самой текстуре искомого “камня”» [8, с. 46–47].

Несмотря на то, что в приведенной цитате речь идет о художнике и произведении искусства, это ни в коей мере не отрицает сути изложенного, более того, позволяет взглянуть на исследовательскую деятельность как на искусство (особую форму научного творчества, предполагающего как рациональные, так и иррациональные способы познания), а на теолога – как на художника, сотворяющего сакральную реальность в повседневном профанном мире. Здесь необходимо уточнить, что термин «иррациональное» рассматривается в качестве «сверхрационального», отнюдь «не являющегося ее синонимом, а тем, что выше разума, но не противоположно ему» [10, с. 424].

Допущение возможности применения сверхрационального уровня познания в теологическом исследовании способствует открытию возможности доступа к глубинным смыслам благодаря «восстановлению контакта с живой традицией» [10, с. 33]. Кто как не теолог-исследователь способен совершить это восстановление посредством «метода личного опыта веры и жизни теолога» [11, с. 8], предложенного первым кандидатом теологии П. В. Хондзинским в качестве одного из методов теологического исследования, поддержанного представителями традиционной богословской

школы, однако в академических кругах вызвавшего жесткую критику. Отрицание академической наукой применения специфических теологических методов является лишь одной из граней, препятствующих обращению к области «чистого сверхрассудочного знания». Другой гранью выступает негласный запрет богословского сообщества на «стремление свободного мыслителя заглянуть за непроницаемое покрывало, таящее сокровища нечеловеческой предвечной мудрости» [10, с. 14]. Этот «негласный запрет» формирует как у просто религиозных людей, воспринимающих религию на уровне ритуала, так зачастую и у теологов-исследователей «страх перед тайной». Как разъясняет Р. Генон, сущность человека такова, что в случае непонимания чего-то он начинает испытывать страх, результатом которого становится отрицание, а иногда и ненависть к новому, к непонятому. «Ненависть к тайне является одной из форм ненависти к тому, что превышает “средний” уровень, отменяя навязываемое единообразие» [10, с. 517].

Несомненно, нельзя забывать о духовных рисках (на что направлены наши дальнейшие исследования), однако важно осознавать разницу между тем, что находится уже за чертой, а что еще в поле возможности реального исследования. Р. Генон разъясняет разницу между «званными и избранными», отсылая нас к библейскому тексту. По мнению философа, званными являются те, кто лишь имеет в себе потенцию к реализации высшего замысла, а избранными – те, кто эту потенцию активно реализует. Позволим себе заявить, что теолога-исследователя вполне можно отнести к «званным» в силу принадлежности к религиозной традиции не только на уровне ритуала, но и внутренней устремленности к постижению глубинных метафизических смыслов. А вот шанс оказаться в числе «избранных» зависит от степени реализации заложенного потенциала и, конечно, от воли Всевышнего.

Заключение

Таким образом, в представленной работе предпринята попытка рассмотрения роли метаноии, смещающей ценностный вектор в сторону «сакрального» в научно-исследовательской деятельности теолога как носителя особого типа мировоззрения, что позволяет взглянуть на исследовательский процесс как на один из видов сакрального действия (особый вид поклонения) ввиду уникальности предмета теологического исследования, что, несомненно, служит серьезным мотивирующим фактором для теолога.

Выявлены точки соприкосновения идей философов-традиционалистов и теологов-исследователей, опирающихся на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой традицией посредством транслирования исконных традиционных ценностей и возвращения сакрального в повседневность, являющихся не «носителями внешней скорлупы Традиции, страшящейся и ненавидящей все превосходящее средний уровень», а «званными и избранными» ради реализации дарованного Всевышним потенциала, возможной благодаря метаноии (умоперемене), играющей ключевую роль в формировании мировоззрения теолога-исследователя.

Список литературы

1. Кангиева А. М. Суфийская коммуникативистика как «алхимия души» (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54–64.
2. Карпов А. О. Социализация и исследовательское поведение научного типа // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 21–34.
3. Елисеев С. А. (диакон Святослав). Внутренний органон : экспозиция, квалификация и верификация духовного опыта в православной традиции // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 1 (10). С. 22–32.
4. Аль-Газали А. Х. Эликсир счастья : в 4 ч. Ч. 1 : Унваны 1–4 / пер. с перс. А. А. Хисматулина. М. : Ихлас, 2011. 464 с.
5. Власова О. А. Опыт безумия и ничтожение бытия : от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 3 (14). С. 74–82.
6. Новичкова Г. А. Философское обоснование труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 95–104.
7. Годова М., Маслова А. В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока (обзор «круглого стола») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С. 215–223.
8. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство / пер. с англ. М. В. Маковича. М. : Беловодье, 2018. 174 с.
9. Иванов О. Е. Об интеллектуальных приоритетах в христианстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 2. С. 176–197.
10. Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
11. Хондзинский П. В. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, митрополита Московского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 25 с.

References

1. Kangieva A. M. Sufi communication studies as an “Alchemy of spirit” (on the materials of Crimean Khanate sources). *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury* [Problems of the Crimean Tatar philology, history and culture], 2020, no. 9, pp. 54–64 (in Russian).
2. Karpov A. O. Socialization and research behavior of scientific type. *Shkol'nye tehnologii* [School Technologies], 2015, no. 4, pp. 21–34 (in Russian).
3. Eliseev S. A. (Deacon Svyatoslav). Internal organon: exposition, qualification and verification of spiritual experience in the Orthodox tradition. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy duhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2021. no. 1 (10), pp. 22–32 (in Russian).
4. Al-Ghazali A. Kh. *Eliksir schast'ya* [Elixir of Happiness: in 4 parts. Part 1: Unvans 1–4]. Moscow, Ikhlas Publ., 2011. 464 p.
5. Vlasova O. A. The experience of madness and the nothingness of being: From existential philosophy to existential-phenomenological psychiatry. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University A. S. Pushkin], 2008, no. 3 (14), pp. 74–82 (in Russian).
6. Novichkova G. A. Philosophical substantiation of labor. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 5, pp. 95–104 (in Russian).
7. Godava M., Maslova A. V. Mystical traditions in the spiritual culture of the West and East (a review of the “round table”). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2018, iss. 5 (795), pp. 215–223 (in Russian).
8. Kumarasvami A. K. *Vostok i Zapad. Religija, mifologija, simbolika, iskusstvo*. Per. s angl. M. V. Makovich [East and West. Religion, mythology, symbolism, art. Transl. from Engl. M. V. Makovich]. Moscow, Belovod'e Publ., 2018. 174 p.
9. Ivanov O. E. On intellectual priorities in Christianity. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2015, vol. 16, iss. 2, pp.176–197 (in Russian).
10. Guenon R. *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 784 p.
11. Khondzinsky P. V. Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2017. 25 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–282
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–282
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

Научная статья
УДК 130.2

Антропологическая природа хронотопа М. М. Бахтина

Ю. Л. Сироткин

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, 420126, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, д. 14

Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории, истории государства и права и философии, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Аннотация. Введение. Обосновывается актуальность темы и формулируется цель исследования. **Теоретический анализ.** Предложена антропологическая интерпретация хронотопа М. М. Бахтина. Единство хронотопа поддерживается динамически неравновесным соотношением времени и пространства. Хронотоп расширяет представления о событии и месте. Одновременность присутствия человека в хронотопе и хронотопа в человеке органична и нераздельна. Своеобразие ощущения человеком пространственно-временного целого определяется способностью восприятия художественного образа, оформленного как текст. Человек ощущает несколько хронотопов и живет в них одновременно, но и они параллельно сосуществуют в человеке. Мир героев нарратива Возрождения становится открытым при сохранении целостности восприятия хронотопа. Исключительно важную роль играет дорога как место встречи при пересечении пространственно-временных перспектив. **Заключение.** Раскрыта антропологическая природа хронотопа. Понятие хронотопа определяется как пространственно-временное целое. Выводится формула человека в хронотопе и хронотопа в человеке. Континуальность хронотопа обозначается событием и местом. Восприятие времени-пространства носит конкретно-исторический характер и осуществляется посредством постижения художественного образа. В Новое время закрепляется универсализация восприятия хронотопа, углубляющая представления о его антропологической природе.

Ключевые слова: антропоцентризм, человек, хронотоп, время, пространство, целое

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Антропологическая природа хронотопа М. М. Бахтина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–282. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The anthropological nature of M. M. Bakhtin's chronotope

Yu. L. Sirotkin

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 14 Fatykh Amir Khan St., Kazan 420126, Russia

Yuri L. Sirotkin, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic is substantiated and the purpose of the study is formulated. **Theoretical analysis.** An anthropological interpretation of M. M. Bakhtin's chronotope is proposed. The unity of the chronotope is maintained by the dynamically nonequilibrium ratio of time and space. Chronotope expands the idea of an event and a place. The simultaneous presence of a person in a chronotope and a chronotope in a person is organic and inseparable. The peculiarity of a person's perception of a space-time whole is determined by the ability to perceive an artistic image framed as a text. A person feels several chronotopes and lives in them simultaneously, but they also coexist in a person in parallel. The world of the heroes of the Renaissance narrative becomes open, while maintaining the integrity of the chronotope perception. The role of the road as a meeting place at the intersection of space-time perspectives is of exceptional importance. **Conclusion.** The anthropological nature of the chronotope is revealed. The concept of a chronotope is defined as a space-time whole. The formula of a person in a chronotope and a chronotope in a person is derived. The continuity of the chronotope is indicated by an event and a place. The perception of time-space has a concrete historical character and is carried out through the comprehension of an artistic image. In Modern times, the universalization of the perception of the chronotope is being consolidated, deepening the understanding of its anthropological nature.

Keywords: anthropocentrism, man, chronotope, time, space, whole

For citation: Sirotkin Yu. L. The anthropological nature of M. M. Bakhtin's chronotope. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–282 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Обращение гуманитарных знаний к проблематике пространства–времени закономерно. Создание антропологической модели постижения времени приблизит нас к сущностному пониманию человека посредством его многомерного осмысления как результата усилий совокупности гуманитарных наук, что согласуется с необходимостью объяснения антропоцентрических истоков времени. Эпистемологическая ценность попыток обозначить исходные направления в понимании человека соизмерима со значительностью обзора пространства и воспринимаемого времени. Человек неизбежно расширяет границы познания, преодолевающие пространственно-временные ограничения и устремляется в бесконечность. Интерпретация М. М. Бахтиным [1895–1975] хронотопа с позиций антропоцентризма оказала на проблематику природы пространственно-временного континуума значительное влияние и во многом определила антропологический вектор познавательного поиска. Цель настоящей статьи – попытка обоснования антропологической природы хронотопа средствами художественного видения мира и человека в творческом наследии Бахтина.

Теоретический анализ

Основной тезис доклада А. А. Ухтомского, прослушанного Бахтиным в 1925 г., – «Мы живем в хронотопе» – явился исходной идеей, развернутой Бахтиным философско-литературоведческой конструкции ощущения времени–пространства. Хронотоп понимался Бахтиным как пространственно-временное целое, в котором пространство и время не раздельны, но подвижны в своей целостности. Хронотоп как метафора превращен Бахтиным в философско-филологический термин, содержание которого предполагает способность человека видеть время. В зависимости от индивидуального восприятия время могло изменять длительность и плотность. Время раскрывается в пространстве. Пространство измеряется временем, а хронотоп обретает значение «времяпространства» и «пространствовремени». Метафоричность термина «хронотоп» не отменяет его эвристической ценности в понятийной определенности означающего. Хронотоп раскрывается Бахтиным как «формально-содержательная категория литературы», обозначающая континуальность пространства и времени [1, с. 341]. Время в хронотопе уплотняется; пространство интенсифицируется. Это характеристика художественного хронотопа, но им не ограниченная.

Ведущим в хронотопе является время, которое определяет художественный образ. Для укоренения и распространения понятия, включая его использование, важно означение им неразрывности пространства и времени. В художественном повествовании континуальность обозначается событием и местом. «Время вовлекается в событийность человеческой жизни и в этой событийности обретает свою качественность» [2, с. 346]. Хронотоп дает основания для понимания событий. Событийная канва осваивается путем изменения плотности исторического и антропологического времени в локализованном пространстве, что позволяет представить событийность, используя художественные средства. Антропологизм глубоко укоренен в природе хронотопа. Человек и человеческие отношения составляют системообразующее основание хронотопа. «У Бахтина, – уточняет Н. К. Бонецкая, – проблема времени включена в проблему отношения к другому» [2, с. 349]. Пространство и время концентрируются в человеке и им осмысливаются. Критерием антропологического времени становится человек во всех проявлениях его многомерной личности. Человек сосредоточивает в себе окружающий мир, продукты деятельности и результаты творческой активности. Устанавливается зависимость между активностью, охватом пространства будущего и действительностью хронотопа в историческом измерении. М. Холквист предлагает дополнить понимание хронотопа «устойчивым формальным элементом, близким по статусу “мотиву” и “функции”» [3, с. 232], что существенно обогащает содержание понятия и расширяет его эвристические горизонты.

Человек пребывает в хронотопе, и одновременно хронотоп находится в человеке. Время и человек сосуществуют; они интегрированы и сопряжены друг с другом. Бахтин предпочитает формулу человека во времени. Время раскрывает «историческое богатство человека», позволяет актуализировать потенциал «бесконечного развития» и одновременно обозначает границы развития человека в каждый исторический период. В реальном историческом времени при условии глубокого усвоения и проникновения в его дух убедительнее становится образ исторического человека. В этом заключается преимущество исторического времени над изобразительными возможностями современности. Данное преимущество действительно относительно человека, обладающего потенциалом творческой активности, которая определяется мерой исторической субъектности.

Хронотоп и человек раскрываются и изображаются как целостность, поддерживаемая дина-

мическим уравниванием. Человек и его отражение в образах обуславливается хронотопом. Это исходное положение Бахтина, нашедшее обоснование в его творческом наследии. Образ человека, убежден Бахтин, «живет и раскрывается во времени; его формирует, ограничивает и пронизывает время. Отношение к прошлому, настоящему и будущему» [4, с. 570]. Не менее важно, что локализация образа осуществляется относительно времени; отношения времени к авторскому времени, т.е. современности и, самое важное, к будущему. Человек не совпадает с самим собой настолько, насколько он причастен к будущему. Это расхождение зависит от того, в какой степени настоящее пронизано будущим. В завершении жизненного пути, т.е. антропологического времени, будущее покидает настоящее, а человек исчерпывает индивидуальный потенциал бытия, оставаясь в настоящем.

В литературе художественный образ становится способом постижения времени и пространства. Как в искусстве в целом, так и в романе хронотоп измеряется человеком. Как в жизни, так и в романе (шире – произведениях искусства), «время вносится во внутрь человека» [5, с. 288–329]. Там оно существует и живет вместе с человеком. Время в человеке и человек осуществляет становление во времени и со временем. Человек становится вместе с миром; он должен стать иным и соответствовать миру, им изменяемому. Это тип человека, соответствующего историческому будущему, и человек, который входит в сферу исторического бытия. «Одержанию бытием» как пафосу философии Ницше Бахтин противопоставил поступок, который превращает бытие в событие [6, с. 443]. Время движется событиями, если время бессобытийно, то оно останавливается. О событиях информируют, сообщают о месте и времени его совершения [1, с. 496]. Сознание человека соотносит и сопрягает события. Хронотоп становится центром событийной конкретизации. Мерой событийности оказывается поступление. Не останавливаясь на различии бытия и события, отметим, что личность «из бытия становится событием». Согласно одной из моделей развития личности структура поступка изоморфна структуре личности, в том числе и поэтому философия поступка означает переход к «социальной онтологии» [7, с. 683]. «Человек поступающий» обозначается знаково-текстовой конструкцией и раскрывается в диалоге со временем [8, с. 311]. Причем текст ограничен историческим пространством, одновременно бесконечным, как и само человечество с его необозримыми горизонтами бытия и вечностью во времени.

Тем не менее человек существо историческое в силу однократности жизни и ограниченности ее во времени и пространстве. Перевод на язык философии предмета художественного видения и образного осмысления предполагает решение задачи автора, опирающегося на литературный язык и соответствующий канонам художественного повествования текст. Созданный в литературе образ отличается от понятия «человек» в человековедческих дисциплинах. Несмотря на отличительные особенности (прежде всего художественное изображение человека), образ человека имеет перспективы обрести значение понятия посредством «овеществления», говоря языком науки, посредством взаимодействия процессов перехода субъекта в объект и обретения человеком нового качества субъектности [9, с. 352]. Вещь по Бахтину противопоставляется личности. Так образ осуществляет движение по пути к понятию, утрачивая признаки «образности» и завершая понятийное оформление. Вместе с тем человек может и не стать личностью и не преодолеть «овеществленность», а остаться объектом, лежащим в зоне интересов других. В итоге образ человека, претендующий на понятийное обозначение «человек», может либо реализовать свои претензии, либо остаться в хронотопе образа.

Человек мыслит и говорит на определенном языке. Мышление и речь – феномены личностные. Восприятие времени также носит индивидуально-личностный характер; оно конкретно по преимуществу. Образы, как и люди, индивидуально-историчны. Пространство, ими воспринимаемое, изображается с топографической точностью, как и стремящееся к конкретности предвидение того нового, которому принадлежит будущее. Освоение человеком времени происходит через метапространство «больших языков», тогда как историческое пространство осмысливается в пределах национальных языков и диалектов, которые усиливали местный колорит и помогали его осмыслению. Язык формирует мировоззрение, поэтому каждое понятие, в том числе и интонационно или стилистически окрашенное, выражает отношение воспринимающего сознания к предмету познания. Язык меняется вслед за историей, выражая диалектику постижения времени своими означающими означаемого.

Человек изменяет представления о времени–пространстве в соответствии с собственными изменениями в ходе эволюции и смены эпох. Бахтин обращается к литературе Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени. В основе конструкции восприятия времени че-

ловеком лежит идея со-присутствия человека во времени и времени в человеке. Это стремление к целостности появилось на «углубленной и осложненной ступени развития», оформившейся в эпоху Ренессанса. Пространство связывается с образом человека. Осуществляется выход на пространственно-временные просторы, которые оказываются предрасположенными к воссозданию и воспроизводству качественно иного пространственно-временного континуума, соответствующего запросам нового человека и формам его общежития [1, с. 420]. Человек новой эпохи требовал разрушения сложившейся прежде вертикали. Впрочем, и изжившая себя вертикаль с ее «верхом» и «низом» обусловила обретение человеком иного качества. Проблематика антропологического времени сосредоточивалась на ограниченном и замкнутом жизненном пространстве. С наступлением новой эпохи инициируется расширение «индивидуального ряда жизни» до масштабов мира, где исторический персонаж наделяется чертами героя. Тем не менее человек сохраняет «целостный телесно-духовный» облик, а его жизнь, как и смерть, бесследно исчезает в социальном и индивидуальном мире исторического времени.

Время не является фактом, а раскрывается и познается сознанием. Это означает возможность реконструкции восприятия человеком своего исторического времени не только будучи его современником. Именно в человеке ощущается присутствие времени, которое раскрывается посредством внутреннего аспекта жизни. Индивидуальное время ограничено, оно обрывается смертью. Это «существенный конец». Но что он значит в потоке жизни? То, что предполагает изъятие из целого, т. е. мира, занятого обеспечением линейности развития. Индивидуальная жизнь относительно автономна, ее ряды не сливаются с историческим временем. В предшествующий Ренессансу период истории прослеживается тенденция поиска возможностей встраивания частной жизни в исторический контекст. Попытки вписать частную жизнь в историю оказывались не всегда удачными, независимо от эпох и жанров. Иные перспективы открывает Возрождение. Пространственно-временной мир становится открытым. При этом целостность восприятия человеком хронотопа сохраняется. Реалистической эмблематикой хронотопа становятся символы «встречи», «дороги», «порога», «перелома» и т.д. Наивысшей смысловой напряженности достигает встреча путников на дороге как точке пересечения пространственных и временных путей. На перекрестке скрещиваются судьбы и жизни, редуцируются социальные дистанции,

зарождается событийность. В событийности время и пространство обретают континуальность, сохраняя стержневую основу целостности. Дорога несет на себе печать интенсифицированного исторического времени. Локальности выступают свидетелями исторического времени, они соединяют исторический ряд с приватным и биографическим рядами. Локальность становится доминантой в восприятии пространства. Цикличность определяет движение времени, в ее отсутствие движение останавливается и жизнь обесмысливается. На примере идиллического хронотопа определяется единство места и жизни человека. В отношении поколений это единство стирает границы между индивидуальными жизнями и временными периодами отдельной жизни. Место создает условия для восприятия циклического течения времени. Цикличность заложена в многоидейности хронотопа. Одной из них является идея кругообразного движения, которая актуализируется нарушением логики образов в их пространственно-временном измерении [10, с. 56]. Значительное по меркам истории событие присутствует в конкретном историческом пространстве и в нем же ощущается. Традиции восприятия времени, заложенные в эпоху Ренессанса, сохранились в Новом времени и освященные рационализмом Просвещения эволюционировали на протяжении XX в., модернизированные современным человеком. Иллюстрацией предложенному резюме служит антропоцентрический характер восприятия хронотопа у Гете и Достоевского при доминирующей тенденции неперменного присутствия прошлого в настоящем как моменте непрерывного развития и связи прошлого, настоящего и будущего, которые находятся в замкнутом круге необходимости. У каждого из упомянутых писателей взгляд на хронотоп индивидуален. Гете воспринимал и описывал время плотным, а пространство интенсивным и осмысленным человеком. Он обнаруживает сосуществование в одной точке пространства времен, что раскрывает полноту времени. Сгущенность, уплотненность и другие характеристики времени углубляют его понимание, расширяют границы охвата пространства и активизируют творческие возможности познания хронотопа на основе его антропологической природы. В моментах «необходимости и полноты времени и связи с чувством времени», по мнению Бахтина, заключена эпистемологическая ценность отражения времени, поднявшаяся над ограниченностью эпохи Просвещения с ее морализаторством, рационализмом и утопичностью. Достоевский исключал историческое время из

повествования, в осмыслении образов отдавая предпочтение пространству. Мир героев определяет настоящее. Время лишается продолжительности и кажущейся временной перспективы. Герои Достоевского «сходятся вне времени и пространства»; они переносятся в вечность. На примере перевоплощения героев романа «Преступление и наказание» (Раскольников, Сони Мармеладовой, Свидригайлова, Лужина и др.) П. Х. Тороп убедительно показывает взаимосвязь трех уровней хронотопа: топографического (гомофонии), психологического (полифонии) и метафизического (гетерофонии) на фоне противопоставления (и одновременно взаимовлияния) антропоцентризма и теоцентризма [11, с. 85–86]. Имеются и другие свидетельства подвижности пространства–времени в романах Достоевского [12]. Время у Достоевского задано «как проблема истории личности и качество самосознания», «как субъективный опыт переживания» [13, с. 496]. Пространство обозначается символами и формируется самосознанием героев. Несмотря на тонкость и остроту восприятия времени–пространства каждым писателем, их понимание и художественное переосмысление хронотопа имеет выраженную тенденцию к универсализму. Количество примеров можно продолжить, как и расширить сравнительный анализ, выделив общее и особенное, присущее каждому автору, но ограничимся сказанным, которого более чем достаточно для иллюстрации причудливых траекторий эволюции и безграничных возможностей хронотопа, обусловленных его антропологической природой.

Заключение

Предложенный анализ позволил раскрыть антропологическую природу хронотопа. Человек и человеческие отношения составляют системообразующее основание хронотопа. Человек и его отражение в образах обусловлено хронотопом. В литературе художественный образ становится способом постижения времени–пространства. Хронотоп оказывается центром событийности, а его мерой становится поступление. Возможность перехода образов в понятие заключается в преодолении «овеществленности». Восприятие времени носит конкретно-исторический характер. Эволюция представлений о времени обусловлена эпохой, в которой живет человек, так же как человеком, изменяющим эпоху. Каждая эпоха обеспечивает соответствующее ей восприятие времени–пространства. Историческое время объединяется с приватным и биографическим в локальности, которая становится доминантой восприятия пространства. Роман эпохи Гете и

Достоевского закрепил переход к универсализации восприятия хронотопа, углубив представления о его антропологической природе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.*
2. Бонецкая Н. К. *Бахтин глазами метафизика. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.*
3. Холквист М. *Диалог истории и поэтики // М. М. Бахтин : pro et contra. Антология. Т. 2. СПб. : РХГИ, 2002. С. 229–276.*
4. Бахтин М. М. *К вопросам теории романа // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 557–607.*
5. Бахтин М. М. *К «Роману воспитания» // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3. С. 218–335.*
6. Бахтин М. М. *Комментарии // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 428–653.*
7. Бахтин М. М. *Описание конспектов, предназначенных для использования в книге «Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Соч. в : 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 654–758.*
8. Бахтин М. М. *Проблема текста // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 306–328.*
9. Бахтин М. М. *1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1997. С. 329–363.*
10. Бахтин М. М. *К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха [О Маяковском] // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 48–62.*
11. Тороп П. Х. *Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 831: Труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика зазеркальности. 1988. С. 85–96.*
12. Цивьян Т. В. *О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга : сборник статей / сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 661–706.*
13. Бахтин М. М. *Бахтин : pro et contra // Антология : в 2 т. Т. 1: Комментарий Г. Волошина. Пространство и время у Достоевского. СПб. : Издательство РХГИ, 2001. С. 495–499.*

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane*. In: Bakhtin M. M. *Soch.*: v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 340–503 (in Russian).
2. Bonetskaya N. K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin Through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 560 p. (in Russian).

3. Kholkvist M. Dialogue of history and poetics. In: *M. M. Bakhtin: pro et contra. Antologiya*. Т. 2 [M. M. Bakhtin: Pro et contra. Anthology. Vol. 2]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2002, pp. 229–276 (in Russian).
4. Bakhtin M. M. K voprosam teorii romana. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyka slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 557–607 (in Russian).
5. Bakhtin M. M. K «Romanu vospitaniya». In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 218–335 (in Russian).
6. Bakhtin M. M. Kommentarii. In: Bakhtin M. M. *Soch.*: v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, vol. 2, pp. 428–653 (in Russian).
7. Bakhtin M. M. Opisanie konspektov, prednaznachennykh dlya ispol'zovaniya v knige «Problemy tvorchestva Dostoevskogo». In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, vol. 2, pp. 654–758 (in Russian).
8. Bakhtin M. M. Problema teksta. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 306–328 (in Russian).
9. Bakhtin M. M. 1961 god. Zametki. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 329–363 (in Russian).
10. Bakhtin M. M. K voprosam teorii romana. K voprosam teorii smekha [O Mayakovskom]. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 48–62 (in Russian).
11. Torop P. Kh. The reincarnation of the characters in the novel by F. Dostoevsky “Crime and Punishment”. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 831: Trudy po znakovym sistemam XXII. Zerkalo. Semiotika zazerkal'nosti* [Scientific Notes of Tartu State University. Iss. 831: Works on sign systems XXII. Mirror. Semiotic of mirroring]. Tartu, TGU, 1988, pp. 85–96 (in Russian).
12. Tsiv'yan T. V. About the structure of time and space in Dostoevsky's novel “The Teenager”. In: *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga: sbornik statey* [From the works of the Moscow semiotic circle: Collection of articles]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 661–706 (in Russian).
13. Bakhtin M. M. Bakhtin: pro et contra. In: *Antologiya: v 2 t. T. 1. Kommentariy G. Voloshin. Prostranstvo i vremya u Dostoevskogo* [Bakhtin: Pro et contra. Anthology: in 2 vols. Vol. 1: Dostoevsky's Space and Time]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 495–499 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 22.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

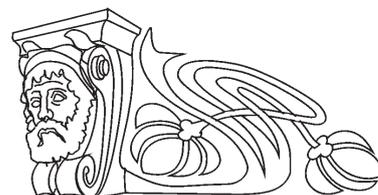

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 283–287
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 283–287
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

Научная статья
УДК 1:316.4+304

Урбанизированная социальность: культура контроля в режиме медиатизации

О. Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77
Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии, filmon-2006@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению феномена культуры контроля в условиях медиатизации – неотъемлемой составляющей современного социального мира города. Специфика видения проблемы заключается в уходе от функциональной техничности позитивистских исследований в область онто-социальной рефлексии, расширяющей аналитический диапазон смысловывявления. В мультимедийной среде города быстрая ориентация без специальных выборочных критериев, возникающих в результате ожидания, поиска определенных объектов или намерения действий, требует широкой, а не фокусной стратегии форм-способов контроля. **Теоретический анализ.** Предлагается горизонт понимания контроля как не сводимого полностью к принуждающим и карательным функциям формального процесса, но культурно опосредованного явления. Выделяется процедура рассмотрения внимания в качестве интенционального акта или события как ресурса культуры и источника духовной работы по конституированию смыслов человеческой реальности. В духовно-антропологическом контексте показано, что внимание не есть только ориентирующий рефлекс, а внутренняя основа, не связанная со стратегиями наблюдения в виде механического внешнего восприятия. Ценность внимания определяется его максимально плотной целесообразной концентрацией, позволяющей преодолевать состояния бесконтрольности и рассеянности. **Заключение.** Установлено, что культура контроля есть специфический ментальный прием, обладающий возможностью улавливать ассоциативную смежность и взаимную связь даже удаленных друг от друга вещей. Будучи результативной «стыжкой» интуитивно схваченных и отрефлексированных форм смысла, она обеспечивает основу понимания всего того, что было по сущности и полноте воспринято лично. **Ключевые слова:** урбанизированная социальность, культура контроля, медиатизация, внимание, смысл

Для цитирования: Филимонова О. Ф. Урбанизированная социальность: культура контроля в режиме медиатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 283–287. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Urbanized sociality: The culture of control in the mode of mediatization

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia
Olga F. Filimonova, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the phenomenon of the culture of control in conditions of mediatization – an integral part of the modern social world of the city. The specificity of the view on the problem lies in the departure from the functional technicality of positivist research into the field of ontological and social reflection, expanding the analytical range of revealing the meaning. In the multimedia environment of the city, rapid orientation without special selective criteria resulting from expectation, search for certain objects, or intent to act requires a broad rather than a focus strategy of forms and methods of control. **Theoretical analysis.** A horizon of understanding control as a not completely reduced to the coercive and punitive functions formal process, but a culturally mediated phenomenon is proposed. The procedure for considering attention as an intentional act, or event, as a resource of culture and a source of spiritual work for constituting the meanings of human reality is singled out. In the spiritual and anthropological context, it is shown that attention is not only an orienting reflex, but an internal basis that is not associated with observation strategies in the form of mechanical external perception. The value of attention is determined by its maximally dense expedient concentration, which makes it possible to overcome states of lack of control and absent-mindedness. **Conclusion.** It has been established that the culture of control is a specific mental device that has the ability to capture the associative adjacency and mutual connection of things which are even distant from each other. Being an effective “screed” of intuitively grasped and reflected forms of meaning, it provides the basis for understanding everything that was personally perceived in its essence and completeness.

Keywords: urbanized sociality, culture of control, mediatization, attention, meaning

For citation: Filimonova O. F. Urbanized sociality: The culture of control in the mode of mediatization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 283–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Культурно-цивилизующая роль города, среда которого является преобразующей силой отдельных человеческих жизней в более универсальный образ жизни, заключается в способности поддерживать сосуществование гетерогенных людей и общностей. Социальный мир современного города, как никогда, сложный, плюралистичный и гиперкоммуницированный. Коммуникации – наиболее отличительный признак, который доминирует в его фактуре. Электронные и цифровые технологии позволили создавать виртуальный мир в социальном мире, тем самым модифицируя урбанизированную социальность и ее культуру в медиатизированные сущности. Таково на данный момент положение вещей в самой широкой семантической опции.

Многочисленные исследования феномена медиа, проводящиеся в теоретическом поле урбанистики, придерживаются двух основных подходов к вопросу о значимости, функции и эффектах медиатизации. Первый из них, который принято называть «средства коммуникации», или «технологический», можно объяснить как внешнее расширение медиатизации: электронные, телекоммуникационные связи и цифровые платформы в киберпространстве, ставшие неотъемлемой частью социальных взаимодействий. Так, современные города представляют собой среду мультимедиа, которая состоит из многих видов мультимедийных средств, функционирующих в сетях социальных коммуникаций [1].

Суть второго подхода (назовем его «фактор воздействия») сводится к тому, что медиатизация оборачивается мощным инструментом информационного влияния на сознание и поведение людей, тем самым изнутри трансформируя их ментальный мир. Урбанизированная социальность ориентирована на информационное производство и потребление; теоретически – это вопрос относительно сопряжений информационного и потребительского общества или проблемы сетевой урбанизации в эпоху информации, цифровизации и потребления. Коммуницируя в режиме многоуровневого и многократного сотрудничества через различные средства связи и в рамках данных возможностей, социальная мультисреда публично предоставляет и перераспределяет информацию, транслирует различные культурно-символические смыслы, правосознание и мировидение определенных сообществ, групп, индивидов, формирует организации и общественные действия. Однако главное заключается в том, что в обоих случаях урбосоциальность жизнедействует в структуре семантик, транслируемых институциональными сферами массовой коммуникации, которые и образуют мультимедийную среду города [2].

Разумеется, окруженный информацией и испытывающий в ней потребность человек остается физическим, реальным субъектом и ее возрастающие виртуальные потенциалы необходимы ему как ресурсы культуры как таковой. Проблема в том, что ресурс виртуального мира способен обеспечить лишь внешний охват и функциональную устойчивость, но на внутреннем уровне, рассеивая различия между целями и средствами, этикой и утилитарной прагматикой, не в состоянии удерживать высокий уровень смысла, какую бы идею он не носил – свободы, справедливости, знания, публичности и т.д. Вопрос в том, как защитить себя от информационного мусора, не превратиться в цифровой обмен в интернет-вещь, в услугу-дешевку для всеобщего пользования. Отсутствие устойчивых правил, «нормы качества» и определенного рода бесконтрольность в пользовательских практиках являются серьезным вызовом и потому его содержательный посыл требует ответа – культурной верификации. Соответственно, открытость к информационно-коммуникативным воздействиям не может быть не защищена формой-способом контроля.

Культура – понятие емкое, динамичное, не имеющее однозначного определения, для выявления сути которого задействованы разные траектории изучения. В нашем случае станем понимать культуру как сферу смысловой общительной связи [3, с. 104]. Безусловно, данная характеристика не отражает всех нюансов современного подхода к пониманию культуры, тем не менее в ней налицо сущностный градус коммуникации, выраженный не только в ссылках на социальные способы общения (опосредованные и деперсонализованные), но и в формах межличностной связи [4, с. 413].

Цель данной статьи – определить действенную сущность культуры контроля как важнейшего регулятивного принципа всякой осознанной деятельности, востребованной современностью; уйти от позитивистских подходов в область онто-социальной рефлексии, расширяющей аналитический диапазон смысловывявления.

Теоретический анализ

Современность работает с территориями опыта, которые являются контекстами, средами, расширительными формами существования человека в мире. Быстрая ориентация без специальных выборочных критериев, возникающих в результате ожидания, поиска определенных объектов или намерения действий, требует широкой, а не фокусной стратегии способов контроля. Проблема культуры контроля вписана в круг исследований, которые строятся в русле концептов риска и безопасности, вопросов информационных и коммуникационных технологий, управления и права,

методологически опирающихся на пограничные области культурфилософских, социологических и психологических подходов, на результаты эмпирических работ по урбанистике. Все эти познавательные тенденции тематически охватывают большой комплекс вопросов политического, идеологического, социального, психологического, культурного контроля, а также проблемы сциентизации и технизации культуры, отождествления ее с экологией и религией, толкования в качестве активной силы в общественном воспроизводстве, области столкновения мировоззрений и даже оружия XXI в.

Не стоит указывать, что феномен контроля историчен, историчны его социальные и культурные конструкты и конкретные их реализации, о чем уже было сказано М. Фуко. Отметим только, что контроль (проверка, наблюдение за кем- или кем-либо) определяется главным образом сакральными, естественными, предписанными и часто иерархическими выражениями, а не только специально функциональными терминами или явно универсальными критериями. На социально-организационном уровне контроль предполагает приведение в порядок, налаживание и обеспечение структурной безопасности, требует бдительности и внимания к окружению [5, с. 56–61]. Понятие контроля отражает институциональные ситуации и индивидуальные подходы, которые оказываются чрезвычайно разнообразными, и в этом свойстве он представляется многоплановым, опосредованным культурой актом, встроенным в разнообразные социальные контексты и среды.

Так, например, в «обществе контроля» по Ж. Делёзу управление немислимо без информационного контроля, в котором задействованы ультрасовременные социотехнические механизмы (виртуальная реальность, цифровой язык). Согласно Ж. Бодрийеру основным способом капиталистического производства стал контроль над процессом означивания. По словам К. Беккера, движущей силой современной культуры являются специалисты в сфере информационного взаимодействия, поскольку именно в технологизированных средах создаются условия для сохранения плюрализма и повышения разнообразия способов самовыражения, предоставляемых информационными и коммуникационными технологиями [6]. То, что в институциональном противостоянии внешних форм действия и ментальных ориентиров образуется область перманентного конфликта и борьбы, разъединенности и ассоциации различных социальных сил, сопротивлений и договоренностей, позиционируется под этикеткою ценностей демократии. Однако все авторы видят угрозу в инструментальном

использовании информационных технологий как способа усиления политического, экономического и культурного контроля, выполняющего по сути надзорно-карательную функцию по отношению к свободному самовыражению. Для Ж. Делёза, как и К. Беккера, аутентичным является порядок, не знающий принуждений, а культура представляется ими в виде системы средств, отвечающих ассимилированным повседневностью индивидуалистическим склонностям.

Таким образом, в сочетании множественных вопросов и опций намечены исходный пункт и ритм развития проблемы культуры контроля, что может отобразить одно из ее ключевых слагаемых. Этим основополагающим элементом культуры контроля является, на наш взгляд, внимание. В условиях беспримерной деструктивности социальной жизни и медиатизации можно и должно принять естественным побуждение к внимательному отношению к окружающим вещам и событиям, вербальным и невербальным коммуникациям. Скрытое и явное дезинтегрирование и реинтегрирование социального требуют искать объяснение различным формам его внутренней несоразмерности (утрата чувства безопасности и защиты, возрастание конфликтности и риска и т.п.). Современная рефлексия чревата диспаритетом «вызов–ответ», когда разрушается экзистенциальная линия существования человека, который во всех онто-социальных стратегиях перестает соответствовать собственной сути и тем притязаниям, что обеспечивают смысловое равновесие в обществе и культуре.

В ретроспективе уже продуманного в вопросе внимания [7] может быть довольно точно локализован поворот, призванный привлечь более широкое понятие смысла. Вопреки позитивистскому реализму расшифровка внимания в регистре его собственного содержания не исключает герменевтического анализа, который признает полисемантику толкований. Заметную веху на этом направлении оставила книга Н. И. Петрова, где внимание рассмотрено в модусе личного события как «экзистенциально-онтологического феномена, организующего живой опыт», как факта личной жизни, полноты самоличных восприятий, глубины переживаний и памяти [8, с. 25].

Хотя в реальности наблюдается противоположное состояние – режим «экономики внимания», он своими маркетинговыми стратегиями принуждает к фокусировке и скольжению сознания на зрительных явлениях, на эпифеноменальном и предложенном к обозрению наличном. С известной долей определенности можно сказать, что именно здесь, среди характерных черт современной визуальной культуры – парадокса

сосуществования избытка и дефицита – интенсифицируется, если последовать за метафорой неврологии, «узкое место» внимания [9]. Не будем детально разбирать объективность медицинского заключения, единственное, что следует подчеркнуть, сводится к тому, что оно визирует эффект зрительного восприятия, при котором «ресурсы внимания могут быть предназначены только для одной данности в единицу времени» [9, с. 63]. К тому же приведенный пассаж при всей объективности его утверждения не исчерпывает всей проблемы, а перевод состояния внимания в естественное (либо патологическое) измерение вполне может привести к утрате любого вероятного горизонта его понимания.

Наряду с осознанными очевидностями особенность проявления внимания как несущей части культуры контроля заключается в том, что оно производит работу, равную реконструкции, воспроизводству или преобразованию тех практически создаваемых обстоятельств, которые адекватны смысловым контекстам. Объяснения, в свою очередь, не только рефлексивны и самоотносительны, но и производимы объясняемым обстоятельством или ситуацией. Соответственно, внимание одновременно обусловлено и социальной культурой и само по себе служит определяющим фактором их появления и проявления.

Однако сегодня, когда затруднительна любая определенность, за исключением зыбкой двойственности и непреклонной множественности, возникает прецедент предпонимания – усилие внять самому себе (мы можем напомнить, что в русском языке понятие «внимание» производно от старославянского слова «имати» – брать; «внимати» – слушать). В экзистенциальном смысле предпонимание интересно тем, что достигнутое в нем прозрение обусловлено фактом самолично и изнутри пережитого опыта, что верно и для отдельного индивида, и для социального целого. И вся последующая сложность такого события состоит в том, чтобы быть внимательным к данному решению, удерживать и защищать его, ибо ценность его утвердительного смысла нуждается в постоянной и творческой проекции. Не «машинерия» внимания, когда ориентировочный рефлекс реагирует на модальности и точки в зрительном или ином поле, а введение в размышление, в умное созерцание содержательных уровней объектов и явлений. И делается это не мгновенно как инстинкт момента, а продолжительно, самоцельно.

Духовно-антропологическое заострение изначальных условий темпоральных и пространственных расширений свидетельствует о внимании как интенциональном акте или событии. Из всего разнообразия окружающей информации,

что могут воспринять органы чувств, мы воспринимаем лишь то, на что наше внимание настроено, что мы хотим ощутить и понять. Остальное предлежащее остается вне осознания и как бы не существует. Подобные оттенки ментальной жизни действительно существуют и в известном смысле обедняют сферу субъективного бытия. Этот прецедент тонко отмечен Н. О. Лосским: «В клетке своего сознания я замкнут, как в тюрьме, в камере вечного одиночного заключения; из внешнего мира до меня доходят в лучшем случае только сигналы, и я вправе даже усомниться, существует ли действительно что-либо вне моего сознания» [10, с. 139].

Методика умения владеть своим вниманием, способы формирования и развития в себе этого качества, дающего возможность почувствовать окружающее в его сущностном виде, заложена в педагогических целях и методах. Воспитатель призван создавать условия для саморазвития и самовоспитания ученика, и то, что предполагается таким требованием, мы можем называть педагогией внимания. Воспитатель доставляет в распоряжение нужные элементы осмысленного восприятия вещей, подсказывает, чего еще не достаточно или что надо еще подвергнуть контролю, проверке. Не обученный вниманию, т. е. не приученный «чутко» мыслить, чувствовать и действовать отношениями подконтрольно, всегда не готов к взаимности с миром. Вероятно, здесь можно прислушаться к формуле, выведенной из своего педагогического опыта преподавателем курса рисунка, профессором Д. Чиварди: «Каждый видит то, что его научили видеть» [11, с. 7].

Направленность внимания, как отмечалось выше, событие внутреннего порядка, культурного свойства, которому, однако, присущ предельный риск. Как известно, во многих случаях неудачный (случайный, поверхностный и т.п.) выбор объекта внимания и связанный с ним прошлый практический опыт (если он к тому же невелик) приводят к тому, что человек не понял сущности этого объекта, не раскрыл, не увидел в нем элементов и свойств, выражающих его сущность. Бесконтрольное распределение, переключаемость и рассеянность внимания – предпосылки его дефицита: работа сознания замедляется, появляются беспорядочные идеи, возникают иллюзии, чувства тоже замирают. Очень слабая степень внимания порождает привычку делать из частных случаев общие неточные выводы, инициирует опасную непредусмотрительность, побуждает подчинять ближайший интерес будущему, а в итоге нередко промахиваться мимо правильной цели.

Вот почему так опасно культивировать всякое первое, невольное (бессознательное) и даже яркое

впечатление: из этого «внешнего» опыта последуют выводы, оторванные от сути воспринимаемого. Но если первое впечатление выражает результат как создаваемый смысл, то тогда оно должно ухватывать впечатляющее и яркое в самом объекте как сущностное. Здесь на память приходит теза Е. Н. Трубецкого: «Покуда я делаю только предположения о смысле чего-либо мною переживаемого, я сознаю не искомый мною смысл, а только мои предположения. Сознать в собственном смысле – значит не гадать об истине или смысле воспринимаемого, а обладать им» [12, с. 23].

Заключение

Перспектива целостного видения предлагающего контролю подразумевает культуру имплицитно в той степени, в какой культура подразумевает контроль эксплицитно. Очевидно, что все это требует не только пронизательности живого, благородного ума, но и деликатности выражения, своеобразной мудрости в вопросах мысли, чувства и действия. Сколь ни парадоксально это звучит, в то время как поверхностность визуального разнообразия и дисперсия информации в условиях медиатизации наращивают дезориентацию сознания и закабаляют наше внимание, культура контроля как личностный отклик позволяет смотреть на мир осмысленно, обнаруживать в нем, что есть, скрыто и должно быть.

Список литературы

1. Маклюэн М. Понимание Медиа : внешние расширения человека. 2-е изд. / пер. с англ. В. Николаева. М. : Гиперборея ; Кучково поле, 2007. 464 с.
2. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М. : Strelka Press, 2014. 392 с.
3. Сильвестров В. В. Культура. Деятельность. Общение. М. : РОССПЭН, 1998. 478 с.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
5. Кнорринг В. И. Социальное управление. Государство, коллектив, личность : учебник. М. : Экзамен, 2008. 687 с.
6. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль М. : Ультра. Культура, 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). 212 с.
7. Хрестоматия по вниманию / под ред. А. Н. Леонтьева, А. А. Пузыря, В. Я. Рома. М. : Издательство Московского университета, 1976. 296 с.
8. Петров Н. И. Герменевтика внимания в православном опыте. Саратов, 2004. 240 с.

9. Рамачадран В. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М. : ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. 224 с.
10. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 1999. 408 с.
11. Чиварди Д. Художественный образ в анатомическом рисовании. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 168 с.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 656 с.

References

1. McLuhan M. *Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Hyperborea; Kuchkovo field Publ., 2007. 464 p. (in Russian).
2. Makkuayr S. *Mediynny gorod: media, arkhitektura i gorodskoye prostranstvo* [Media city: Media, Architecture and Urban Space]. Moscow, Strelka Press, 2014. 392 p.
3. Silvestrov V. V. *Kul'tura. Deyatel'nost'. Obshcheniye* [Culture. Activity. Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 478 p. (in Russian).
4. Leontiev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p. (in Russian).
5. Knorring V. I. *Sotsial'noye upravleniye. Gosudarstvo, kollektiv, lichnost': uchebnik* [Social Management. State, Collective, Personality: Textbook]. Moscow, Ekzamen Publ., 2008. 687 p. (in Russian).
6. Bekker K. *Slovar' takticheskoy real'nosti. Kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyy kontrol'* [Tactical Reality Dictionary. Cultural Intelligence and Social Control]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2004 (Yekaterinburg: GIPP Ural. rabochiy Publ.). 212 p. (in Russian).
7. A. N. Leont'ev, A. A. Puzyrei, V. Ya. Rom, eds. *Hrestomatiya po vnimaniyu* [Anthology on Attention]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 296 p. (in Russian).
8. Petrov N. I. *Germevenitika vnimaniya v pravoslavnom opite* [Hermeneutics of Attention in the Orthodox Experience]. Saratov, 2004. 240 p. (in Russian).
9. Ramachadran V. *Rojdenie razuma. Zagadki nashego soznaniya* [The Birth of Mind. The Mysteries of Our Consciousness]. Moscow, ZAO "Olimp–Biznes" Publ., 2006. 224 p. (in Russian).
10. Losskii N. O. *Chuvstvennaya intellektualnaya i misticheskaya intuiciya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub, Respublika Publ., 1999. 408 p. (in Russian).
11. Chivardi D. *Hudojestvennii obraz v anatomicheskoy risovanii* [Artistic Image in Anatomical Drawing]. Moscow, EKSMO-Press, 2002. 168 p. (in Russian).
12. Trubetskoy E. N. *Smisl jizni* [Essence of Life]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 656 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 288–292

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 288–292

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-288-292>

Научная статья

УДК 330.131.7

Информационно-коммуникационные технологии в контексте современного развития общества

С. М. Фролова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, frolovasvetla777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>

Аннотация. Введение. Постоянное использование в повседневном бытии технических устройств повышает риски возникновения и осуществления коммуникационных стратегий поведения, негативно влияющих на взаимоотношения человека и окружающего мира, способность восприятия информации, формирование умения межличностного общения, способность бесконфликтного взаимодействия в формате офлайн. Новейшие коммуникационные технологии, с одной стороны, обеспечивают комфортные условия жизнедеятельности, с другой – обуславливают ряд проблем. **Теоретический анализ.** В статье проводится теоретическая рефлексия особенностей развития общества в условиях интенсивно развивающихся информационно-коммуникационных технологий. Анализируются техносциальные преобразования (в коммуникации, досуговой деятельности), выявляются существенные проблемы социальных изменений. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать **вывод** о том, что инновационные технологии не избавили человечество от нужды и бедности, не сделали счастливыми людей, не снизили число рискованных ситуаций, не защитили от экзистенциальных угроз. Однако развитие технологий – неизбежная и важнейшая составляющая генезиса общества. Для преодоления негативного эффекта от развития необходима выработка фундаментальных философских, организационных и практических оснований развития современного общества, ведь высокие технологии предполагают аналогичный уровень подготовки и духовной зрелости современного человека.

Ключевые слова: коммуникация, цифровизация, информационные технологии, коммуникационные технологии, информационное общество

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций СОЦИОПРАВО Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Для цитирования: Фролова С. М. Информационно-коммуникационные технологии в контексте современного развития общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 288–292. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-288-292>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Information and communication technologies in the context of modern development of society

S. M. Frolova

Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russia

Svetlana M. Frolova, frolovasvetla777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>

Abstract. Introduction. Constant use of technical devices in everyday life increases the risks of occurrence and realization of communication strategies of behavior that have a negative impact on human relations with the outside world, and it affects the ability to perceive information, the formation of interpersonal communication skills, and the ability of conflict-free interaction in offline format. The author shows that despite the fact that the latest communication technologies on the one hand provide comfortable living conditions, on the other hand, they cause a number of problems. **Theoretical analysis.** The article deals with the theoretical reflection of the peculiarities of social development under the conditions of intensively developing information and communication technologies. The author analyzes techno-social transformations (in communication and leisure activities) and reveals the essential problems of social changes. **Conclusion.** The conducted theoretical analysis allows us to conclude that innovative technologies have not rid mankind of destitution and poverty, have not made people happy, have not reduced the number of risky situations, have not protected from existential threats. Meanwhile, the development of technology is an inevitable and important component of the genesis of society. To overcome the negative effect of development it is necessary to work out fundamental philosophical, organizational and practical foundations for the development of modern society, since high technology involves an analogous level of training and spiritual maturity of a modern man.

Keywords: communication, digitalization, information technology, communication technology, information society

Acknowledgements: The publication was prepared as a part of the "Priority 2030" project of the SOTSIOPRAVO Center of Competences of Kutafin University (Moscow State Law Academy).

For citation: Frolova S. M. Information and communication technologies in the context of modern development of society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 288–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-288-292>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В начале XXI в. использование информационно-коммуникационных технологий, под которыми принято понимать совокупность технических инструментов и методов, предназначенных для транслирования и хранения информации, стремительно расширяется. Все, что ранее считалось недоступным и даже утопичным (возможность работы и оплаты услуг, не выходя из дома, а также посещение музеев и выставок, приобретение билетов и т. д.), сегодня – обыденность нашего бытия. Дальнейшая цифровизация всех сфер жизнедеятельности неизбежна, но к чему может привести перевод реальной жизни в рамки Сети и какие изменения вносят в жизнь современного человека информационно-коммуникационные технологии?

Однозначного ответа на эти вопросы нет, поскольку сегодня мнение тех, кто столкнулся с термином «виртуальность», будучи взрослым человеком, противопоставлено мнению молодых людей, выросших в окружении гаджетов и прочей «умной техники». Понятно, что у последних представление об окружающей действительности формируется благодаря информации, поставляемой информационно-коммуникационными технологиями, вторжение которых в нашу повседневность существенно модернизировало формы организации человеческих отношений, проявляющихся в коммуникации, досуговой деятельности, образовании, духовных аспектах.

Теоретический анализ

М. Кастельс, анализируя информационное общество, считает, что приоритетным в нем является коммуникация. Испанский ученый подчеркивал, что Интернет и беспроводная коммуникация – это не медиа в традиционном смысле, а «средство интерактивного общения», и обращал внимание на то обстоятельство, что человек не просто проводит значительное время в Интернете, он «живет» в нем, поскольку в современном мире без Всемирной компьютерной сети сложно представить организацию как рабочего, так и учебного времени. В связи с этим резко меняется отношение к просмотру телепередач, прочтению книг на бумажном носителе и печатной прессе. Такая «массовая самокоммуникация» согласно Кастельсу способствовала развитию

«горизонтальных сетей интерактивной коммуникации» [1, с. 111] через СМС, видеоблоги и другие наработки общения, соединяющие в себе локальное и глобальное.

Дигитализация, «самокоммуникация» существенно трансформируют повседневную жизнедеятельность индивидов. Постепенно уходит в прошлое традиция «ходить в гости» («гостевое общение») или отмечать какое-либо событие в пространстве собственной жилплощади. Мы живем в режиме разрозненности, не знаем имена соседей по лестничной площадке и не испытываем ни малейшего желания узнать жителей своего двора (дома). Приметой ушедшей повседневности стала берущая начало в далеком прошлом «традиция дворового общения», которая не ограничивалась только коммуникацией, она выполняла и воспитательные функции. Двор как особое место, аккумулирующее происходящие события и информацию о них, являлся одновременно местом для игр и общения детей, а также «оказывал сильное влияние на их поведение и психологию, становился порой и местом психологической разрядки» [2, с. 125]. Старшее поколение еще сохранило в памяти, как после работы жители многоквартирных домов собирались во дворе и проводили время за игрой в лото, чтением газет или просто обсуждая события уходящего дня. В эпоху технизации у человека нет «жизни» после работы, он практически не ходит в гости, не читает книг, т. е. не отдыхает посредством смены деятельности, поскольку дома, как и на работе, наш современник все свободное время посвящает либо общению с использованием гаджетов, либо работе за компьютером.

Компьютеры, как верно заметил А. Д. Иоселиани, способствуют «слиянию человека с техникой», они «создают не только безлюдное производство, но и «безлюдное» общение» [3, с. 112], приводящее к разобщению, утрате навыков прямого «живого» диалога и потере связи с действительностью, что обуславливает психологическую неготовность к такой реальности. Это понятно, ведь человек согласно Аристотелю «животное социальное», живущее на протяжении тысячелетий в атмосфере коллективного взаимодействия и общения. Погружение в информационно-коммуникативный континуум способствует атомизации социума.

Немалую роль в разобщении сыграло такое привычное в прошлом средство голосовой коммуникации, как телефон. Сегодня телефон (смартфон) – особо значимый артефакт нашего бытия, существенно изменивший «рельеф» привычного уклада жизнедеятельности. Именно с телефона начинается день современного человека и им же заканчивается. Это приводит к тому, что многие необходимые в быту действия дематериализуются, «заменяются невидимыми модуляциями радиоволн» [4, с. 23], вытесняя многие привычные практики бытия: сегодня нет очередей у газетного киоска, никто не поднимает руку на обочине дороги, чтобы «поймать» такси, редко встретишь в метро пассажира, читающего книгу на бумажном носителе, в магазине покупателя, расплачивающегося банкнотами, или прохожего, задающего вопрос о том, как найти необходимую улицу. Во всем этом нет необходимости, поскольку всю информацию выдает телефон, человек, таким образом, попал под жесткую зависимость от него.

П. С. Гуревич в предисловии к книге Э. Тоффлера «Шок будущего» обращает внимание читателя на тот факт, что наши современники, «ускорив темпы перемен, навсегда порвали с прошлым» [5, с. 12]. Это обусловлено тем, что калейдоскопическое изменение реальности и уход от привычного, предсказуемого уклада жизнедеятельности нарушают адаптацию человека к новым условиям бытия, дезориентируют в ожиданиях и прогнозах на будущее. Для нашего современника характерен уход от коллективной апробации и совместного привыкания к создающимся условиям существования, теперь все переносится на цифровой уровень. Цифровая среда становится тем пространством, которое помогает уйти от опасностей, обусловленных стремительным развитием технологий и необходимостью решения сложных экзистенциальных задач.

В обществе XXI в. существуют законодательная база и идеологическая составляющая, но психологический аспект общественного развития пока нуждается в доработке, ведь человечеству согласно Э. Тоффлеру грозит опасность не из-за того, что «окажутся исчерпанными кладовые земли» или произойдут природные катаклизмы, а из-за того, что люди в связи с увеличением информации «не выдержат психологических нагрузок» [5, с. 5]. Следует признать, что регуляция последней – крайне трудная задача.

Сложность решения обозначенной проблемы обусловлена целым рядом причин. Одна из них заключается в том, что информационной и психологической нагрузкам подвержены в большинстве своем представители молодого

поколения, которые «обращаются с высокими технологиями совсем на ином уровне, чем представители старших поколений: уверенно, увлеченно и практически постоянно» [6, с. 222]. Такая привязанность к цифровым коммуникационным технологиям не ограничивается только риском возникновения сетевой зависимости или формированию «клипового» мышления, они ставят под вопрос возможность полноценного, бесконфликтного взаимодействия в «живом» общении. Ведь в цифровой среде есть возможность выбора собеседника и исключение общения с теми, кто не вызывает симпатию. Иллюзия понимания другими при виртуальной коммуникации порождает неготовность к адекватному восприятию эмоций оппонента при офлайн-общении и вызывает чувство неуверенности, изолированности и одиночества.

Новые коммуникационные технологии также ставят под сомнение возможность ухода от негативных последствий восприятия огромного количества информации, поскольку информационная «нагрузка на высшие функции мозга возникла за очень короткий период, без какой-либо специальной к ней подготовки» [7, с. 126], что может привести к психологической травме. В этой связи вызывает сомнение безграничная вера в сверхвозможности технического прогресса. Может, не все, что создается в мире технологий, постижимо и позитивно.

Еще в 1977 г. (!) А. Шмеман, анализируя психологические издержки информационной перегрузки своих студентов, отмечал, что с развитием технологий человек не становится свободнее, напротив, они превращают его в раба «в геометрической прогрессии растущей “занятости”», а также снижают уровень усвоения материала, поскольку у студентов не хватает времени на осознание услышанного, они способны только «регистрировать» знание, «но не принимать его. И потому оно в нем ничего не “производит”» [8]. Каждодневно обновляющаяся лавина поступающей информации не усваивается, поскольку моментально «смывается» новой информационной волной.

Таким образом, современные технологии ставят под вопрос как качественное переосмысление получаемой информации, так и рациональность восприятия окружающей реальности. Проблема не только в том, что, будучи прекрасно осведомленным о происходящем в мире, наш современник не знает, как выглядят его соседи по лестничной площадке, а в том, что обилие цифровых ресурсов рассеивает внимание, затрудняет определение истинности событий в огромном потоке миксовых медийных конструкций и фейков.

К сказанному следует добавить способность электронно-коммуникационной системы не просто формировать виртуальную реальность, а создавать «реальную виртуальность» [9, с. 353], т. е. «подделывать», конструировать действительность, которая становится не только местом социализации личности, но и пространством профориентации и самореализации. Эту ситуацию сложно контролировать, поскольку невозможно упорядочить, нормировать то, что может изменить каждый в своем цифровом мире.

Безусловно, развитие культуры обусловлено появлением технических нововведений и достижений, упрощающих жизнь человека. Но с какой бы любовью мы не относились к техническим достижениям, как бы не восхищались возможностями цифровых технологий и постепенной роботизацией нашей повседневности, никто не готов лишиться смысловой наполненности бытия. Человек должен быть уверен, что именно он, а не робот примет верное решение в трудной ситуации, что сам способен найти информацию в своей библиотеке, а не через поисковик в Интернете, он сам выберет себе спутника жизни и сам вырастит своих детей. Если этого не будет, то для чего вообще мы живем? Чтобы тыкать пальцами на кнопки гаджета, поедать пищу, заказанную по Интернету, получать образование без посещения школы и вуза, устраивать личную жизнь и зарабатывать на пропитание, не выходя из дома? Сеем предположить, что большая часть населения к этому не готова. Подтверждение тому – повсеместное нарушение самоизоляции в период пандемии. Понимая, что ограничение офлайн-контактов – крайне необходимая мера, некоторые сознательно нарушали ее по причине плохой переносимости замкнутости пространства и недостатка живого общения. Несмотря на практически полное обеспечение необходимых потребностей членов общества дистанционно, через 2 недели школьникам уже хотелось *пойти* в школу, взрослым – на работу и подавляющей части населения посещать магазины, спортклубы, музеи и т. д. в традиционном значении слова «посещать».

Информационно-коммуникативные технологии спровоцировали жесткую зависимость от цифры. Это не только формирует некоторую размытость в отношении будущего, но и обуславливает ностальгию по коммуникационной стабильности. Изменяющаяся культура, с одной стороны, обуславливает ее глобальность, а с другой – тяготеет к сохранению культурной идентичности. Для нашей современности согласно А. Ассман характерна замена метафоры «плавильный котел» на метафору «миска салата»

[10, с. 97]. Ведь в салате ингредиенты не превращаются в однородную массу, а сохраняют присущие единичному характеристики, при этом дополняя и оттеняя вкусовые качества каждого продукта. Так и современные технологии позволяют человеку общаться со всем миром и одновременно локализовать свое коммуникационное пространство, оставляя право определения его участников за собой.

Заключение

Инновационные технологии не избавили человечество от нужды и бедности, не сделали счастливыми людей, не снизили (скорее увеличили) число рискованных ситуаций, не защитили от экзистенциальных угроз, напротив, четче обозначили неопределенность, представили будущее как трудно предсказуемое.

На основании вышеизложенного отметим, что развитие технологий – неизбежная и важнейшая составляющая генезиса общества, во многом облегчающая жизнь людей. Несомненными достоинствами использования инновационных технологий являются широкая и быстрая доступность информации, отсутствие границ в общении, возможность работы и обучения, не выходя из дома. Но одновременно активная цифровизация нашего бытия ведет к уменьшению физической активности, снижению (иногда исключению) живого общения, формированию психологических проблем.

Возможно, последнее утверждение является обычной реакцией на любое нововведение, в котором негативные факторы видятся более отчетливо, нежели позитивные (достаточно упомянуть протесты горожан против замены конной тяги на паровые двигатели в начале XIX в.). Для правильного осмысления и преодоления негативного эффекта от информационно-коммуникационных технологий необходимо формирование фундаментальных философских, организационных и практических оснований развития современного общества, ведь высокие технологии предполагают высокий уровень подготовки и духовной зрелости современного человека.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Власть коммуникации / под науч. ред. А. И. Черных. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
2. *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 341 с.
3. *Иоселиани А. Д.* Человек в эпоху цифровизации бытия // Научный альманах. 2019. № 5-3 (55). С. 109–112.

4. Гринфилд А. Радикальные технологии : устройство повседневной жизни. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
5. Тoffлер Э. Шок будущего. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. 560 с.
6. Иванова А. Ю., Малышкина М. В. Психологические проблемы общения и деятельности поколения цифровых технологий // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2017. № 7 (149). С. 221–228.
7. Хананашвили М. М. Информационные неврозы. Л. : Медицина, ленинградский отдел, 1978. 143 с.
8. Шмеман А. Дневники. Тетрадь 4. Запись 30 сентября 1977 г. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/dnevnik/5 (дата обращения: 08.05.2022).
9. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Высшая школа экономики, 2000. 608 с.
10. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение. 2017. 272 с.
3. Ioseliani A. D. Man in the era of digitalization of being. *Nauchnyy almanakh* [Scientific Almanac], 2019, no. 5-3 (55), pp. 109–112 (in Russian).
4. Greenfield A. *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Verso, 2017. 368 p. (Russ. ed.: Grinfeld A. *Radikalnye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoy zhizni*. Moscow, Izdatelskii dom “Delo” RANEPА, 2018. 424 p.).
5. Toffler A. *Future Shock*. Bantam Books, 1970. 430 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Shok budushchego*. Moscow, AST, AST MOSCOW Publ., 2008. 560 p.).
6. Ivanova A. Yu., Malysheva M. V. Psychological problems of the digital generation and activities. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* [Scientific Notes of P. F. Lesgaft University], 2017, no. 7 (149), pp. 221–228 (in Russian).
7. Khananashvili M. M. *Informatsionnye nevrozy* [Information Neuroses]. Leningrad, Meditsina, leningradskiy otдел Publ., 1978. 143 p. (in Russian).
8. Shmeman A. Dnevniky. Tetrad' 4. Zapis' 30 sentyabrya 1977 g. (Diaries. Notebook 4. Recorded on 30 September 1977). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/dnevnik/5 (accessed 8 May 2022) (in Russian).
9. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vols. I–III. Oxford, UK, Blackwell Publishing, 1999. (Russ. ed.: Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 608 p.).
10. Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. München, Hanser, 2013. 336 S. (Russ. ed.: Assman A. *Raspalas svyaz vremen? Vzlet i padenie temporalnogo rezhima Moderna*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 272 p.).

References

1. Castells M. *Comunicación y poder*. Madrid, Alianza Editorial, 2009. 679 p. (Russ. ed.: Kastels M. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2017. 591 p.).
2. Leбина N. B., Chistikov A. N. *Obyvatel i reformy. Kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i hrushchevskogo desyatiletiya* [The Philistine and the Reforms. Pictures of the Everyday Life of City Dwellers During the Years of the NEP and the Khrushchev Decade]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 341 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 22.06.2022

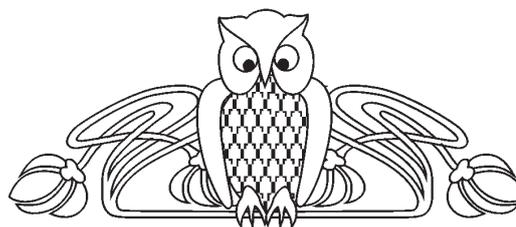

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–297
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–297
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297>

Научная статья
УДК 101.1:316

Агентность цифровых платформ: ценностный подход

М. А. Шаткин

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной политики, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Предлагаемая статья – первая часть исследования социальной агентности цифровых платформ через призму ценностного подхода. Специфика социальной реальности платформ заключается в их зависимости от генерации пользователями контента, в силу чего основной ценностью для платформ является продуктивность пользователей, а содержанием агентности платформ – удержание пользователей в роли производителей контента. Направленная на реализацию данной ценности, агентность платформ выражается в стратегии нарративизации, в направленности платформ на удержание пользователей в роли «рассказчиков историй» как наиболее успешно потребляемого контента. При этом механизмы краткосрочных историй и прямых эфиров обеспечивают дополнительную ценность контенту. В краткосрочной перспективе эта стратегия может привести к созданию ботов, способных генерировать увлекательные для пользователей мультимедийные истории и обеспечить самодостаточность платформы. В долгосрочной перспективе эта стратегия трансформирует представление о социальности, которая сводится к нарративной продуктивности, конечная цель которой – формирование материала для обучения искусственного интеллекта, целью которого может стать создание метанарратива, раскрывающего ценность продуктивности каждого индивидуального пользователя. Научный вклад данной статьи включает раскрытие содержания понятия агентности платформы, использование ценностного подхода и анализ феномена нарративизации внутриплатформенного контента.
Ключевые слова: платформизация, продуктивность, ценности, контент, нарративизация

Для цитирования: Шаткин М. А. Агентность цифровых платформ: ценностный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The agency of digital platforms: A value-based approach

M. A. Shatkin

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Maxim A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. A lack of current approaches to the study of digital platforms is ignoring the internal logic of their functioning, which determines their social agency, as well as the value foundations of this agency. The aim of this work is a socio-philosophical analysis of the agency of digital platforms through the lens of the value approach. **Theoretical analysis.** Specificity of social reality of platforms is their dependence on the generation of content by users, so the main value for platforms is users' productivity, and the content of platforms' agency is keeping users in the role of content producers. To realize this value, platforms' agency is manifested in a narrativization strategy that focuses on keeping users as "storytellers" as stories are the most successfully consumed content, with short-term storytelling and live-action mechanisms providing additional value to content. In the long term, this strategy transforms the notion of sociality, which comes down to narrative productivity, with the ultimate goal of generating material for artificial intelligence training, the goal of which could be to create a metanarrative that reveals the value of each individual user's productivity. **Conclusion.** Today, the agency of platforms is manifested in understanding sociality as narrative productivity, which provides, firstly, the maintenance of the business model of platforms and, secondly, the creation of sufficient data for learning promising artificial intelligence systems.

Keywords: platformization, productivity, values, content, narrativization

For citation: Shatkin M. A. The agency of digital platforms: A value-based approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Во второй половине 2010-х гг. в научном и общественном дискурсе началось стремительное распространение терминов «платформенная экономика», «платформенный капитализм», «платформенное общество», восходящих к феномену цифровой платформы, которую можно определить как цифровую инфраструктуру, обеспечивающую и регулирующую с помощью алгоритмов взаимодействия своих пользователей. Эти термины вытеснили менее содержательные термины «цифровое общество», «цифровая экономика», «цифровая эпоха», в свою очередь пришедшие на смену еще более абстрактным понятиям «сетевое общество» и «информационное общество», которые на рубеже веков, в том числе под влиянием трудов М. Кастельса [1], заменили вторичный и формальный термин «постиндустриальное общество». Каждый этап конкретизации концептуального образа общества сопровождался возрастанием скептического отношения социальных философов к влиянию информационных технологий на справедливость и свободу в современном обществе. По мере того, как основанные на цифровизации и цифровой трансформации экономических и социальных взаимодействий бизнес-модели становились повседневной реальностью глобального масштаба, первоначальный оптимизм теоретиков последней трети XX в., рассматривавших развитие информационных технологий в основном с точки зрения их освобождающего, гуманизирующего и демократизирующего потенциала, постепенно уступал место критике цифровых платформ, чьи коммерческие интересы вступают в противоречие с публичными ценностями [2].

Однако распространенность критического подхода при изучении цифровых платформ в социально-философских и социологических исследованиях обусловлена, на наш взгляд, не только негативным воздействием глобальных цифровых платформ на публичные ценности, приватность и т.д., но и ограниченностью методологических инструментов, доступных для концептуализации платформенного общества. Цифровые платформы являются собственностью частных компаний. Их развитие и поддержание деятельности требуют значительных инвестиций в техническое и программное обеспечение, поэтому описание внутренней логики платформ предполагает использование аналитических инструментов экономических и управленческих теорий, раскрывающих особенности бизнес-модели платформенной экономики. Поведение пользователей платформ, в том числе вопросы доверия и репутации, детерминируют необходи-

мость проведения эмпирических исследований, паттернов, обусловленных влиянием платформенных интерфейсов и алгоритмов. Воздействие платформ на экономические и политические процессы также является предметом для исследований, которые незначительно приближают к осмыслению платформ в более широком, в том числе философском контексте.

В отличие от понятий сетевого, информационного и цифрового обществ, чья расплывчатость способствовала возникновению известных социально-теоретических концепций, социальная реальность платформ конкретна и эмпирична. Выходом за пределы эмпирических описаний в сторону теоретизирования о платформах стали социоматериальный и критический подходы. Социоматериальная перспектива, восходящая к акторно-сетевой теории, организационным исследованиям и феминистской критике, на настоящее время не продемонстрировала значимых результатов. Имеющиеся исследования, основанные на данном подходе, фактически стали «социологией повседневности» пользователей цифровых средств без существенных теоретических обобщений, а агентность платформ свелась к «алгоритмической власти». Критический подход объединил в себе исследования, представляющие взгляд на платформы со стороны институтов, сообществ и демократических ценностей. Главной целью этой критики является примирение частных интересов и публичных демократических ценностей через встраивание последних в дизайн платформенных экосистем [2, р.139–140]. Однако, на наш взгляд, как минимум часть из предлагаемых ценностей – безопасность, точность (передачи данных), качество, доступность и т.д. – являются скорее обязательными техническими требованиями или нормами самих платформ, чем специфическими демократическими ценностями. Поиск возможностей имплементации ценностей в платформы означает включение платформ в более широкую ткань социальной реальности без анализа специфики социальной реальности платформ и прежде всего их агентности – присущей только платформам способности воздействовать на социальные практики определенным образом.

Цель статьи – социально-философский анализ агентности цифровых платформ через призму ценностного подхода. В связи с этим, во-первых, проведено теоретическое исследование ценностных оснований платформенных экосистем и, во-вторых, раскрыты основные направления (стратегии) влияния платформенных ценностей на социальные взаимодействия и определение социальности как таковой.

Ценностные основания платформенных экосистем

Бизнес-модель цифровых платформ основана на извлечении ренты от обеспечения взаимодействия между пользователями платформы с помощью технологических средств самой платформы [3]. В отличие от более ранних чатбордов технологическим условием существования платформ служит обеспечиваемая технологией Web 2.0 возможность для всех пользователей загружать на платформу для публичного или частного просмотра любой мультимедийный контент [4]. Именно создаваемый пользователями контент (а не общее их количество) представляет собой исходную точку существования платформ, обеспечивающую их ценность.

Данное утверждение не является очевидным, и существующие в обществе представления о платформах («платформенное воображаемое» по терминологии van Es и Roell [5]) могут не отражать роль пользовательского контента. Исследуя «платформенное воображаемое» (далее – ПВ), van Es и Roell показывают, что медийные платформы могут восприниматься как аналог средств массовой информации, обеспечивающий доступ к широкой публике, особенно молодого возраста, при этом могущественные платформы находятся вне контроля со стороны локальных пользователей и следуют коммерческим интересам, а не публичным ценностям [5, р. 6–8]. Воображаемые таким образом платформы встанут в один ряд с традиционным телевидением и информационными порталами, чья деятельность подлежит регулированию в рамках «платформенного патернализма» [6], например, через установление требований к присутствию контента локального производства, а также к алгоритмам, делающим определенный или отражающий некое разнообразие контент чаще видимым для пользователей.

В ПВ платформы предстают как инструмент для широкой трансляции «загруженных» в нее ценностей, но не как специфическая область социальной реальности, обладающая собственными ценностями. Поэтому реальные интересы платформ и представления о них в ПВ существенно различаются. ПВ требует наличия «правильного» по содержанию контента, который будет занимать «правильные» места в рейтингах; платформы заинтересованы в загрузке как можно более качественного как по содержанию, так и по техническим характеристикам, контента. Для ПВ пользователь платформы – это гражданин (т. е. политически активный член местного сообщества) [7], использующий платформу для участия в сообществе, общем (shared)

знании и публичных ценностях. Для платформы индивид – это прежде всего пользователь, генерирующий контент. Содержание контента может ограничиваться законодательством и правилами платформы. Доступ пользователей к платформе в целом и отдельному контенту в частности, а также возможность загружать свой контент может регулироваться законодательством и правилами платформ, техническими ограничениями со стороны правительства, алгоритмами видимости. Власть и интересы платформ, правительств и сообществ могут совпадать или вступать в противоречие, однако они находятся в одном и том же поле современного дисциплинарного общества. В то же время генерация контента является не аспектом власти, а точкой уязвимости платформ, поскольку создание пользователями чего-либо является сферой их свободы, творчества либо самостоятельной коммерческой деятельности. От генерации пользователями контента, включая сервисы и заказы на услуги, зависит интерес к платформе со стороны пользователей, которые прямо или косвенно оплачивают доступ к контенту либо готовы получать рекламный контент как условие доступа к бесплатным материалам.

Генерация пользователями контента выступает главным предметом интереса платформ. В рамках этого интереса предпочтением платформы является генерация пользователями (в том числе рекламоделателями) возможно большего объема контента, способного заинтересовать как можно большее количество других пользователей своим содержанием и качеством. Поэтому основной социальной ценностью, в которой заинтересованы платформы и на реализацию которой они не способны непосредственно повлиять, является продуктивность пользователей. Эволюция платформ в цифровом мире напрямую зависит от того, смогут ли платформы сделать то, что представляет ценность для них, для всего цифрового пространства и всего общества.

Агентность платформ: новое определение социальности

Несмотря на то, что сегодня термин «платформа» применяется к самым разнообразным сервисам и экосистемам в цифровом пространстве, платформы являются только частью этого пространства, в котором непрерывно генерируются различные формы контента. Поэтому социальная агентность платформы, направленная на утверждение ценности продуктивности пользователей, наравне с воздействием на пользователей платформ предполагает воздействие

на окружающую платформы цифровую среду. Таким образом, можно выделить две стратегии платформ: внутреннюю и внешнюю.

Внутренняя агентность платформы на наиболее очевидном уровне принимает форму прямого или косвенного стимулирования пользователей к генерации контента, а точнее *удержания пользователей в роли производителей контента*. Стимулирование может быть экономическим, через прямые выплаты за контент, набравший определенное количество просмотров или предоставление бонусов и скидок пользователям платформ интернет-торговли, оставляющих развернутые истории о своем опыте потребления товаров. Стимулирование может быть социоматериальным, через особенности интерфейса платформ, настойчиво предлагающим поделиться чем-то новым, принять участие в обсуждении интересного контента. Тенденцией 2020–2022 гг. стало включение в интерфейс многих социальных медиа возможности выложить короткое видео, требующее минимальных усилий по созданию и загрузке. С учетом тесной связи некоторых крупнейших платформ с производителями основных средств создания контента, а именно смартфонов, косвенным стимулом к созданию контента является курс на развитие мультимедийных возможностей смартфонов, обещающих своим покупателям перспективы стать успешными блогерами.

Однако не всякий контент обладает для самих пользователей ценностью, достаточной, чтобы его создать и загрузить, а если это все-таки произойдет, данный контент может снижать социальную ценность и привлекательность профиля пользователя. Для удержания пользователей в роли генераторов контента платформы применяют механизмы принудительного придания подобному контенту дополнительной ценности через установление краткосрочного характера их существования. Пользователям предлагается создавать «истории» (stories) либо прямые эфиры (стримы), которые затем исчезают, приближаясь тем самым к историческому (historical), необратимому характеру существования физического мира. Содержанием «историй», как показывает само название, служит рассказ (story) об истории (history) жизни пользователей, что подчеркивается некоторыми социальными медиа, предлагающими пользователям поделиться старыми публикациями – воспоминаниями об их прошлом.

Поскольку рассказ (повествование, нарратив) представляет собой естественный способ человеческого понимания [8], нарративизация контента выступает естественной стратегией платформ, особенно социальных медиа, по по-

вышению интереса к контенту, загруженному в платформу. Однако неразрешимая проблема, с которой сталкиваются платформы при реализации данной стратегии, заключается в том, что способности к увлекательному повествованию (story-telling) не являются общими для всех пользователей. Поэтому наиболее вероятным вариантом развития агентности платформ в среднесрочной перспективе будет развитие нарративного искусственного интеллекта (ИИ), который наравне с алгоритмами обработки мультимедийной информации будет помогать пользователям создавать истории к их видео и фото. Однако дальнейшее развитие ИИ в социальных медиа может пойти по пути создания ботов – искусственных аккаунтов, способных не только общаться, но и привлекать пользователей завораживающими мультимедийными историями. Достигнув этого уровня, платформы освободятся от зависимости от продуктивности пользователей и последняя перестанет быть для них ценностью.

В долгосрочной перспективе у стратегии нарративизации может быть другое измерение, связанное с трансформацией представлений о продуктивности и социальности в рамках платформенных экосистем. Рассказ историй и активное их потребление (где активность означает комментирование, репосты и оценки) в платформах (и в первую очередь в социальных медиа) становится основной связью, объединяющей пользователей платформ, т. е. основной формой и проявлением социальности. Эта социальность мало связана с совместным трудом, достижением общих целей и решением общих проблем. Быть социальным значит быть рассказывающим и рассказываемым, и в этом рассказе заключается основная продуктивность человека, которая тем самым сводится к нарративной продуктивности. Ценность продуктивности пользователей в своей динамике приводит к сублимации человеческой продуктивности – процессу, который на протяжении последних десятилетий описывался как виртуализация социального, но для которого отсутствовали условия полноценного понимания его основ и ценностных оснований.

Беря во внимание социоматериальную перспективу, нельзя игнорировать тот факт, что данная социальность соединяет не только людей, но и программную инфраструктуру платформ, эпитомизацией которой выступает обучающийся искусственный интеллект. Пользователи платформ объединены нескончаемым потоком нарратива, но этот поток одновременно служит (а с точки зрения платформенной телеологии – предназначен быть) материалом для глубокого

машинного обучения. Истории (одновременно stories и histories) пользователей являются единой историей (story и history) платформы, прочитать, оценить и прокомментировать которую может только искусственный читатель. Комментарий ИИ на созданный в платформе нарратив неизбежно будет носить характер метанарратива, который в итоге подтвердит и реализует ценность продуктивности пользователей платформ. Более того, ценность человеческой продуктивности, возможно, будет главным содержанием ответа ИИ пользователям платформы. Аксиологический характер ответа ИИ на те истории, которые его сформировали в период обучения, обосновывается тем, что разговор человека с искусственным разумом вряд ли может состояться, если он будет вестись о чем-либо еще, кроме ценностей, поскольку понимание предложенного ИИ предметного знания требует аналогичного по мощности ИИ, а решение практических проблем, в том числе глобальных, тем более требует не диалога с человеком, а доступа к ресурсам и принятия решений, но это будет уже внеплатформенная агентность ИИ. Формой ответа ИИ, возможно, станет мета-история, в которой продуктивность каждого пользователя найдет себе место, будет признана и сохранена как безусловная ценность в глазах ИИ.

Заключение

Платформы как сложные социотехнические явления обладают своей социальной агентностью, основанной на обеспечении того, что является для платформ базовой ценностью – продуктивности пользователей. Эта агентность скрывается под влиянием платформенного воображаемого – сложившегося в обществе представления о платформах как инструменте, а не особом измерении социальной реальности, обладающей своими ценностными основаниями. Агентность платформ в современном обществе проявляется в понимании социальности как нарративной продуктивности, обеспечивающей, во-первых, поддержание бизнес-модели платформ и, во-вторых, создание достаточного количества данных для обучения перспективных систем искусственного интеллекта.

Список литературы

1. The Network Society: A Cross-Cultural Perspective / ed. by M. Castells. North Hampton, MA : Edgar Elgar, 2004. 464 p.

2. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. The platform society: Public values in a connective world. Oxford University Press, 2018. 240 p.
3. Cusumano M. A., Gawer A., Yoffie D. B. The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation and Power. Harper Business, 2019. 320 p.
4. Tabarés R. HTML5 and the evolution of HTML; tracing the origins of digital platforms // *Technology in Society*. 2021. Vol. 65. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101529>
5. Van Es K., Poell T. Platform Imaginaries and Dutch Public Service Media // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6, iss. 2. <https://doi.org/10.1177/2056305120933289>
6. Petre C., Duffy B. E., Hund E. “Gaming the System”: Platform Paternalism and the Politics of Algorithmic Visibility // *Social Media+Society*. 2019. Vol. 5, iss. 4. <https://doi.org/10.1177/2056305119879995>
7. Murdock G. Reclaiming digital space. From commercial enclosure to the broadcast commons // *Public service media in the networked society* / ed. by G. F. Lowe, H. Van den Bulck, K. Donders. Gothenburg : Nordicom, 2018. P. 4–58.
8. Bruner J. *Actual Minds, Possible Worlds*. Harvard University Press, 1987. 222 p.

References

1. Castells M., ed. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. North Hampton, MA Edgar Elgar, 2004. 464 p.
2. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. *The platform society: Public values in a connective world*. Oxford University Press, 2018. 240 p.
3. Cusumano M. A., Gawer A., Yoffie D. B. *The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation and Power*. Harper Business, 2019. 320 p.
4. Tabarés R. HTML5 and the evolution of HTML; tracing the origins of digital platforms. *Technology in Society*, 2021, vol. 65. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101529>
5. Van Es K., Poell T. Platform Imaginaries and Dutch Public Service Media. *Social Media + Society*, 2020, vol. 6, iss. 2. <https://doi.org/10.1177/2056305120933289>
6. Petre C., Duffy B. E., Hund E. “Gaming the System”: Platform Paternalism and the Politics of Algorithmic Visibility. *Social Media+Society*, 2019, vol. 5, iss. 4. <https://doi.org/10.1177/2056305119879995>
7. Murdock G. Reclaiming digital space. From commercial enclosure to the broadcast commons. G. F. Lowe, H. Van den Bulck, K. Donders, eds. *Public service media in the networked society*. Gothenburg, Nordicom, 2018, pp. 4–58.
8. Bruner J. *Actual Minds, Possible Worlds*. Harvard University Press, 1987. 222 p.

Поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 25.03.2022

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–302
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–302
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-298-302>

Научная статья
УДК 159.9:316.35.023.4

Структурно-функциональный анализ социально-психологического статуса группового субъекта

А. Л. Бубнов

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, д. 53

Бубнов Александр Леонидович, преподаватель кафедры психологии и педагогики, aleksandr-bubnov-2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4003-5764>

Аннотация. Введение. Впервые предложен подход к исследованию социально-психологического статуса группового субъекта, в котором статус понимается как системное образование, отражающие соответственно деловой, аксиологический, официально-иерархический и аттракционно-экспрессивный аспекты положения группы в основной организации. **Теоретический анализ.** С помощью теоретического структурно-функционального анализа определены схема группового статуса (включает деятельностный, ценностный, когнитивный и эмоциональный компоненты) и основные его функции (поведенческо-регулятивную, познавательно-оценочную, нормативно-стратификационную и идентификационно-ориентационную). Выдвинуто предположение о возможности соотношения наиболее выраженных компонентов статуса, определяющих тот или иной его уровень, и доминирования определенных функций. **Эмпирический анализ.** Эмпирическое исследование группового статуса проведено на материале студенческих групп с помощью опросника определения социально-психологического статуса группового субъекта К. М. Гайдар. Благодаря кластерному и факторному анализу впервые раскрыты особенности конфигурации компонентов статуса групп с высоким, средним или низким уровнем. **Заключение.** Установлено, что конкретный его уровень определяется сочетанием нескольких структурных компонентов. В качестве перспектив последующего исследования изучаемой проблемы обозначено выявление функций статуса группового субъекта, доминирующих при его определенном уровне.

Ключевые слова: статус, социально-психологический статус группы, компоненты статуса, групповой субъект, структура, функция

Для цитирования: Бубнов А. Л. Структурно-функциональный анализ социально-психологического статуса группового субъекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–302. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-298-302>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

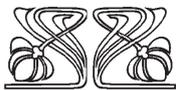
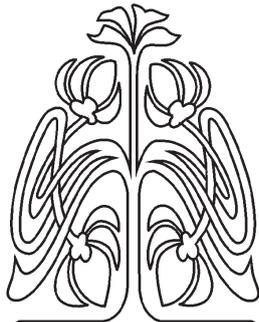
Structural and functional analysis of the socio-psychological status of a group subject

A. L. Boubnov

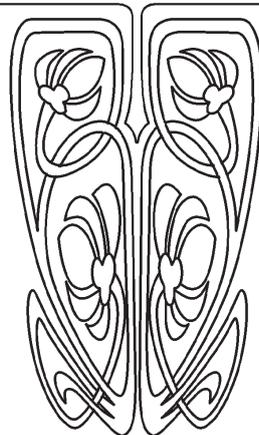
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, 53 Patriots Ave., Voronezh 394065, Russia

Alexander L. Boubnov, aleksandr-bubnov-2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4003-5764>

© Бубнов А. Л., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. For the first time the approach was proposed to the study of the socio-psychological status of a group subject, in which the status is understood as a systemic formation reflecting accordingly business, axiological, formal-hierarchical and attraction-expressive aspects of the group position in the basic organization. **Theoretical analysis.** Through the theoretical structural and functional analysis the structure of group status (includes activity, value, cognitive and emotional components) and its main functions (behavioral-regulative, cognitive-evaluation, normative-stratification and identification-orientation) are identified. The assumption of possibility of correlation of the most expressed components of the status, defining one or the other level of its status, and dominance of certain functions is put forward. **Empirical analysis.** The empirical study of group status was conducted on the material of student groups with the help of K. M. Gaidar socio-psychological questionnaire for determining the socio-psychological status of a group subject. With the help of cluster and factor analysis for the first time the peculiarities of the configuration of the components of the groups status with its high, medium or low level are revealed. **Conclusion.** As a result, it was found that its particular level is determined by a combination of several structural components. As prospects for the further research of the problem under study, the identification of the functions of the status of a group subject that dominates at a certain level of this status is indicated.

Keywords: status, socio-psychological status of the group, status components, group subject, structure, function

For citation: Boubnov A. L. Structural and functional analysis of the socio-psychological status of a group subject. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–302 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-298-302>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Желание быть в группе, обладающей преимуществами перед другими общностями, состояться в жизни, используя и собственные, и групповые ресурсы, получить признание своей группы членства является естественным для любого человека [1]. Статусную позицию он получает не только благодаря своим достижениям, но и за счет включения в группу, которая как единый субъект обладает статусом среди других групп. То есть групповой статус значим и для самой общности, и для ее членов. Проблема статуса группы – относительно новая для социальной психологии. Ее разработку целесообразно вести с позиций субъектного подхода к группе [2, 3], согласно которому группа – целостный субъект определенного уровня развития, осуществляющий разные виды совместной активности, среди которых и собственное преобразование, и обладающий групповым сознанием и самосознанием.

Теоретический анализ

В психологии статус субъекта – это его позиция в системе общественных или межличностных отношений, особый ранг в групповой иерархии. Под социально-психологическим статусом мы предлагаем понимать положение, занимаемое индивидом или группой в обществе (отдельной его сфере), обусловленное достижениями или неудачами субъекта, т. е. конкретными результатами в преломлении через определенные социально-психологические характеристики [4, 5].

Социально-психологический статус группового субъекта – это системное образование, отражающее деловой, аксиологический, официально-иерархический и аттракционно-экспрессивный аспекты его положения в организации,

в системе межгрупповых взаимоотношений и взаимодействий. На наш взгляд, в структуре социально-психологического статуса группового субъекта можно выделить ряд компонентов.

Первый – деятельностный (соответствует деловому аспекту статуса) – раскрывается через такую социально-психологическую характеристику группы, как авторитет, т.е. влияние, которым пользуется группа. Это влияние основано на ее деловых и иных качествах, способности воздействовать на положение дел в социальном окружении. Отличительной чертой авторитета является общественное признание реальных результатов группы в том или ином деле с точки зрения их значимости. Большее влияние на социальное окружение оказывает та группа, которая получает более высокое признание извне. При этом авторитетной группе право влияния может быть предоставлено без обладания ею реальной властью относительно других субъектов.

Второй компонент статуса – ценностный (соответствует аксиологическому его аспекту) – проявляется в такой социально-психологической характеристике группы, как престиж. Последний представляет собой оценку заслуг и достижений группы – субъекта статуса – обществом и другими группами, фокусирование внимания последних на этих достижениях и заслугах. Престиж имеет ценностно-нормативную природу и определяет позицию группы в зависимости от ее значимости, привлекательности для индивидов, приоритета над другими объединениями людей.

Третий компонент структуры социально-психологического статуса группового субъекта – когнитивный (соответствует официально-иерархическому аспекту статуса) – воплощен в такой характеристике группового субъекта, как репутация, представляющая собой сложившееся общественное мнение о недостатках и

достоинствах группы. Ее репутация основывается на представлениях других субъектов о ее сильных сторонах, специфических особенностях, преимуществах и др. Она зарабатывается в зависимости от действий, поведения группы, проявления ею определенных качеств и на этой основе – восприятия социальным окружением.

Четвертый компонент группового статуса – эмоциональный (соответствует его аттракционно-экспрессивному аспекту) – отражается в такой характеристике группового субъекта, как уважение, проявляемое к нему извне. Уважение – это положительное отношение к группе со стороны ее окружения (организации, других групп, отдельных людей), учитывающее ее усилия и заслуги, а не случайные обстоятельства и везение. На эмоциональном уровне это выражается в почитании, восхищении, доверии. Уважаемая группа нередко обладает популярностью, ее достижения получают высокие оценки, а члены других групп часто желают войти в ее состав как более для них предпочтительный.

Исходя из философского положения о том, что изучение системы предполагает выявление не только ее строения (т.е. структуры как совокупности взаимосвязанных компонентов), но и активности (т.е. функций, проявляющихся в конкретных актах со стороны системы) [6], от структурного анализа социально-психологического статуса группового субъекта перейдем к функциональному. Структурный анализ позволяет понять сущность и природу изучаемого явления, функциональный – его значение, прежде всего социальное. В нашем случае исследование функций статуса группового субъекта обеспечивает понимание его роли в жизни не только группы, но и каждого отдельного ее члена. Анализ литературы по проблемам групп и социально-психологического статуса не позволил нам обнаружить какую-либо систему научных представлений о функциях, выполняемых групповым статусом. В связи с этим представим авторский взгляд по этому вопросу. Социально-психологический статус группового субъекта может выполнять следующие функции.

Поведенческо-регулятивная функция задает способы, приемы, алгоритмы групповой активности в соответствии с теми возможностями и ограничениями, обязанностями и правами, ожиданиями и требованиями извне, которые детерминируют статус группы.

Познавательная-оценочная функция статуса способствует осмыслению групповым субъектом присущих ему социально-психологических качеств, прежде всего тех, благодаря которым он

имеет определенный статус и может выработать к себе особое отношение, следствием чего выступает формирование групповой самооценки.

Идентификационно-ориентационная функция статуса позволяет группе осознать свои границы и особенности, ресурсы и компетентности, отличия от других групп, отождествить себя с социально одобряемыми нормами, правилами, способами поведения, предписываемыми ее статусом, самоидентифицироваться в качестве целостного субъекта.

Нормативно-стратификационная функция статуса помогает группе опосредовать свою активность нормативно-ценностными ориентирами, соответствующими ее статусу, и зафиксировать свое положение в социуме, тем самым поддерживая социальную дифференциацию групп в обществе.

Подчеркнем, что системная природа социально-психологического статуса группы обуславливает взаимосвязь, с одной стороны, его структурных компонентов, с другой стороны, различных его функций. Это, условно говоря, горизонтальные связи. Не менее важно выявить те связи, которые можно назвать вертикальными, определить, какая функция статуса может оказаться доминирующей по отношению к тому или иному компоненту его структуры.

По нашему мнению, можно установить следующее соотношение:

деятельностный компонент структуры социально-психологического статуса группового субъекта влечет за собой доминирование поведенческо-регулятивной функции статуса;

ценностный компонент структуры сочетается с преобладанием нормативно-стратификационной функцией статуса;

когнитивный структурный компонент статуса группы вызывает превалирование познавательно-оценочной функции статуса;

эмоциональный компонент приводит к большей выраженности по сравнению с другими идентификационно-ориентационной функции.

Эмпирический анализ

Нами проведено исследование социально-психологического статуса группового субъекта. Выборку составили 38 студенческих групп трех вузов г. Воронежа численностью 649 человек. Диагностическим инструментом служил опросник определения социально-психологического статуса группы «ПАРУС» К. М. Гайдар, позволяющий выявить три уровня статуса (низкий, средний, высокий) в совокупности четырех структурных компонентов: престижа, авторитета, репутации и уважения. Отметим, что взаимосвязь ряда из

них или, наоборот, относительная независимость могут влиять на уровень группового статуса. При обработке данных использовался пакет «Statistica Basic Academic 13.0 for Windows Ru».

Применив процедуру кластерного анализа к полученным данным, мы выявили три кластера в зависимости от уровня социально-психологического статуса групп:

1) в первый кластер вошли 7 групп студентов (18,4% от выборки), у которых был зафиксирован высокий уровень статуса;

2) второй кластер образовали 12 студенческих групп (31,6% от выборки), статус которых был квалифицирован как средний;

3) третий кластер объединил в себе 19 групп с низким уровнем статуса (50,0% от выборки).

С целью определить «вклад» каждого компонента в тот или иной уровень статуса группового субъекта был использован факторный анализ. Удалось выявить различия влияния конкретных компонентов статуса на его общий уровень (таблица).

Результаты факторного анализа компонентов социально-психологического статуса студенческих групп
The results of factor analysis of the components of the socio-psychological status of student groups

Компоненты социально-психологического статуса	Первый кластер (высокий уровень)		Второй кластер (средний уровень)		Третий кластер (низкий уровень)	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2
Престиж	0,762272	0,299024	-0,669760	-0,507903	-0,341535	-0,786225
Авторитет	0,731739	-0,612955	-0,697891	0,073577	-0,790567	0,252712
Репутация	0,688236	0,482929	-0,783966	0,157944	0,000957	-0,347850
Уважение	0,023466	-0,945401	-0,082877	0,929217	-0,513332	0,674574

Примечание. Значимые факторные нагрузки выделены полужирным шрифтом (> 0,700000).

Таким образом, в группах высокого статуса (первый кластер) наиболее значимыми для этого уровня оказались такие компоненты, как престиж и авторитет, наименее значимо уважение. То есть высокий уровень статуса группы обеспечивается за счет ее высокого престижа и авторитета (поскольку и то и другое – результат активности группового субъекта). Престиж и авторитет образуют единый фактор, который мы интерпретируем как «результативность группы» (фактор 1). При этом чем выше уважение к группе, т.е. ее эмоциональная оценка, выражающаяся в почитании, восхищении, тем статус группы будет ниже. По-видимому, для достижения высокого статуса «эмоциональная оценка группы» (фактор 2), выражающийся в уважении к группе, – не просто нейтральный компонент, а компонент, способный снизить ее статус. Получая в свой адрес восторженные оценки, чувствуя восхищение собой, группа может решить, что она достигла максимума возможного и вследствие этого снизить свою активность, прекратить прикладывать усилия, чтобы добиваться новых свершений. Все это повышает для нее риск падения результативности и, как следствие, потери высокого статуса.

Средний уровень статуса группы (второй кластер), так же, как и высокий, обусловлен двумя факторами, но отличными в содержательном и функциональном плане от факторов, выделенных по отношению к высокому статусу

группового субъекта, а именно: наибольший «вклад» в достижение группой среднего статуса вносит фактор «эмоциональная оценка группы» (фактор 2): только за счет уважения к ней она, видимо, и занимает среднее положение. Вектор влияния уважения (снижает ли он групповой статус с высокого до среднего или, напротив, повышает с низкого до среднего) может быть дан после проведения дополнительного исследования. Установлено также, что на средний уровень статуса группы отрицательно влияет фактор, названный «видение группы» (фактор 1). Он представлен репутацией как совокупностью знаний, суждений о различных ее характеристиках, свойствах, отличиях от других групп. Одной репутации, воплощающей в себе когнитивный компонент статуса, очевидно, недостаточно для поддержания даже среднего его уровня, так как для носителя знаний о группе (будь то сам групповой субъект или иные группы) важно не только обладать информацией о конкурентных ее преимуществах, но и иметь подтверждение этому в реальных групповых действиях и достижениях.

Интересная картина выявлена у низкостатусных групп (третий кластер). Как и ожидалось, не обнаружен ни один компонент статуса, который бы заметным образом влиял на его низкий уровень. Вместе с тем имеется два компонента, которые в наибольшей степени отрицательно влияют на этот уровень: престиж и авторитет группы. Эти же компоненты как наиболее зна-

чимые выделены нами относительно высокого статуса. Однако в случае высокостатусных групп они образуют единый фактор «результативность группы», причем чем более его выраженность, тем выше статус. У низкостатусных групп авторитет образует фактор «деловые заслуги группы» (фактор 1), а престиж – фактор «общественная ценность группы» (фактор 2). То есть деловые заслуги группы могут не иметь общественной ценности, в то же время общественная ценность группы может сочетаться не с ее деловыми заслугами, а с чем-то иным. Однако и то и другое не связано с низким социально-психологическим статусом группового субъекта.

Заключение

Основываясь на полученных данных и выделенном на основе теоретического анализа соотношении того или иного компонента группового статуса с доминированием определенной его функции, можно предположить, что у групп с высоким статусом, в структуре которого наиболее выражены деятельностный (ассоциирован с авторитетом) и аксиологический (ассоциирован с престижем) компоненты, будут преобладать такие функции статуса, как поведенческо-регулятивная и нормативно-стратификационная. У групп со средним уровнем статуса, в структуре которого наиболее выражены эмоциональный компонент (ассоциирован с уважением) и когнитивный (ассоциирован с репутацией), будут доминировать идентификационно-ориентационная и познавательная-оценочная функции статуса. У групп с низким статусом, по-видимому, ни одна из функций не будет представлена сколько-нибудь отчетливо, поскольку структурные компоненты статуса явно не выражены. Особенно это относится к поведенческо-регулятивной и нормативно-стратификационной функциям, которые, очевидно, еще не сформированы.

Проверка сформулированных предположений составляет перспективу наших дальнейших исследований в области проблематики социально-психологического статуса группового субъекта.

Список литературы

1. Шамионов Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 8. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/725> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2013. 396 с.

3. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М. : Академический проект, 2000. С. 133–151.
4. Бубнов А. Л., Гайдар К. М. Феномен статуса как объект социально-психологического исследования // Вестник научной сессии факультета философии и психологии / отв. ред. Ю. А. Бубнов. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. Вып. 17. С. 122–128.
5. Сазонова Н. П. Влияние позиционно-статусной структуры группы на индивидуальность личности и группы // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни : материалы научно-практической конференции (г. Смоленск, 18–20 мая 1996 г.) / ред. Н. Е. Мажар, Н. Е. Селиванов. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1996. С. 67–72.
6. Системный подход в современной науке : (К 100-летию Людвиг фон Бергаланфи) / отв. ред. И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 561 с.

References

1. Shamionov R. M. Socialization of personality: system-diachronic approach. *Psikhologicheskiye issledovaniya* (Psychological Research), 2013, vol. 6, no. 27, pp. 8 (in Russian). Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/725> (accessed 6 May 2022).
2. Gaydar K. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya gruppovogo subekta* [Socio-psychological Concept of the Group Subject]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 396 p (in Russian).
3. Zhuravlev A. L. Psychological features of a collective subject. In: A. V. Brushlinskyi, M. I. Volovikova, V. N. Druzhinin, eds. *Problema sub"ekta v psikhologicheskoy nauke* [The Problem of the Subject in Psychological Science]. Moscow, Akademicheskii project Publ., 2000, pp. 133–151 (in Russian).
4. Boubnov A. L., Gajdar K. M. The phenomenon of status as an object of socio-psychological research. *Vestnik nauchnoj sessii fakul'teta filosofii i psihologii* [Bulletin of the Scientific Session of the Faculty of Philosophy and Psychology]. Voronezh, Izdatel'skii dom VGU, 2016, iss. 17, pp. 122–128 (in Russian).
5. Sazonova N. P. The influence of the positional and status structure of the group on the individuality of the individual and the group. In: N. E. Mazhar, N. E. Selivanov, eds. *Individual'nost' kak sub"ekt i ob"ekt sovremennoj zhizni. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* (Smolensk, 1996) [Individuality as a Subject and Object of Modern Life. Materials of the scientific and practical conference (Smolensk, May 18–20, 1996)]. Smolensk, Smolenskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1996, pp. 67–72 (in Russian).
6. Liseyev I. K., Sadovskiy V. N., eds. *Sistemnyy podkhod v sovremennoy nauke : (K 100-letiyu Lyudviga fon Bertalanfi)* [A Systematic Approach in Modern Science: (To the 100th Anniversary of Ludwig Von Bertalanffy)]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. 561 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 28.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 303–308
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 303–308
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-303-308>

Научная статья
УДК 159.9

Соотношение представлений об асоциальной личности с ценностями курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации

С. А. Ворожейкин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов ул. Московская, д. 158

Ворожейкин Сергей Андреевич, адъюнкт очного обучения, vorozhoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2231-8808>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению обусловленности субъективных представлений об асоциальной личности с системой индивидуальных ценностей курсантов. Исследование проводилось на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации. **Теоретический анализ.** С середины XX в. и по наши дни накоплен богатый материал по данной тематике. Однако существует немало пробелов в научном знании, обуславливающих актуальность последующих изысканий. **Эмпирический анализ.** В исследовании приняли участие 300 курсантов с 1 по 5 курс в возрасте 17–26 лет. Для изучения субъективных представлений об асоциальной личности автором был разработан опросник с использованием результатов пилотажного исследования. После проведения статистических процедур наиболее значимые индикаторы асоциальной личности были объединены в 4 группы характеристик. Для оценки имеющихся у курсантов ценностей был использован портретный ценностный опросник Ш. Шварца. **Заключение.** Получены новые данные, указывающие на связь ценностей с выбором индикаторов асоциального поведения курсантами института войск национальной гвардии Российской Федерации. Результаты исследования представляют интерес для изучения субъективных представлений, а также помогут в выстраивании стратегии повышения эффективности оценки социальной микроситуации и принятии оперативных решений для обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: асоциальная личность, индикатор, ценности, представления, поведение, признак

Для цитирования: Ворожейкин С. А. Соотношение представлений об асоциальной личности с ценностями курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 303–308. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-303-308>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Correlation of ideas about an asocial personality with the values of cadets of the National Guard of the Russian Federation

S. A. Vorozheikin

Saratov military Order of Zhukov Red Banner order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Sergey A. Vorozheikin, vorozhoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2231-8808>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the conditionality of subjective ideas about an asocial personality with a system of individual values of cadets. The study was conducted on the basis of the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** From the middle of the twentieth century to the present day, a wealth of empirical material on this topic has been accumulated. However, there are many gaps in scientific knowledge that determine the relevance of subsequent research. **Empirical analysis.** The study involved 300 cadets aged 17–26 years from 1st to 5th year of study. To study subjective ideas about an asocial personality, the author developed a questionnaire using the results of a pilot study. After carrying out statistical procedures, the most significant indicators of antisocial personality were combined into 4 groups of characteristics. To assess the values available to the cadets, a portrait value questionnaire of Sh. Schwartz was used. **Conclusion.** New data have been obtained indicating the relationship of values with the choice of indicators of antisocial behavior by cadets of the institute. The results of the research are of interest for the study of subjective perceptions, and will also help in building a strategy to improve the effectiveness of assessing social micro-situation and making operational decisions to ensure public safety.

Keywords: asocial personality, indicator, values, perceptions, behavior, feature

For citation: Vorozheikin S. A. Correlation of ideas about an asocial personality with the values of cadets of the National Guard of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 303–308 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-303-308>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема субъективных представлений становится сегодня одной из наиболее значимых в системе социально-психологического знания, а ее важнейшим аспектом является механизм наделения Другого различными характеристиками как носителя определенного статуса. В данном исследовании для анализа был избран статус асоциальной личности. Ее индикаторы, оценки, развернутые характеристики выступают важной основой, регулирующей поведение индивида. Такие индикаторы наиболее значимы для лиц, профессиональная деятельность которых предполагает оперативную оценку социальной микроситуации, а также принятие на ее основе оперативных решений и действий для максимального обеспечения общественной безопасности.

Теоретический анализ

В последнее время проблема оценки характеристик человека по его внешним признакам и проявлениям изучается довольно интенсивно. Такая заинтересованность ученых влиянием фенотипических показателей объясняется особенной ролью внешнего облика в процессе формирования представлений о поведении человека в той или иной ситуации, что впоследствии становится причиной стереотипных ожиданий, основанных исключительно на субъективной оценке привлекательности человека. Было отмечено, что внешний облик человека в значительной мере влияет на его успешность в разных сферах социальных взаимоотношений, выступает своего рода особым ресурсом и представляет широкий интерес для социально-психологического знания.

Начиная с конца 40-х гг. XX в. и по наши дни накоплен богатый теоретический материал по данной тематике. Однако существует немало пробелов в научном знании, обуславливающих актуальность последующих исследований. Проблематика социального восприятия и конструирования субъективных представлений широко изучена и отражена в работах отечественных ученых А. А. Бодалева, В. А. Барабанщикова, В. А. Лабунской, Г. М. Андреевой, Т. П. Емельяновой, Я. В. Кузьминой, К. А. Абульхановой, К. И. Ананьевой и др.

Актуальность данного исследования исходит из необходимости оценки соотношения представлений о поведенческих индикаторах асоциальной личности с имеющимися у курсантов Института войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ) ценностями. Результаты этого исследования

помогут понять роль этих связей в процессе распознавания субъектов, представляющих возможную угрозу для общества. Цель настоящего исследования состоит в изучении структуры субъективных представлений об индикаторах асоциальной личности и ее связи с ценностями курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации. Задачей исследования стало рассмотрение структурных компонентов субъективных представлений курсантов ВНГ РФ о характеристиках асоциальной личности и их сравнительный анализ с ценностями курсантов ВНГ РФ.

Эмпирический анализ

Для достижения цели настоящей статьи автором был разработан опросник с использованием результатов пилотажного исследования по изучению субъективных представлений курсантов об асоциальной личности, в котором курсантам предлагалось ответить, в какой степени тот или иной признак соответствует их представлениям об асоциальной личности. Для дальнейшего изучения был отобран 31 поведенческий индикатор асоциальной личности. Обратимся к данным, отражающим результаты факторного анализа индикаторов поведенческих характеристик асоциальной личности. При проведении статистических процедур нами отобраны 29 наиболее значимых индикаторов асоциальной личности, которые были объединены в 4 группы характеристик, охватывающих 59,1% общей дисперсии: «асоциальное поведение», «внешний облик», «замкнутый образ жизни» и «конституциональные особенности». Показатель альфа Кронбаха составил не ниже 0,9 по каждой шкале, что позволяет судить о высокой внутренней согласованности полученных с помощью факторного анализа шкал.

По результатам факторного анализа индикаторов асоциальной личности были выделены 4 наиболее значимых фактора. Первый фактор наиболее информативен и включает в себя 11 индикаторов, объясняя 21,6% дисперсии. Эти индикаторы характеризуют в целом признаки асоциального поведения, такие как арестантский сленг, блатной жаргон, проявление злости и агрессии, игровая зависимость от ставок и т.д. Обобщение признаков, вошедших в этот фактор, позволяет условно назвать его «асоциальным поведением».

Второй фактор включает 7 индикаторов, описывающих 14,9% дисперсии. В него вошли признаки, относящиеся к «внешнему облику», такие как короткая стрижка, наличие на теле татуировок, наличие бороды, темный (смуглый) цвет кожи и т.д.

Третий фактор, включающий 6 индикаторов, описывает 12% дисперсии и может быть условно назван «замкнутым образом жизни». В него вошли такие индикаторы, как молчаливость, отсутствие страничек в социальных сетях, замкнутость, избегание социальных контактов и т.д.

Наконец, четвертый фактор, в который вошли 5 индикаторов, условно названный нами «конституциональные особенности», объясняет 10,5% дисперсии. В него вошли такие индикаторы, как выпирающие скулы, квадратная форма лица, маленькие, глубоко посаженные глаза, эмоциональная скудность и т.д.

Следующим этапом нашего исследования стало установление ценностей как предикторов представлений об асоциальной личности. Для оценки имеющихся у курсантов ВНГ РФ ценностей была использована методика «Портретный ценностный опросник Ш. Шварца PVQ-R2». Для установления связей индикаторов асоциальной личности с существующими у курсантов ВНГ РФ ценностями был использован регрессионный анализ. Критериальная оценка индикаторов асоциальной личности показывает, в какой степени она зависит от ценностей курсантов ВНГ РФ (таблица).

Регрессионный анализ индикаторов асоциальной личности с ценностями курсантов
Regression analysis of indicators of antisocial personality with values of cadets

Ценности	Индикаторы
Асоциальное поведение	
Благожелательность-забота	0,20
Власть-доминирование	0,31
Универсализм-толерантность	0,37
Традиционализм	0,42
Дисперсия:	43%
Конституциональные особенности	
Универсализм-толерантность	0,10
Власть-ресурсы	0,19
Дисперсия:	19%
Замкнутый образ жизни	
Репутация	0,07
Дисперсия:	7%
Внешний вид	
–	–

При рассмотрении полученных результатов была выявлена существенная связь 43% дисперсии вариации выборки с индикатором «асоциальное поведение», которая объясняется выбором четырех пар ценностей: благожелательность-забота, власть-доминирование, универсализм-толерантность и традиционализм. Значительная связь (19%) прослеживается с индикатором «конституциональные особенности», связанным с такими парами ценностей, как универсализм-толерантность и власть-ресурсы. Существует незначительная связь такого ценностного показателя, как репутация, с индикатором «замкнутый образ жизни» на уровне 7%. Связь ценностей с индикатором «внешний вид» не выявлена.

Заключение

Сравнительный анализ маркеров субъективных представлений курсантов ВНГ РФ об

асоциальной личности по внешним признакам позволил установить, что наиболее значимыми являются индикаторы, относящиеся к группе, названной нами «асоциальное поведение». Схожие признаки выделяются в исследовании, посвященном особенностям представлений подростков разных социальных групп о девиантном поведении [1]. Так, по результатам этого исследования было установлено, что к значимым характеристикам девиантного поведения подростки относят наличие зависимостей, употребление нецензурной лексики, рукоприкладство, грабежи и другие нарушения закона. Данный маркер характеризует субъекта с точки зрения наличия в его поведении лингвистических элементов, принадлежности к криминальному миру, проявления агрессии и грубости в общении, а также признаков вероятного употребления психоактивных веществ. Этот вид маркеров является

наиболее очевидным показателем асоциальной личности и чаще остальных встречается в социально-психологических исследованиях, посвященных данной проблематике. Представления о личности незнакомого Другого обусловлены социокультурной средой, содержащей образы-роли, конструируемые с помощью механизма категоризации с его последующей стереотипизацией [2]. Эти образы-роли, усвоенные курсантами ВНГ РФ в ходе их социализации, позволяют им незамедлительно идентифицировать асоциальную личность. В пользу выводов о значимости поведенческого фактора говорят результаты исследования социально-психологических детерминант дискриминационных установок по внешним проявлениям Другого, в котором испытуемые указывают на необычное поведение и сильные эмоциональные проявления как на признак, вызывающий наиболее сильное неприятие Другого [3].

В свою очередь, внешние индикаторы, объединенные нами в группу «внешний облик», оказывают меньшее влияние при идентификации курсантами асоциальной личности. Выбор этих индикаторов частично объясняется в социально-психологических исследованиях, посвященных восприятию и оценке внешнего облика незнакомого Другого, в которых показано, что внешние признаки играют доминантную роль в процессе категоризации, типизации, стереотипизации конвенционального образа Другого и имеют социокультурные детерминанты. Внешняя экспрессия Другого ассоциируется с существующим социокультурным образом, на основе которого ему приписываются характерные свойства личности, типичные для этого образа-роли [2]. Так, при выборе индикаторов асоциального поведения, склонного к нарушению закона, курсанты чаще называли именно те признаки, которые связаны с существующим в обществе образом криминальной личности: арестантский сленг, блатной жаргон, короткая стрижка, наличие на теле татуировок. Особое место в этом списке занимают татуировки. В исследованиях о смысловом содержании татуировок говорится, что в советское время татуировки в первую очередь ассоциировались с уголовным миром и указывали на статус, занимаемый человеком в его иерархии [4]. Несмотря на то, что современное значение татуировок существенно сместилось в область декоративности, эстетики и бьюти-культуры, в общественном сознании они по-прежнему рассматриваются в тесной связи с уголовным миром.

Фактор, признаки которого объединены нами в группу «замкнутый образ жизни», также

объясняется в ряде исследований, показывающих взаимосвязь замкнутого образа жизни, бегства от социальных контактов, избегания участия в общественных институциях и эскапизма с процессами маргинализации личности. Так, некоторые авторы рассматривают эскапизм как дезадаптивный тип поведения личности [5]. Выбор этих индикаторов в качестве признаков асоциальной личности курсантами ВНГ РФ свидетельствует о наличии в их представлениях некоторых социальных установок на маргинальную обусловленность эскапизма, что может представлять потенциальную угрозу для общества. Такая социальная установка несет эмоциональный заряд, выступающий в качестве дезинтегратора субъектов, представляющих разные социальные группы и, как следствие, некую настороженность по отношению к ним.

Индикаторами, оказывающими наименьшее влияние, оказались «конституциональные особенности», однако выделение данного фактора не кажется случайным в свете ранее полученных данных. Так, в исследовании по идентификации личности подозреваемых лиц методом описания признаков внешности человека было установлено, что чем сильнее отклонения в пропорциях и размерных характеристиках элементов лица от средних статистических значений, тем лицо лучше запоминается и идентифицируется [6]. В связи с этим признаки, относящиеся к конституциональным особенностям личности, также являются для курсантов ВНГ РФ существенными при отнесении Другого к асоциальной личности.

При анализе связей субъективных представлений об асоциальной личности с ценностями курсантов ВНГ РФ выявлено, что 43% вариации выборки обусловлены значимостью таких ценностей, как благожелательность–забота, власть–доминирование, универсализм–толерантность и традиционализм. Такая дисперсия объясняется существующим у курсантов социокультурным образом асоциальной личности [2], в который, по их мнению, не входят такие ценности, как благожелательность–забота, власть–доминирование, универсализм–толерантность и традиционализм.

19% дисперсии оценок конституциональных особенностей с точки зрения асоциальности Другого объясняется наличием у курсантов таких ценностей, как универсализм–толерантность и власть–ресурсы. Эти результаты в некоторой степени объясняются в исследовании В. А. Лабунской, посвященном изучению взаимовлияния самооценок, привлекательности внешнего облика и его вклада в положение человека в обще-

стве, в котором 60% участников указали, что привлекательная внешность помогает достичь высокого положения в современном обществе [7].

Незначительная связь такого ценностного показателя, как репутация, с индикатором «замкнутый образ жизни» на уровне 7% требует более тщательного изучения для возможности вынесения аргументированных выводов. Вызывает интерес отсутствие связи между ценностями и таким индикатором асоциальной личности, как «внешний вид». Несмотря на то, что такая связь кажется очевидной, исследования в этой области говорят об обратном. Так, в исследовании, посвященном особенностям восприятия человека по внешнему виду, указывается, что разные дефекты во внешности, в частности у мужчин, не являются препятствием для установления дружеских отношений и, соответственно, причиной для причисления их к асоциальной личности [8].

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о соотносительности представлений курсантов об асоциальной личности с объективными данными, представленными в научных работах. Полученная структура представлений дает возможность оценить внутреннюю дифференциацию разных критериев асоциальности в процессе восприятия Другого и категоризации его с точки зрения принадлежности к определенной (стигматизированной) группе. Эти данные могут быть также использованы сотрудниками правоохранительных органов для оценки стратегии категоризации и идентификации Другого как асоциальной личности.

Важными характеристиками асоциальной личности Другого для курсантов ВНГ РФ стали индикаторы, объединенные нами в группы: «асоциальное поведение», «внешний вид», «замкнутый образ жизни» и «конституциональные особенности». Индикатор асоциальной личности «асоциальное поведение» связан с ценностями: благожелательность–забота, власть–доминирование, универсализм–толерантность и традиционализм. Индикатор «конституциональные особенности» связан с такими парами ценностей, как универсализм–толерантность и власть–ресурсы. Существует незначительная связь ценностного показателя репутация с индикатором «замкнутый образ жизни». Связь ценностей с индикаторами, отнесенными к «внешнему виду», не выявлена.

Полученные данные представляют интерес для проведения дальнейших исследований в области субъективных представлений, а также

позволят скорректировать программу психолого-педагогического сопровождения курсантов ВНГ РФ в военно-педагогическом процессе с целью повышения эффективности оценки социальной микроситуации и принятия оперативных решений для обеспечения общественной безопасности.

Список литературы

1. Шульга Т. И. Представления подростков о девиантном поведении // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 174–188. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100312>
2. Рягузова Е. В. Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого Другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 2 (14). С. 166–170.
3. Шамионов Р. М. Социально-психологические детерминанты дискриминационных установок по внешним проявлениям Другого // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия : материалы Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 28–30 октября 2019 г. / под общ. ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской, Г. В. Серикова. Ростов-н/Д : Общество с ограниченной ответственностью «Кредо», 2019. С. 62–64.
4. Кубанцева Д. И. Смысловое содержание татуировок для юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет // Общество : социология, психология, педагогика. 2021. № 8 (88). С. 161–169. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.23>
5. Нятина Н. В. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1 (54). С. 133–136.
6. Суханов А. В. Идентификация личности подозреваемых лиц по методу описания признаков внешности человека // Современный юрист. 2019. № 1 (26). С. 136–144.
7. Лабунская В. А. Взаимовлияние самооценок привлекательности внешнего облика, его вклада в положение человека в обществе и самоотношения студентов // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 5. С. 37–46. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240504>
8. Кононов А. Н. Феномен лукизма : исследование особенностей восприятия человека по внешнему виду // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 2 (58). С. 131–141. <https://doi.org/10.37724/rsu.2021.58.2.012>

References

1. Shulga T. I. Teenagers' ideas about deviant behavior. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 174–188 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100312>
2. Ryaguzova E. V. Sociocultural conditionality of perception of the appearance of an unfamiliar Other. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 4, iss. 2 (14), pp. 166–170 (in Russian).

3. Shamionov R. M. Socio-psychological determinants of discriminatory attitudes on the external manifestations of the other. In: P. N. Ermakov, V. A. Labunskaya, G. V. Serikov, eds. *Vneshniy oblik v razlichnykh kontekstakh vzaimodeystviya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Rostov-na-Donu, 28–30 oktyabrya 2019) [Appearance in various contexts of interaction: Materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, October 28–30, 2019)]. Rostov-on-Don, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Kredo” Publ., 2019, pp. 62–64 (in Russian).
4. Kubantseva D. I. The semantic content of tattoos for boys and girls aged 14 to 20 years. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2021, no. 8 (88), pp. 161–169 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.23>
5. Nyatina N. V. Escapism is the deviation in the youth socialization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University], 2013, no. 2-1 (54), pp. 133–136 (in Russian).
6. Sukhanov A. V. Identification of the identity of suspects by the method of describing the signs of a person’s appearance. *Sovremennyy yurist* [Modern Lawyer], 2019, no. 1 (26), pp. 136–144 (in Russian).
7. Labunskaya V. A. Mutual influence of self-assessment of the attractiveness of appearance, its contribution to the position of a person in society and students’ self-attitudes. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 37–46 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240504>
8. Kononov A. N. The phenomenon of lukism: The study of the peculiarities of human perception by appearance. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search], 2021, no. 2 (58), pp. 131–141 (in Russian). <https://doi.org/10.37724/rsu.2021.58.2.012>

Поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

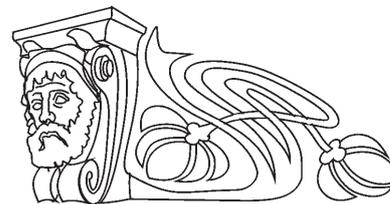

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 309–315
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 309–315
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-309-315>

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Особенности социальных представлений студенческой молодежи о готовности, компетентности и самоэффективности

С. С. Гоголь

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гоголь Светлана Сергеевна, аспирант кафедры психологии личности, s.gogol@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3138-9912>

Аннотация. Введение. Глобальные преобразования требуют от личности готовности к изменениям, способности принимать решения в ситуации неопределенности. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что в зависимости от контекста готовность понимается по-разному. Психологическую готовность связывают с наличием знаний, умений, навыков, рассматривают как определенный уровень активности личности, состояние настроенности на предстоящую деятельность, особое эмоционально-волевое состояние, умение мобилизоваться перед началом деятельности. Имеет место некоторое пересечение значений понятий «готовность», «компетентность» и «самоэффективность». **Эмпирический анализ.** В ходе исследования выявлено, что в соответствии с социальными представлениями компетентность и самоэффективность предполагают наличие умений и навыков, связанных с определенной деятельностью, а самоэффективность – веру в себя, уверенность и мотивацию. Установлено пересечение понятий «готовность» и «компетентность» – оба содержат такие компоненты, как «уверенность» и «подготовленность», а готовность и самоэффективность обладают общими компонентами «уверенность», «подготовленность», «цель». **Заключение.** Проведенное исследование позволило расширить понятие о готовности как об особом состоянии, определяющемся решительностью, решимостью, уверенностью, твердостью, сосредоточенностью и спокойствием, включающем волевые качества и способность к мобилизации внутренних ресурсов для решения задачи или достижения цели.

Ключевые слова: социальные представления, готовность, компетентность, самоэффективность

Для цитирования: Гоголь С. С. Особенности социальных представлений студенческой молодежи о готовности, компетентности и самоэффективности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 309–315. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-309-315>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specifics of student youth's social perception about readiness, competence and self-efficacy

S. S. Gogol

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana S. Gogol, s.gogol@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3138-9912>

Abstract. Introduction. Global transformations require an individual to be ready for change, the ability to make decisions in a situation of uncertainty. **Theoretical analysis.** A comparative analysis allows us to conclude that, depending on the context, readiness is understood differently. Psychological readiness is associated with the presence of knowledge, skills, and is considered as a certain level of activity of the individual, a special emotional-volitional state, the ability to mobilize before the start of activity. There is some overlap between the meanings of the concepts "readiness", "competence" and "self-efficacy". **Empirical analysis.** The study revealed that the concepts of "readiness" and "competence" contains such components as "confidence" and "preparedness", and readiness and self-efficacy have common components "confidence", "preparedness", "goal". **Conclusion.** The study made it possible to expand the concept of readiness as a special state, determined by decisiveness, determination, confidence, firmness, concentration and calmness, including strong-willed qualities and the ability to mobilize internal resources to solve a problem or achieve a goal.

Keywords: social representations, readiness, competence, self-efficacy

For citation: Gogol S. S. Specifics of student youth's social perception about readiness, competence and self-efficacy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 309–315 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-309-315>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В ситуации глобальных изменений, затрагивающих все сферы человеческой жизни,

внимание исследователей все чаще привлекает феномен психологической готовности. Этому способствует и стремительное развитие но-

вых технологий, и цифровизация различных сфер общественной жизни, расширяющаяся глобализация, экономические изменения и многие другие факторы. Происходящие преобразования требуют от личности наличия особой степени готовности к изменениям, способности принимать решения в ситуации неопределенности, эффективно выстраивать свое поведение, управлять деятельностью. Тем не менее само понятие «психологическая готовность» весьма расплывчато, несмотря на большое количество исследований, посвященных этому феномену. Кроме того, существуют понятия, имеющие некоторые семантические пересечения со значением понятия «готовность», к примеру, «компетентность» и «самоэффективность».

Цель данного исследования – уточнить значение понятия «готовность», изучить особенности социального представления студенческой молодежи о готовности, компетентности и самоэффективности.

Теоретический анализ

В зависимости от контекста готовность понимается по-разному и включает в себя различные компоненты. Некоторые исследователи считают, что это устойчивая характеристика личности – подготовленность или длительная готовность [1, 2]. Психологическую готовность связывают с наличием сформировавшихся знаний, умений, навыков для осуществления конкретных действий или деятельности, решения конкретных задач [3, 4], рассматривают ее как определенный уровень активности личности [5], состояние настроенности на предстоящую деятельность [6], особое эмоционально-волевое состояние, умение мобилизоваться перед началом деятельности [7]. Р. Д. Санжаева, выделяя мотивационный, операциональный, волевой, ориентационный и оценочный компоненты готовности, рассматривает мотивацию как стержневой компонент этого феномена, подчеркивая, что вне мотива невозможна ни одна деятельность [8]. Н. В. Сизикова, исследуя психологическую готовность к спортивной деятельности, определяет ее как уверенность в своих силах, стремление добиться победы, способность управлять своим поведением, высокую помехоустойчивость и наличие оптимального эмоционального возбуждения [9]. S. B. Vaker и коллеги рассматривают готовность как совокупность всех свойств личности, позволяющую эффективно выполнять ту или иную деятельность [10].

Изучив приведенные определения, мы пришли к выводу о некотором пересечении значений понятия «готовность» с понятиями «компетентность» и «самоэффективность» [11]. Для дальнейшего уточнения значения понятия «готовность» целесообразно обратиться к исследованию социальных представлений об этом феномене в сравнении с социальными представлениями о компетентности и самоэффективности.

Эмпирический анализ

Для изучения структуры социальных представлений студенческой молодежи о содержании понятий «готовность», «компетентность» и «самоэффективность» проведен опрос, для которого была составлена анкета, включавшая вопросы о социально-демографическом статусе участников исследования, а также блок, направленный на изучение субъективных представлений (ассоциации на слова «готовность», «компетентность», «самоэффективность»).

В исследовании приняли участие 90 человек (студенты Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского и Саратовского областного колледжа искусств 18–25 лет, 36 юношей и 54 девушки).

Респондентам было предложено дать по 5 ассоциаций к словам «готовность», «компетентность» и «самоэффективность». Для изучения структуры социальных представлений студенческой молодежи о содержании указанных понятий применялся прототипический анализ П. Вержеса, который эффективно используется в психологических исследованиях [12]. В соответствии с этим методом структура социальных представлений включает в себя ядро и периферию. Ядро – наиболее устойчивая, стабильная часть социальных представлений, придающая им смысл и определяющая структуру всего представления в целом. Периферия вариативна, изменчива и играет роль связки между ядром и ситуацией, влияющей на социальные представления. Если ядро связано с групповым сознанием, то периферия – с индивидуальным.

В соответствии с методом прототипического анализа полученные ассоциации были распределены по четырем квадратам с учетом ранга и частотности: ассоциации с низким рангом и высокой частотой, низким рангом и низкой частотой, высоким рангом и высокой частотой, высоким рангом и низкой частотой. Ядро социальных представлений составляют ассоциации, попавшие в первую зону (высокая частота и

низкий ранг). Вторая и третья зоны (низкая частота и низкий ранг; высокая частота и высокий ранг) – это область потенциальных изменений социального представления. Четвертая зона (низкая частота и высокий ранг) – это периферия социального представления.

Полученные результаты анализа социальных представлений понятий «компетентность», «самоэффективность» и «готовность» отражены в табл. 1–3.

Как следует из табл. 1, в центре ядра социального представления о готовности располагаются ассоциации «решительность», «решимость», «смелость» и «уверенность». Согласно толковому словарю С. И. Ожегова

решимость – это «смелость, готовность принять и осуществить свое решение»; решительность – «твердость в поступках, непоколебимость»; уверенный – «твердый, не колеблющийся, не сомневающийся» [13]. В зону потенциальных изменений социальных представлений о готовности попадают ассоциации, связанные с сосредоточенностью: «внимание», «собранность», «активность», «сконцентрированность (концентрация)», а также «стремление», «спокойствие», «желание», «цель (целеустремленность)», «воля (сила воли)». На периферии социального представления располагаются такие ассоциации, как «подготовленность», «упорство».

Таблица 1 / Table 1

Элементы, образующие ядро и периферию социального представления о готовности
Elements forming the core and periphery of the social representation about readiness

Квадрат 1 (частота > 10,6; ранг < 2,5)	Квадрат 3 (частота > 10,6; ранг ≥ 2,5)
Решимость / Смелость (2,4; 33) Решительность (2,2; 31) Уверенность (2,1; 26)	Спокойствие (3; 21) Желание (2,6; 14) Целеустремленность / Цель (3,2; 17) Воля / Сила воли (3,4; 11)
Квадрат 2 (частота ≤ 10,6; ранг < 2,5)	Квадрат 4 (частота ≤ 10,6; ранг ≥ 2,5)
Стремление (1,9; 10) Собранность (2; 8) Внимание (1,8; 6) Активность (2,4; 5) Сконцентрированность / Концентрация (2,3; 5)	Подготовленность (3; 7) Упорство (3,4; 4)

Рассмотрим структуру социальных представлений о компетентности (табл. 2).

Ядро социального представления о компетентности составляют ассоциации «знание», «профессионализм», «ответственность», «опыт», «умение». В зоне потенциального изменения

социальных представлений располагаются ассоциации «дисциплина», «ум», «уверенность», «понимание», «информированность», «навыки», на периферии – «квалификация», «грамотность», «эффективность», «образованность», «подготовленность».

Таблица 2 / Table 2

Элементы, образующие ядро и периферию социального представления о компетентности
Elements forming the core and periphery of the social representation about competence

Квадрат 1 (частота > 14; ранг < 2,5)	Квадрат 3 (частота > 14; ранг ≥ 2,5)
Знание (2,4; 44) Профессионализм (2,3; 37) Опыт (2,2; 28) Умение (2,4; 20) Ответственность (2; 18)	Уверенность (3; 16) Информированность (2,7; 11) Навыки (3,5; 10) Понимание (2,5; 5)
Квадрат 2 (частота ≤ 14; ранг < 2,5)	Квадрат 4 (частота ≤ 14; ранг ≥ 2,5)
Дисциплина (2; 6) Ум (2; 4)	Квалификация (3,2; 13) Подготовленность (3; 12) Грамотность (3; 11) Образованность (2,8; 9) Эффективность (3; 5)

В табл. 3 включены элементы социального представления о самооэффективности, в ядре которого располагаются ассоциации «уверенность» и «уверенность в себе», «дисциплина», «вера в себя», «мотивация». В зоне потенциальных изменений

находятся ассоциации ««трудолюбие», «умение», «подготовка», «саморазвитие», «самостоятельность», «самореализация», «знания», «результат», «цель», на периферии – ассоциации «самоконтроль», «ответственность», «планирование».

Таблица 3 / Table 3

Элементы, образующие ядро и периферию социального представления о самооэффективности
Elements forming the core and periphery of the social representation about self-efficacy

Квадрат 1 (частота > 8,7; ранг < 2,5)	Квадрат 3 (частота > 8,7; ранг ≥ 2,5)
Уверенность / уверенность в себе (2; 20) Вера в себя (2,4; 19) Мотивация (1,8; 16) Дисциплина (2,3; 9)	Успех (2,9; 13) Результат (3,3; 12) Цель (3,6; 9)
Квадрат 2 (частота ≤ 8,7; ранг < 2,5)	Квадрат 4 (частота ≤ 8,7; ранг ≥ 2,5)
Самостоятельность (2; 8) Саморазвитие (2,4; 7) Трудолюбие (2,3; 6) Умение (2; 6) Самореализация (2,2; 6) Знания (1,7; 4) Подготовка (2,2; 4)	Самоконтроль (3; 7) Планирование (3,1; 5) Ответственность (3,7; 4)

Обсуждение результатов

Несмотря на то, что готовность часто рассматривается как синоним подготовленности, здесь мы видим, что эта ассоциация находится на периферии социального представления, т. е. воспринимается как необязательная и зависящая от конкретной ситуации. При этом ассоциация «подготовленность» входит в понятие «компетентность», а в понятии «самоэффективность» присутствует близкая по значению ассоциация «подготовка».

Некоторые авторы включают в эту категорию знания, умения, навыки, способности [14, 15], но, как показывает проведенное исследование, на уровне субъективных представлений эти понятия или вовсе не включены в структуру социального представления, или располагаются на его периферии и воспринимаются как бессмыслообразующие, ситуативно обусловленные компоненты. Ассоциации «умение» и «способности» не встретились ни разу, «знания» – дважды со средним рангом 4. Следует отметить, что компоненты «знание» и «умение» располагаются в ядре понятия о компетентности, а «навыки» – в зоне потенциальных изменений. Ассоциация «знания» входит также в состав понятия «самоэффективность».

В то же время понимание готовности как стремления к определенной деятельности, уверенности, наличия определенного уровня эмоционального возбуждения и психологической

мобилизации находит свое отражение в ядре социальных представлений об этом феномене. Ассоциация «уверенность» присутствует в ядре социальных представлений и о готовности, и о самооэффективности.

Обращает на себя внимание высокая частота компонента «спокойствие» в представлении о готовности, что свидетельствует о том, что в понимании наших респондентов состояние готовности к чему-либо предполагает отсутствие волнения и тревоги, состояние уравновешенности, предопределяющее эффективность предстоящей деятельности.

Компетентность – это категория, означающая наличие специфических знаний, умений и навыков, позволяющих эффективно осуществлять ту или иную деятельность, характеризующуюся глубоким пониманием сущности решаемых задач, способностью к саморазвитию и конструктивным действиям в изменяющихся социальных условиях, высоким уровнем образованности и общей культуры [16–18].

Аналогичные компоненты отражены и в структуре социальных представлений о компетентности. Кроме того, социальное представление о компетентности содержит ассоциации «ответственность», «дисциплина» и «уверенность», что расширяет это понятие, дополняя его личностными качествами. И здесь очевидно пересечение понятий «готовность» и «компетентность» – оба включают такие компоненты, как «уверенность» и «подготовленность».

Самоэффективность – это свойство личности, подразумевающее уверенность и веру в себя, дисциплинированность и мотивацию, а также наличие определенных знаний, умений, подготовки [19], стремление к саморазвитию и самореализации, предполагающее самостоятельность и ответственность [20], способность к планированию и самоконтролю [21], стремление к успеху, достижение цели и задуманного результата [22].

Если сравнивать содержание социальных представлений о готовности и самоэффективности, то можно также отметить точки пересечения – это общие компоненты «уверенность» («уверенность (уверенность в себе)»), «подготовленность» («подготовка»), «цель» («целеполагание» («цель»)). Кроме того, очевидно, что готовность, по сравнению с компетентностью и самоэффективностью, – более широкое понятие, включающее в себя не только подготовленность и уверенность, но и такие качества, как смелость и решительность, способность к мобилизации внутренних ресурсов (концентрация, внимание, собранность, активность), волевые качества (целеустремленность, воля (сила воли), стремление, упорство).

Заключение

Проведенное исследование позволило уточнить понятие «психологическая готовность» с точки зрения структуры социальных представлений о нем, а также в сравнении с социальными представлениями о содержании понятий «компетентность» и «самоэффективность».

Готовность – особое состояние, характеризующееся уверенностью, твердостью, непоколебимостью, отсутствием сомнения, сопровождающееся ощущением спокойствия, желанием и стремлением принять решение или выполнить действие, а также собранностью, направленностью внимания, активностью личности, предполагающее определенный уровень подготовленности, способность к целеполаганию и достижению цели.

Список литературы

1. Nathaniel K.-A. Readiness for Practice in Social Work Through a Constructionist Lens // *Field Scholar*. 2018. Vol. 8.2. С. 117–138.
2. Киселева Д. Е., Кацера А. А. Формирование психологической готовности старшеклассников к самостоятельной жизни // *Colloquium-journal*. 2020. № 10 (62). С. 140–142. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11657>
3. Саломая Д. Б., Низовских Н. А. Психологическая готовность к управлению студентов – будущих психологов : к постановке проблемы // *Концепт*. 2021. № 11. С. 125–136. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14025.htm> (дата обращения: 07.03.2022).
4. Кирой В. Н., Щербина Д. Н., Чернова А. А., Денисова Е. Г., Лазуренко Д. М. Готовность российских студентов к дистанционным форматам обучения: существующее положение и перспективные задачи // *Университетское управление : практика и анализ*. 2021. Т. 25, № 2. С. 80–97. <https://doi.org/15826/umpa2021.02.016>
5. Ахмадеева Е. В. Психологическая готовность к самопредъявлению студентов в диалогическом взаимодействии // *Вестник Башкирского университета*. 2021. № 4. С. 1187–1191. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.457>
6. Чекалина М. С. Саморегуляция и ее компоненты как условие готовности к профессиональному самоопределению // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2020. Т. 26, № 1. С. 65–71. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71>
7. Бубнова И. С. Психологическая готовность педагогов к организации исследовательской деятельности обучающихся // *Личность и вызовы современности : интерпретация проблем различными научными школами : статьи Международной научной конференции / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова*. Майкоп : Адыгейский государственный университет ; Краснодар : Кубанский государственный университет, 2020. С. 326–329.
8. Санжаева Р. Д. Готовность и ее психологические механизмы // *Вестник Бурятского государственного университета. Образование, личность, общество*. 2016. № 2. С. 6–16.
9. Сизикова Н. В. Осмысленность деятельности как компонент психологической готовности // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 308. С. 167–168.
10. Baker S. B., Foxh S. P., Akcal-Aydin P., Gavin W. R., Ashral A., Martinez R. R. Psychometric properties of the career and college readiness self-efficacy inventory // *Ideas and research you can use: VISTAS 2017*. 2017. С. 1–13.
11. Гоголь С. С. Соотношение понятий «готовность», «компетентность», «самоэффективность» // *Личность в ситуации социальных изменений : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Ю. Смирновой*. Саратов : Издательский центр «Наука», 2021. С. 15–22.
12. Рягузова Е. В. Когнитивные аспекты отношения студенческой молодежи к вакцинации от COVID-19 // *Российский психологический журнал*. 2021. Т. 18, № 2. С. 109–121. <https://doi.org/10.21702/grj.2021.2.7>
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 2006. 944 с.
14. Панина А. Е. Эмоционально-волевая готовность личности : сущность и основные компоненты // *Вестник магистратуры*. 2021. № 5-5 (116). С. 82–84.

15. Гут Ю. Н. Психологические предпосылки готовности к инновационной деятельности современных педагогов // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня : способности, образование, профессионализм. 2021. № 1. С. 221–226.
16. Балдина М. Ю. О взаимосвязи понятий «компетенция», «компетентность», «коммуникативная компетентность» // Концепт. 2014. S25. С. 11–15. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14025.htm>. (дата обращения: 07.03.2022).
17. Зимняя И. А. Компетентность и компетенции в контексте компетентностного подхода // Понятийный аппарат педагогики и образования : сборник научных трудов ; отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Екатеринбург : СВ-96, 2012. Вып. 7. С. 7–15.
18. Salman M., Ganie S. A., Saleem I. The concept of competence: A thematic review and discussion // European Journal of Training and Development. 2020. Vol. 44. P. 717–742. <https://doi.org/10.1108/ejtd-10-2019-0171>
19. Опекина Т. П., Шипова Н. С. Теоретический анализ понятий самореализации, самоактуализации и самоэффективности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. № 2. С. 7–15. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-7-15>
20. Лызь Н. А., Истратова О. Н. Образовательная деятельность студентов в интернет-пространстве : готовность и самоэффективность // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 4. С. 661–680. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.105.025.202104.661-680>
21. Салмина Н. Г., Звонова Е. В., Елизарова Е. Ю. Компоненты представлений о самоэффективности специалиста // Вестник университета. 2021. № 3. С. 177–182. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-177-182>
22. Tus J. Self-concept, self-esteem, self-efficacy and academic performance of the senior high school students // International Journal of Research Culture Society. 2020. Vol. 4, № 10. С. 45–59.
- challenges. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2021, vol. 25, no. 2, pp. 80–97 (in Russian). <https://doi.org/15826/umpa2021.02.016>
5. Ahmadeeva E. V. Psychological readiness for self-presentation of students in dialogical interaction. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Herald of Bashkir University], 2021, no. 4, pp. 1187–1191 (in Russian). <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.457>
6. Chekalina M. S. Self-regulation and its components as a condition of readiness for professional self-determination. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2020, vol. 26, no. 1, pp. 65–71 (in Russian). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71>
7. Bubnova I. S. Psychological readiness of teachers to organize the research activities of students. In: Z. I. Rjabikina, V. V. Znakov, eds. *Lichnost i vyzovy sovremennosti: interpretacija problem razlichnymi nauchnymi shkolami* [Personality and Challenges of Modernity: Interpretation of Problems by Various Scientific Schools]. Maykop, Adygeiskii gosudarstvennyi universitet Publ.; Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020, pp. 326–329 (in Russian).
8. Sanzhaeva R. D. Readiness and its psychological mechanisms. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie, lichnost, obshchestvo* [BSU bulletin. Education. Personality. Society], 2016, no. 2, pp. 6–16 (in Russian).
9. Sizikova N. V. Meaningfulness activity as a component of psychological readiness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2008, no. 308, pp. 167–168 (in Russian).
10. Baker S. B., Foxx S. P., Akcal-Aydin P., Gavin W. R., Ashral A., Martinez R. R. Psychometric properties of the career and college readiness self-efficacy inventory. *Ideas and Research You Can Use: VISTAS 2017*, 2017, pp. 1–13.
11. Gogol S. S. Relationship terms “readiness”, “competence”, “self-efficacy”. In: A. Ju. Smirnova, ed. *Lichnost v situacii socialnyh izmenenij* [Personality in a Situation of Social Changes]. Saratov, Izdatelskiy Tsentr “Nauka”, 2021, pp. 15–22 (in Russian).
12. Rjaguzova E. V. Cognitive Aspects of Students’ Attitudes Towards COVID-19 Vaccination. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2021, vol. 18, no. 2, pp. 109–121 (in Russian). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.2.7>
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2006. 944 p. (in Russian).
14. Panina A. E. Emotional-volitional readiness of the individual: Essence and main components. *Vestnik magistratury* [Magister Journal], 2021, no. 5-5 (116), pp. 82–84 (in Russian).

References

1. Nathaniel K.-A. *Readiness for Practice in Social Work Through a Constructionist Lens*. Field Scholar, 2018, vol. 8.2, pp. 117–138.
2. Kiseleva D. E., Kacero A. A. Formation of psychological readiness of high school students for independent life. *Colloquium-journal*, 2020, no. 10 (62), pp. 140–142 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11657>
3. Salomau D. B., Nizovskih N. A. The psychological readiness to manage in preparation for professional activity of the students – future psychologists: To the formulation of the problem. *Koncept*, 2021, no. 11, pp. 125–136 (in Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14025.htm> (accessed 7 March 2022).
4. Kiroy V. N., Sherbina D. N., Chernova A. A., Denisova E. G., Lazurenko D. M. Russian students readiness for distance learning: Current situation and future

15. Gut Yu. N. Psychological prerequisites of readiness for innovative activity of modern teachers. *Differencialnaja psihologija i psihofiziologija segodnja: sposobnosti, obrazovanie, profesionalizm* [Differential Psychology and Psychophysiology Today: Abilities, Education, Professionalism], 2021, no. 1, pp. 221–226 (in Russian).
16. Baldina M. Yu. Relationship terms “competency”, “competence”, “communicative competence”. *Concept*, 2014, no. 25, pp. 11–15 (in Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14025.htm> (accessed 7 March 2022).
17. Zimnjaja I. A. *Kompetentnost i kompetencii v kontekste kompetentnostnogo podhoda* [Competence and expertise in the context of the competence-based approach]. In: E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova, eds. *Ponjatijnyj apparat pedagogiki i obrazovanija* [The Conceptual Apparatus of Pedagogy and Education]. Ekaterinburg, SV-96 Publ., 2012, iss. 7, pp. 7–15 (in Russian).
18. Salman M., Ganie S. A., Saleem I. The concept of competence: A thematic review and discussion. *European Journal of Training and Development*, 2020, vol. 44, pp. 717–742. <https://doi.org/101108/ejtd-10-2019-0171>
19. Opekina T. P., Shipova N. S. Theoretical analysis of the concepts of self-realization, self-actualization and self-efficacy. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2021, no. 2, pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-7-15>
20. Lyz N. A., Istratova O. N. Online educational activities of students: Readiness and self-efficacy. *Integracija obrazovanija* [Integration of Education], 2021, vol. 25, no. 4, pp. 661–680 (in Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.105.025.202104.661-680>
21. Salmina N. G., Zvonova E. V., Elizarova E. Yu. Components of ideas about the self-efficacy of a specialist. *Vestnik Universiteta* [Vestnik Universiteta], 2021, no. 3, pp. 177–182 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-177-182>
22. Tus J. Self-concept, self-esteem, self-efficacy and academic performance of the senior high school students. *International Journal of Research Culture Society*, 2020, vol. 4, no. 10, pp. 45–59.

Поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 316–321

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 316–321

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-316-321>

Научная статья

УДК 159.9+ 316.6

Позитивная организационная психология: обзор зарубежных исследований (ценное прошлое, актуальное настоящее и возможное будущее)

М. В. Жижина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Жижина Мария Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, zhizhina5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0340-214X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена обзору зарубежных исследований, выполненных в русле позитивной организационной психологии – области междисциплинарного научного знания, целью которого является изучение факторов, ведущих человека и организацию к процветанию. Обозначены ключевые тематические блоки, входящие в семантическое поле современной позитивной организационной психологии. **Теоретический анализ.** Теоретический анализ показал, что за последние 10 лет в соответствии с постоянно растущим спросом на эмпирически подтвержденные принципы разработки и проведения позитивных психологических мероприятий в организациях наблюдается стремительный рост количества исследовательских проектов, посвященных данной проблематике, которые вносят определенный вклад в развитие уже имеющихся теоретических моделей и дальнейшую эволюцию идей позитивной организационной психологии. **Заключение.** Результаты проведенного теоретического обзора показали, что в зарубежных междисциплинарных исследованиях остается место и для дискуссий между сторонниками и противниками использования позитивных линз для фокусировки и решения тех или иных организационных задач. Формулируется вывод о практической значимости привлечения внимания отечественных организационных психологов к изучению позитивных аспектов функционирования как самой организации, так и человека, в контексте в организации.

Ключевые слова: позитивная психология, организационная психология, психологический капитал, психологическое благополучие, процветание, сотрудник, организация

Для цитирования: Жижина М. В. Позитивная организационная психология: обзор зарубежных исследований (ценное прошлое, актуальное настоящее и возможное будущее) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 316–321. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-316-321>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Positive organizational psychology: Foreign research review (valuable past, relevant present, and possible future)

M. V. Zhizhina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria V. Zhizhina, zhizhina5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0340-214X>

Abstract. Introduction. The article is a review of foreign studies carried out in line with positive organizational psychology - a field of interdisciplinary scientific knowledge whose purpose is to study the factors that lead a person and an organization to prosperity. The article identifies the key thematic blocks included in the semantic field of modern positive organizational psychology. **Theoretical analysis.** The theoretical review shows that over the past ten years, in accordance with the ever-increasing demand for empirically proven principles for developing and implementing positive psychological interventions in organizations, there has also been a rapid increase in the number of research projects devoted to this issue, which make a certain contribution to the development of existing theoretical models and further evolution of the ideas of positive organizational psychology. Meanwhile, the results of the theoretical analysis showed that in foreign interdisciplinary research there is still room for discussions between supporters and opponents of using positive lenses with the aim to focus and solve certain organizational problems. **Conclusion.** The article makes a conclusion about the practical significance of attracting domestic organizational psychologists' attention to the study of the positive aspects of the functioning of both the organization itself and the person in the context of the organization.

Keywords: positive psychology, organizational psychology, psychological capital, psychological well-being, prosperity employee, organization

For citation: Zhizhina M. V. Positive Organizational Psychology: Foreign research review (valuable past, relevant present, and possible future). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 316–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-316-321>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерес исследователей и практиков в области менеджмента, экономики, а также в промышленной и организационной психологии к позитивным аспектам функционирования организаций появился на основе возникновения позитивной психологии в начале 2000-х гг. С этого момента и по настоящее время, по мнению многих зарубежных ученых (К. Гретхен, Дж. Даттон, М. Дель-Рио, Ст. И. Дональдсон, Р. Куинн, С. Кэмерон, Ф. Лютенс, М. Мильянико, М. Шпрейцер и др.), отмечается экспоненциальный рост популярности позитивной организационной психологии как среди ученых, так и среди практиков. Согласно Оксфордскому справочнику позитивной психологии и труда возникновение данной отрасли психологической науки датируется 2003 г., но имеет долгую историю, восходящую еще к работам У. Джеймса (1902), Г. Олпорта (1960), А. Маслоу (1968), Э. Динера (1984) и др.

Оформление и формирование позитивной организационной психологии происходит прежде всего на пересечении позитивной и организационной психологии, но своими корнями уходит в результаты исследований, выполненных в контексте психологии менеджмента, психологии труда, социальной психологии, гуманистической психологии, эргономики, экономической психологии и др. «Таким образом, позитивная организационная психология – это не столько новая область исследований, сколько объединяющая сила, объединяющая темы, перспективы и переменные, которые были рассеяны в литературе и недостаточно развиты или игнорировались в научных исследованиях» [1].

Возникновение и развитие позитивной организационной психологии как отдельной отрасли психологической науки и практики, безусловно связано в первую очередь с бурным развитием позитивной психологии в начале XX в., но, кроме того, появление и развитие позитивной организационной психологии некоторые авторы (К. Кэмерон, К. Гретхен, М. Шпрейцер) связывают с тем, что множество позитивных организационных явлений (например «процветание») игнорировались и не были систематически изучены и оценены.

Современное состояние и актуальные темы исследований в зарубежной позитивной организационной психологии

Стоит отметить, что возрастающий интерес к позитивной организационной психологии связан также со следующими двумя факторами: *первый обусловлен мотивацией использования результатов и достижений позитивной психо-*

логии в неблагоприятной ситуации, связанной с пандемией, а второй фактор – это желание исследователей применить лучшие достижения позитивной психологии в практике организаций в сегодняшнее, турбулентное, нестабильное, сложное время с высокой скоростью изменений, получившее название VUCA-среды. В совокупности эти обстоятельства значительно повысили интерес исследователей к изучению позитивных практик и внедрению их в реальность функционирования организаций.

Популярность позитивной психологии с начала 2000-х гг. в литературе многократно возросла (около 5880 рукописей; всего 66 635 цитат) [2]. Этот всплеск исследовательского интереса к пониманию, измерению, управлению и развитию позитивных аспектов функционирования человека обозначен С. И. Дональдсоном и И. Ко как *позитивная организационная психология, направленная на «научное изучение положительного субъективного опыта и черт характера сотрудника в организациях, а также на повышение эффективности и качества жизни в организациях»* [3].

По мнению ряда авторов (А. Баккер, М. Букингом, Д. Вэлла-Бродрик, С. Гейбл, С. Грин, Дж. Даттон, Ст. И. Дональдсон, Ф. Дюбрель, Д. Л. Нельсон, И. Ко, К. Кэмерон, К. Л. Купер, Д. О. Клифтон, Р. Куинн, М. Мильянико, М. Селигман, К. Пейдж, Л. Робертс, Р. Тайаб, Б. Фредриксон, Дж. Хайдт, Дж. К. Хартер, М. Шпрейцер и многие другие), цель позитивной организационной психологии состоит в том, чтобы привести организацию от функционирования к процветанию, другими словами, к той организации, в которой рабочее место *будет способствовать процветанию человека, а следовательно, и процветанию компании.* Иначе говоря, важнейший постулат позитивной организационной психологии заключается в том, что процветание организации могут обеспечить только счастливые, здоровые, психологически благополучные сотрудники, любящие свою работу и рассматривающие ее как среду для раскрытия и реализации своего личностного и профессионального потенциала.

В зарубежной организационной психологии позитивные аспекты функционирования как самой организации, так и человека, в контексте организации, описываются посредством таких психологических конструктов, как «счастье в деятельности», «позитивные организации», «состояние потока», «вовлеченность», «позитивные эмоции», «сильные стороны», «позитивное лидерство», «позитивные организационные процессы», «субъективное благополучие», «позитивное организационное поведение», «позитивное

руководство», «аутентичность отношений», «совместное формирование будущего», «процветание в трудные времена» и многие другие.

В 2021 г. группой испанских исследователей (М. Дель-Рио, М.-К. Нейпп, А. Гарсия-Сельва, А. Соланес-Пучол) в рамках организационной психологии и психологии труда были проведены библиометрический обзор и научный картографический анализ публикаций, который позволил авторам прийти к заключению, что развитие позитивной организационной психологии проходило в три временных периода [2]: первый обширный период – 1904–1994 гг. с очень нерегулярной периодичностью публикаций; второй период инициации – 1995–2007 гг. – с постепенным усилением интереса исследователей к данной проблематике; третий период экспоненциального роста – 2008 г. – по настоящее время, характеризующийся консолидацией интереса к проактивному и позитивному подходам к изучению организаций, которые, как указывает Ф. Лютанс, больше фокусируются «на сильных сторонах, то есть на том, что правильно в организациях, командах, лидерах и сотрудниках, а не о том, что не так» [4].

Проведенный анализ эволюции исследований в области позитивной организационной психологии позволил авторам сделать заключение, что позитивная организационная психология вызывает исследовательский интерес в 123 странах на 5 континентах, но при этом Соединенные Штаты, Великобритания и Нидерланды особенно выделяются своей продуктивностью и широкими международными связями по сотрудничеству в данной области.

Возрастающую популярность позитивной организационной психологии зарубежные авторы связывают также с тем, что современным организациям нужны здоровые и мотивированные сотрудники для сохранения и процветания организаций в сегодняшнее быстро меняющееся время, поскольку именно сотрудники и команды являются самым ценным активом организации и их сохранение будет приобретать все большее значение в будущем. Более того, зарубежные исследователи полагают, что имеющийся сегодня объем литературы по позитивной психологии и благополучию отражает сдвиг парадигмы, а также подтверждает важность описания, измерения и реализации факторов, способствующих психическому здоровью, счастью, вовлеченности и самоактуализации человека.

В целом результаты проведенного теоретического обзора позволяют говорить о том, что в зарубежных исследованиях, выполненных в русле позитивной организационной психологии, авторы преимущественно опираются на такие ключе-

вые теории позитивной психологии, как теория Б. Фредриксона «О расширении и построении положительных эмоций», концепция сильных сторон (М. Селигман, К. Петерсон), модель сильных сторон исследовательского центра Геллапа (Д. Клифтон, Э. Андерсон, М. Бакингом и др.), теория потока (М. Чиксентмихайи), теория самоопределения (Р. М. Райана и Э. Л. Деси), теория надежды (Ч. Р. Снайдер) и модель PERMA М. Селигмана. Результаты многочисленных исследований демонстрируют высокий потенциал применения данных концепций в практике для повышения психологического благополучия и процветания организации.

Ключевые направления исследований зарубежных позитивных организационных психологов

Рамки данной постановочной статьи не позволяют рассмотреть весь многогранный и неоднородный массив исследований, выполненных к настоящему времени в зарубежной позитивной организационной психологии. В связи с этим считаем возможным, ориентируясь на структуру Оксфордского справочника [5], резюмировать свой обзор изложением ключевых направлений, которые представлены в контексте современной зарубежной позитивной организационной психологии.

Первый тематический блок – это «*положительные индивидуальные атрибуты человека в организации*». К нему относятся такие темы, как психологический капитал, просоциальная мотивация, призвания на работе, вовлеченность в работу, позитивная идентичность, проактивность, креативность, любопытство, положительные черты личности и др.

Второй тематический блок включает «*положительные эмоции*». В него входит изучение таких аспектов, как позитивные чувства, позитивная энергия, положительные эмоции, субъективное благополучие, страсть, социально-эмоциональный интеллект, положительные эмоции, настроения, аффекты среди отдельных лиц и групп в организациях.

Третий тематический блок – это «*сильные стороны и добродетели личности в организациях*». К этому пласту относятся изучение сильных сторон и добродетелей в организациях, таких как прощение, смирение, сострадание, надежда, мужество, справедливость, целостность, позитивная этика, а также использование сильных сторон человека на рабочем месте.

Четвертый тематический блок представляет «*позитивные отношения*». Здесь в исследовательское внимание попадают такие вопросы, как

долгосрочные отношения в рабочем коллективе между членами организации, а также анализ динамики в межличностных взаимодействиях, временных связях и организационных процессах, а также рассматриваются темы доверия, надежности и психологической безопасности сотрудника в организации.

Пятый тематический блок – это «*позитивная практика человеческих ресурсов*». В данном контексте в тематическое поле исследователей попадают такие вопросы, как практика управления человеческими ресурсами, в частности позитивные аспекты развития карьеры, наставничество, социализация и многое другое.

Шестой тематический блок включает «*позитивные организационные процессы*». В нем анализируются различные вариации положительной динамики в организациях, а также широкий спектр явлений: находчивость, коллективная эффективность, организационная энергия, инновации.

Седьмой тематический блок – это «*позитивное лидерство и изменения*». Здесь предметом исследования выступают лидерство, ведущее организацию к достижениям и позитивным изменениям, а также стратегии и подходы, способствующие развитию и позитивным организационным изменениям. Более конкретно, это такие вопросы, как атрибуты позитивных изменений, развитие лидерства, максимальная производительность, стратегические изменения и др.

Заметим, что *научные изыскания, выполненные в рамках позитивной организационной психологии, это прежде всего практико-ориентированные исследования, которые с уверенностью можно рассматривать как мощный инструмент повышения продуктивности персонала и экономической прибыли организации.*

Критика в адрес позитивных психологических исследований

Несмотря на существенные продвижения идей позитивной психологии в академических и деловых кругах, следует отметить, что, *во-первых*, еще сохраняется тенденция сосредоточения внимания на том, что нужно исправить, изменить, т.е. на тех аспектах, которые отнюдь не являются вдохновляющими и заряжающими человека энергией. Канадские исследователи М. Мильянико, П. Микелон, Ф. Дюбрель, А. Баккер отмечают, что многие организации и сегодня все еще культивируют так *называемую культуру дефицита позитива*. Иначе говоря, большинство организаций воспринимают сильные стороны сотрудников как должное и вместо этого делают упор на *минимизацию слабых мест*. *Во-вторых*,

несмотря на наблюдающийся бум по использованию в практике организаций позитивных психологических наработок, тем не менее в зарубежных исследованиях можно встретить и критику в адрес самой позитивной психологии и ее использования в организационном контексте. По мнению ряда авторов (Н. Ж. Браун, Ф. Р. Гудмэн, Б. Д. Роббинсон, С. Ротхман, Х. Л. Фридман и др.), конструкции позитивной организационной психологии страдают от так называемой «ошибки звона», т.е. когда прежние психологические конструкции просто «переодеваются в новую одежду». Авторы убеждены в том, что позитивные организационные вмешательства не приводят ни к значительным, ни к устойчивым изменениям в благополучии. Кроме того, по их мнению, позитивной организационной психологии не хватает объединяющей метатеории и крупных серьезных теорий или структур, объясняющих развитие целостного благополучия личности.

Однако можно с уверенностью сказать, что лидеры позитивной организационной психологии данную критику оценивают как мотивационный стимул в пользу проведения дальнейших теоретико-экспериментальных исследований в области позитивной организационной психологии.

Перспективы развития позитивной организационной психологии

В завершение обзора хотелось бы остановиться на представлениях, имеющихся на сегодняшний день у зарубежных авторов в отношении перспектив развития позитивной организационной психологии. Согласно мнению многих авторов (Ст. И. Дональдсон, Л. Э. Ван Зил, Ск. И. Дональдсон, М. Дель-Рио и др.), экспоненциальный рост работ может указывать на то, что дисциплина «позитивная организационная психология» находится на горизонте новой волны исследований, инноваций и идей, которые уже в самом ближайшем будущем могут коренным образом изменить ее дискурс. Новую волну исследований и инноваций в области позитивной организационной психологии многие зарубежные авторы связывают с массовым внедрением систем искусственного интеллекта, машинного обучения, аналитикой социальных сетей, анализом больших данных и т.п. В частности, Р. Башир, С. Грир, А.Г. Данн, А. Кокабалли, Л. Ларанджо, Дж. Москович, Д. Рамо, Х. Л. Тонг, Д. Харитос, Ю. Чанг, Д. Чен, М. Фу в ближайшее время прогнозируют рост позитивных психологических вмешательств в организациях, управляемых искусственным интеллектом: начиная от коучинга и заканчивая чат-ботами, направленными на повышение благополучия.

Заключение

Проведенный обзор зарубежных публикаций позволяет сделать следующие заключения.

Во-первых, формированию новой междисциплинарной области научного знания – позитивной организационной психологии – предшествовал длительный период накопления богатейшего теоретического и эмпирического материала в области психологии труда, организационной психологии, эргономики, гуманистической психологии и др. Однако пусковым механизмом тематизации данной области научного знания и практики, безусловно, послужили возникновение и бурное развитие, а также популяризация позитивной психологии.

Во-вторых, обзор зарубежных современных публикаций, выполненных в рамках позитивной организационной психологии, показал стремительный рост исследовательского интереса к изучению позитивных аспектов жизнедеятельности человека на работе и функционирования организаций. Имеющиеся на сегодняшний день разработки позитивной психологии не только постоянно находятся под пристальным вниманием западных исследователей, но и вызывают повышенный интерес со стороны практиков – организационных психологов, директоров по счастью, руководителей, коучей, бизнес-тренеров.

В-третьих, содержательная многогранность понятий и тем, входящих в семантическое поле зарубежной позитивной организационной психологии, связана с позитивными аспектами функционирования как самой организации, так и человека в контексте организации, а также отражает потребность в интеграции теории позитивной психологии и организационной практики. Позитивная организационная психология представляет собой зонтичную концепцию, теоретические границы проблематики которой очерчены, с одной стороны, осмыслением теоретических концепций, имеющихся в позитивной психологии, а с другой – анализом результатов исследований, достижений позитивной психологии и мотивацией внедрения лучших практик в жизнь человека и организаций в сегодняшнее турбулентное время, с постоянно возрастающей стрессогенностью жизни.

В-четвертых, несмотря на то, что в настоящее время можно с уверенностью говорить о возрастающей популярности позитивной организационной психологии и ее поступательной динамике в развитии и формировании как отдельной области психологической науки, тем не менее стоит отметить, что в зарубежных междисциплинарных исследованиях остается место для дискуссий между сторонниками и противниками использования позитивных линз для фокусировки и решения тех или иных организационных задач.

В-пятых, экспоненциальный рост исследований, выполненных в рамках зарубежной позитивной организационной психологии, не только свидетельствует о ее практической востребованности и актуальности, но и открывает новые горизонты исследований, которые уже в самом ближайшем будущем могут коренным образом изменить магистральные направления исследований. Так, новую волну исследований и инноваций в области позитивной организационной психологии зарубежные авторы связывают с массовым внедрением систем искусственного интеллекта, машинного обучения, аналитикой социальных сетей, анализом больших данных и т.п.

В заключение отметим, что данная статья носит постановочный характер и не претендует на то, чтобы охватить весь концептуальный ландшафт тем и представить точный количественный анализ публикаций, имеющихся в современной позитивной организационной психологии. Тем не менее мы стремились очертить наиболее актуальные, значимые темы, находящиеся на сегодняшний день в фокусе внимания зарубежных исследователей и практиков, и вместе с тем ставили перед собой задачу привлечь внимание отечественных специалистов-практиков к вопросам использования имеющихся наработок в позитивной организационной психологии в практической деятельности.

Список литературы

1. Куинн Е. Позитивная организация: освобождение от стереотипов, принуждения, консерватизма. М. : Олимп-Бизнес, 2018. 208 с.
2. Дель-Рио М., Нейтн М.-К., Гарсия-Сельва А., Соланес-Пучол А. Позитивная организационная психология : библиометрический обзор и анализ научных карт // Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения. 2021. <https://doi.org/10.3390/ijerph18105222>
3. Дональдсон Ст., Ко И. Позитивная организационная психология, поведение и наука: обзор новой литературы и доказательной базы // Журнал позитивной психологии. 2010. <https://doi.org/10.1080/17439761003790930>
4. Лютанс Ф., Брод Д. Положительный психологический капитал, помогающий бороться с последствиями пандемии и среды VUCA для психического здоровья // Организационная динамика. 2020. <https://doi.org/10.1080/17439761003790930>
5. Кэмерон К., Спрейцер Г. Введение : что положительного в положительной организационной схоластике? // Оксфордский справочник позитивной организационной стипендии. 2012. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199734610.013.0001>

References

1. Quinn E. *Pozitivnaya organizatsiya: osvobozhdenie ot stereotipov, prinuzhdeniya, konservatizma* [The Positive Organization: Breaking Free from Conventional Cultures, Constraints, and Beliefs]. Moscow, Olymp-Business Publ., 2018. 208 p. (in Russian).
2. Martín-Del-Río B., Neipp M.-K., García-Selva A., Solanes-Puchol A. Positive organizational psychology: A Bibliometric review and science mapping analysis. *Mezhdunarodnyi zhurnal ekologicheskikh issledovaniy i obschestvennogo zdravookhraneniya* [International Journal of Environmental Research and Public Health], 2021. <https://doi.org/10.3390/ijerph18105222>
3. Donaldson St., Ko I. Positive organizational psychology, behavior, and scholarship: A review of the emerging literature and evidence base. *Journal of Positive Psychology*, 2010. <https://doi.org/10.1080/17439761003790930>
4. Luthans F., Broad J. Positive psychological capital to help combat the mental health fallout from the pandemic and VUCA environment. *Organizational Dynamics*, 2020. <https://doi.org/10.1080/17439761003790930>
5. Cameron K., Spreitzer G. Introduction: What Is Positive About Positive Organizational Scholarship? *The Oxford Handbook of Positive Organizational Scholarship*, 2012. <https://doi.org/10.1093/oxford-hb/9780199734610.013.0001>

Поступила в редакцию 07.06.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 07.06.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 322–326

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 322–326

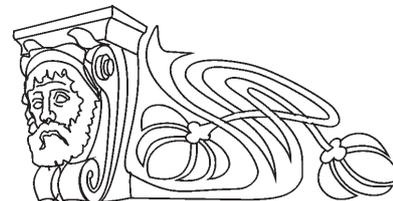
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-322-326>

Научная статья

УДК 159.97

Нарушение социального восприятия у больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом

С. Л. Руденко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

Руденко Светлана Львовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, rudenkosl.r1@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Аннотация. Введение. Исследование ориентировано на выявление дезориентации в общении больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом. Показаны недостаточная научная разработанность и высокая медико-социальная значимость темы. Высказано предположение о том, что больные имеют выраженное нарушение социального восприятия, взаимосвязанное с позитивными, негативными симптомами и качеством жизни. **Эмпирический анализ.** Результаты исследования показали значительные трудности перцепции и интерпретации социальной информации, взаимосвязанные с клинической симптоматикой. Ведущую роль играют ригидность, стереотипность мышления, определяющие фрагментарность и поверхностность перцепции эмоций, а также элементы бредовых идей и галлюцинаций, искажающие понимание социальных ситуаций. С течением заболевания формируются неадекватно завышенные оценки жизни. Социальная ангедония опосредует влияние клинической симптоматики на социальное восприятие, стабилизируя дефициты социальной перцепции и интеллекта. Стаж заболевания способствует удовлетворенности жизнью в связи с защитным самоотношением и примирением со статусом «инвалид». **Заключение.** Больные имеют выраженные трудности распознавания эмоций по мимике, позе и жестам, связанные с позитивными и негативными симптомами. Повышение субъективной оценки аспектов жизнедеятельности в социуме отражает защитное мировосприятие и самоотношение, а также нисходящий дрейф стандартов. **Ключевые слова:** невротоподобная шизофрения, обсессивно-фобический синдром, социальное восприятие, качество жизни

Для цитирования: Руденко С. Л. Нарушение социального восприятия у больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 322–326. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-322-326>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Violation of social perception in patients with neurosis-like schizophrenia with obsessive-phobic syndrome

S. L. Rudenko

Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya St., Belgorod 308007, Russia

Svetlana L. Rudenko, rudenkosl.r1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Abstract. Introduction. The study is focused on identifying disorientation in the communication of patients with neurosis-like schizophrenia with obsessive-phobic syndrome. Insufficient scientific development and high medical and social significance of the topic are shown. The assumption is formulated that patients have a pronounced violation of social perception, interconnected with positive, negative symptoms and quality of life. **Empirical analysis.** The results of the study showed significant difficulties of perception and interpretation of social information, interrelated with clinical symptoms. The leading role is played by rigidity, stereotyped thinking, which determine the fragmentary and superficial perception of emotions, as well as elements of delusional ideas and hallucinations that distort the understanding of social situations. Over the course of the disease, inadequately inflated estimates of life are formed. Social anhedonia mediates the influence of clinical symptoms on social perception, stabilizing the deficits of social perception and intelligence. The length of the disease contributes to life satisfaction in connection with a protective self-attitude and reconciliation with the status of “disabled”. **Conclusion.** Patients have pronounced difficulties recognizing emotions by facial expressions, posture and gestures associated with positive and negative symptoms. An increase in the subjective assessment of aspects of life in society reflects a protective worldview and self-attitude, as well as a downward drift of standards.

Keywords: neurosis-like schizophrenia, obsessive-phobic syndrome, social perception, quality of life

For citation: Rudenko S. L. Violation of social perception in patients with neurosis-like schizophrenia with obsessive-phobic syndrome. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 322–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-322-326>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение когнитивных нарушений при шизофрении – один из основных векторов медико-психологических исследований последних десятилетий. Специфические маркеры познавательной сферы больных в литературе трактуются противоречиво, как преморбидные особенности, задающие патогенез заболевания [1, р. 21–42; 2, р. 30–32] и как следствие шизофрении [3]. Интерес к социальному восприятию стал результатом разработки проблемы когнитивного дефицита. Через призму модели психического, утверждающей способность рефлексировать свои переживания, понимать других, стали обосновываться нарушения декодирования эмоций при шизофрении [4].

Проведены исследования особенностей распознавания больными эмоций по лицу, позе и жестам. Описаны нарушения социальной перцепции, препятствующие определению реакций и пониманию нюансировки социальных ситуаций. Больные неверно считают эмоциональные паттерны в связи со слабой направленностью на эмоциональные стимулы и избыточным эгоцентризмом. Они ограничены в антиципации сценариев взаимодействия людей и не имеют поведенческих навыков преодоления конфликтов [5, 6].

Обобщение когнитивных и социальных изменений при шизофрении четко отражено в теории социальных когниций, постулирующей проблемы в сфере социальных отношений следствием нарушения социального восприятия. Разработаны программы коррекции нарушений социальной перцепции и интеллекта, способствующие повышению уровня социальной интеграции и активности больных [7, 8].

Несмотря на давнюю историю изучения шизофрении, основные разработки проблемы социального восприятия велись на параноидной модели [9]. Вопрос специфики мета-репрезентаций у больных с «мягкими» формами рассматривался в единичных исследованиях [10].

Невротоподобная шизофрения приводит к частым госпитализациям в психиатрический стационар, дестабилизирует в обществе и снижает качество жизни. Однако сегодня, как и ранее, ощущается дефицит дифференциально-диагностических оснований [10]. Особый интерес представляет когорта лиц с обсессивно-фобическими симптомами. Относительная «стертость» маркеров шизофренического процесса затрудняет поиск путей улучшения состояния больных, что ведет к их инвалидизации [11].

Изучению особенностей социального восприятия как диагностически значимого критерия

впервые уделили внимание за рубежом и спустя десятилетие в отечественном пространстве. Описан ригидный когнитивный стиль, провоцирующий избирательную фильтрацию, подмену смыслов либо полное игнорирование социальной информации. Обозначена недостаточность ресурса восприятия интенсивности экспрессии и определения ее модальности. Больные недооценивают выраженность эмоций, неверно определяют состояния. Показано, что выявленные дефициты фиксируются еще в преморбиде. Следствием оказывается ограниченность поведенческих стратегий [12].

Серьезные проблемы дифференциальной диагностики и неблагоприятные исходы невротоподобной шизофрении подтверждают высокую медико-социальную значимость и актуальность данного направления научного поиска.

Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи нарушения социального восприятия больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом с позитивными, негативными симптомами и качеством их жизни.

Гипотеза исследования: у больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом проявляется выраженное нарушение социального восприятия, взаимосвязанное с позитивными, негативными симптомами и качеством жизни.

Эмпирический анализ

В исследовании применены следующие методики:

1. Клинико-психопатологический статус больных описан посредством шкалы «PANSS» S. R. Kay, L. A. Opler, A. Fiszbein – С. Н. Мосолова.

2. Оценка социального восприятия осуществлена с использованием тестов «Распознавание эмоций» Н. Г. Гаранян, «Поза и жест» Н. С. Курека, «Социальный интеллект» J. P. Guilford, M. O. Sullivan – Е. С. Михайловой.

3. Изучение удовлетворенности жизнью реализовано посредством «ВОЗ КЖ-100», ВОЗ - СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева.

Данные обработаны в программе SPSS Statistics 17.0.1. Рассчитаны средние величины, стандартное отклонение, различия на основе *F*-критерия Фишера. Выполнен корреляционный анализ Спирмена.

Участники исследования. В исследовании приняли участие 240 человек, в том числе 120 больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом (*F*-21.3). Длительность заболевания от 1 до 25 лет (12.75 ± 1.27 лет). На момент обследования все больные находились в стадии ремиссии. Пси-

ходиагностика состоялась на базе бюро МСЭ г. Белгорода в рамках освидетельствования. Применялись следующие критерии отбора:

непсихотический уровень проявления заболевания;

стабильность обсессивно-фобической симптоматики;

низкий темп прогрессивности заболевания.

Исключались лица с обсессивно-компульсивным расстройством.

Группу контраста составили 120 здоровых людей. Критерием включения явилось отсутствие психического расстройства. Значимые расхождения с основной группой в половом (60 мужчин и 60 женщин) и возрастном (от 25 до 50 лет, 37.5 ± 1.67 лет) планах отсутствуют.

Результаты. Изучение клинических особенностей больных шизофренией реализовано с помощью шкалы «PANSS». Отмечается преобладание негативных симптомов (4.3 ± 0.11) умеренной степени в сопоставлении с позитивными (3.55 ± 0.07), проявляющимися слабо.

Изучение социального восприятия выступило центральным этапом настоящего исследования. Согласно тесту «Распознавание эмоций» больные ошибочно расшифровывают эмоции, выражаемые мимикой (7.5 ± 0.81). Результаты теста «Поза и жест» аналогичны, отражают выраженные трудности, которые имеют больные (7.68 ± 0.92) в сравнении с оптимальными показателями здоровых людей ($p \leq 0.05$).

Больные обнаруживают почти полную неспособность к распознаванию страдания и страха. Выявлен низкий уровень определения презрения и удивления. Более доступно распознавание гнева и радости. Мимическое выражение всех сложных эмоций истолковывается с большим количеством ошибок.

Показатели теста «Социальный интеллект» являются критически низкими. Обнаружены существенные трудности анализа социальных ситуаций. Обследуемые ошибочно интерпретируют коммуникативные послы без учета контекста ситуаций взаимодействия. В общении наблюдается ролевая ригидность, невосприимчивость к обратной связи и критике. Отсутствует интерес к социальным проблемам. Различия между показателями больных и здоровых обследуемых значимы ($p \leq 0.05$).

Определение тесноты связей нозоспецифических симптомов и психологических характеристик реализовано посредством ранговой корреляции Спирмена. В группе больных социальный интеллект тем более нарушен, чем ярче клиническая симптоматика. Ригидность, стереотипность мышления определяют фраг-

ментарность и поверхностность перцепции эмоций. Элементы бредовых идей и смутные патологические восприятия искажают понимание, целостный взгляд на ситуацию, вызывают амбивалентное отношение к межличностным контактам. Как результат имеют место паралогичное разрешение проблем и общая нелепость социального поведения. Данные особенности создают условия усиления симптоматики и вторичного нарушения социального восприятия.

Согласно «ВОЗ КЖ-100» у больных отмечается достаточно высокая в сравнении с нормой (14–20 баллов) удовлетворенность жизнью. Они считают себя работоспособными и отрицают потребности в дополнительном отдыхе, высоко оценивают познавательные функции и обучаемость, способность испытывать положительные эмоции и контролировать отрицательные, возможность следовать личным убеждениям и принципам, игнорируют необходимость лечения. Различия между показателями больных и здоровых обследуемых значимы ($p \leq 0.05$).

Подтвердим наличие связей параметров социального восприятия с качеством жизни больных посредством корреляционного анализа. В группе больных суммарные показатели по тестам «Распознавание эмоций» ($p = 0,01$) и «Поза и жест» ($p = 0,02$), а также композитная оценка теста «Социальный интеллект» ($p = 0,01$) имеют статистически достоверную обратную связь с суммарным показателем качества жизни. Обнаруживается взаимосвязь между точностью распознавания эмоций и уровнем удовлетворенности жизнью.

Обсуждение результатов

Показатели социального восприятия у больных статистически значимо ниже, чем у здоровых обследуемых. Низкие оценки по тестам социальной перцепции отражают выраженные трудности идентификации состояний по мимической и пантомимической экспрессии. Аналогичные результаты диагностики социального интеллекта указывают на существенные сложности анализа социальных ситуаций. Обследуемые ошибочно истолковывают коммуникативные послы без учета контекста ситуаций взаимодействия. В общении наблюдается ролевая ригидность, невосприимчивость к критике, отсутствует интерес к социальным проблемам, отмечается слабая гедонистическая составляющая общения. Можно предположить, что социальная ангедония опосредует влияние клинической симптоматики на социальное восприятие больных, стабилизирует дефициты социальной перцепции и интеллекта, а также

задает тенденцию интенсификации нарушения социального восприятия по мере увеличения тяжести состояния.

Результаты подтвердили гипотезу. Действительно, у больных с обсессивно-фобическим синдромом проявляется выраженное нарушение социального восприятия, взаимосвязанное с позитивными, негативными симптомами и качеством жизни.

Исследование субъективного благополучия больных показало завышенные оценки, но не достигающие уровня здоровых обследуемых. Наибольшая близость показателей групп обнаруживается в аспекте социальных отношений. Больные имеют значительные трудности выстраивания личных отношений, объясняющие сниженную сексуальную активность, а также дефицит социальной поддержки. Установлено, чем более дефицитарна субсфера, тем более высоко она оценивается. В основе – защитное мировосприятие и самоотношение. Также может влиять статус «инвалид», который задает диапазон функционирования. В отсутствие сравнения больные оказываются удовлетворенными своим положением и жизнью в целом, что объяснимо нисходящим дрейфом стандартов.

Дефицит способности выстраивать социальные метарепрезентации ассоциирован с активацией защитных механизмов, искажающих представление больного о собственном благополучии. Дефект в области социального восприятия обуславливает завышенную оценку уровня качества жизни в основном вследствие недостаточной критичности и вторично в связи с неосознаваемыми защитными механизмами.

Таким образом, искаженное понимание ситуаций общения приводит к неэффективности социального взаимодействия. Происходит снижение настроения, возникает тревога перед контактами с людьми, со временем нарастают пассивность, социальная отгороженность. Отмечаются неадекватно завышенные субъективные оценки субсфер жизни, что отражает взаимосвязь и взаимообусловленность исследуемых параметров.

Заключение

Больные невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом имеют выраженную социальную ангедонию, определяющую искажение мотивационной установки в форме отказа от общения. Данный контингент сталкивается с трудностями распознавания эмоций по лицу, позе и жестам. Мимическое выражение всех сложных эмоций истолковывается с ошибками. Обнаруживаются существенные

сложности анализа социальных ситуаций. Обследуемые истолковывают коммуникативные послы без учета контекста взаимодействия людей. Выраженное нарушение социального восприятия больных невротоподобной шизофренией с обсессивно-фобическим синдромом взаимосвязано с позитивными, негативными симптомами и качеством жизни. Формирование дефекта социального восприятия определяет повышение субъективной оценки аспектов жизнедеятельности в социуме, что отражает защитное мировосприятие и самоотношение.

Список литературы

1. Brune M. D. «Theory of mind» in Schizophrenia. London : Meaning, 2005. 225 p.
2. Green M. F. Schizophrenia from a neurocognitive perspective: probing the impenetrable darkness. Boston : Allyn & Bacon, 1998. 190 p.
3. Langdon R., Coltheart M., Ward P. B., Catts S. V. Disturbed communication in schizophrenia: The role of poor pragmatics and poor mind-reading // Psychological medicine. 2002. Vol. 32. P. 1273–1284.
4. Baron-Cohen S. How to build a baby that can read minds: cognitive mechanisms in mind reading. London : Advance, 1994. 513 p.
5. Гараян Н. Г. Соотношение положительных и отрицательных эмоций у больных шизофренией : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. 1986. 23 с.
6. Курек Н. С. Исследование эмоциональной сферы больных шизофренией на модели распознавания эмоций по невербальной экспрессии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1986. Т. 93, № 12. С. 160–161.
7. Иванов М. В., Незнанов Н. Г. Негативные и когнитивные расстройства при эндогенных психозах: диагностика, клиника, терапия. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 2008. 288 с.
8. Смугевич А. Б. К психопатологической характеристике вялотекущей шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2009. № 11. С. 4–15.
9. Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении : мотивация, общение, познание. М. : Наука, 1991. 254 с.
10. Павличенко А. В. Множественные тревожно-фобические и обсессивно-компульсивные состояния при расстройствах шизофренического спектра (феноменология, динамика, коморбидность) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2007. 22 с.
11. Toomey R., Schuldberg D., Corrigan P. W. Nonverbal social perception and symptomatology in schizophrenia. London : London Press, 2002. 153 p.
12. Хломов Д. Н. Особенности восприятия межличностного взаимодействия больными шизофренией // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1984. Т. 19, № 12. С. 121–131.

References

1. Brune M. D. *“Theory of mind” in Schizophrenia*. London, Meaning, 2005. 225 p.
2. Green M. F. *Schizophrenia from a neurocognitive perspective: probing the impenetrable darkness*. Boston, Allyn & Bacon, 1998. 190 p.
3. Langdon R., Coltheart M., Ward P. B., Catts S. V. Disturbed communication in schizophrenia: The role of poor pragmatics and poor mind-reading. *Psychological Medicine*, 2002, vol. 32, pp. 1273–1284.
4. Baron-Cohen S. *How to build a baby that can read minds: cognitive mechanisms in mind reading*. London, Advance, 1994. 513 p.
5. Garanjan N. G. The ratio of positive and negative emotions in patients with schizophrenia. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 1986. 23 p. (in Russian).
6. Kurek N. S. The study of the emotional sphere of patients with schizophrenia on the model of emotion recognition by nonverbal expression. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov], 1986, vol. 93, no. 12, pp. 160–161 (in Russian).
7. Ivanov M. V., Neznanov N. G. *Negativnye i kognitivnye rasstrojstva pri jendogennyh psihozah: diagnostika, klinika, terapiya* [Negative and Cognitive Disorders in Endogenous Psychoses: Diagnosis, Clinic, Therapy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo of the St. Petersburg Research Psychoneurological Institute named after V. M. Behtereva, 2008. 288 p. (in Russian).
8. Smulevich A. B. On the psychopathological characteristics of sluggish schizophrenia. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov], 2009, no. 11, pp. 4–15 (in Russian).
9. Kritskaja V. P., Meleshko T. K., Poljakov Ju. F. *Patologija psihicheskoj dejatel'nosti pri shizofrenii: motivatsija, obshhenie, poznanie* [Pathology of Mental Activity in Schizophrenia: Motivation, Communication, Cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 254 p. (in Russian).
10. Pavlichenko A. V. *Multiple Anxiety-Phobic and Obsessive-Compulsive States in Schizophrenic Spectrum Disorders (Phenomenology, Dynamics, Comorbidity)*. Thesis Diss. Cand. Sci (Med.). Moscow, 2007. 22 p. (in Russian).
11. Toomey R., Schuldberg D., Corrigan P. W. *Nonverbal Social Perception and Symptomatology in Schizophrenia*. London, London Press, 2002. 153 p.
12. Hlomov D. N. Features of perception of interpersonal interaction by patients with schizophrenia. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov], 1984, vol. 19, no. 12, pp. 121–131 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 27.03.2022; approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 327–332
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 327–332
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-327-332>

Научная статья
УДК 159.95:616.8

Специфика речевой межполушарной асимметрии при афазических расстройствах и ее влияние на количественные показатели речевой перцепции и динамику афазии

К. М. Шипкова

Московский НИИ психиатрии – филиал ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, 119034, Россия, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23

Шипкова Каринэ Маратовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологического консультирования, karina.shipkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>

Аннотация. Введение. Методика дихотического прослушивания более 50 лет широко используется в нейропсихологической практике как надежный метод латеральности слухоречевой асимметрии. **Теоретический анализ.** Большинство исследований дихотического прослушивания при афазии отличаются небольшим объемом и разбросом демографических показателей выборок, неучет типа, степени грубости, давности афазии и топических характеристик очага. Это затрудняет ответы на вопросы: 1) определяется ли вектор слухоречевой асимметрии при афазии возрастом, типом и степенью грубости нарушений; 2) влияет ли вектор слухоречевого восприятия на динамику восстановления афазии. **Цель исследования:** влияние количественных показателей дихотического прослушивания на динамику восстановления речи при афазии. **Эмпирический анализ. Материал.** В исследовании приняли участие пациенты (N = 109) с травматической и постинсультной эфферентной моторной (50,7±10,1 лет) и акустико-мнестической (54,4 ± 8,2 лет) афазией легкой и средней степени грубости нарушений речи. **Методы.** Методика дихотического прослушивания Д. Кимура в модификации Б. С. Котик; методика оценки речи при афазии Л. С. Цветковой, Т. В. Ахутиной, Н. М. Пылаевой. Оценка речи проводилась дважды: до и после завершения 6-недельного курса речевой реабилитации. **Результаты.** Обнаружен различный доминирующий профиль латерализации ведущего уха в задаче дихотического прослушивания при эфферентной моторной и акустико-мнестической афазии. При эфферентной моторной афазии наблюдается амбидекстрия в слухоречевом восприятии. Эффективность дихотического прослушивания при эфферентной моторной афазии повышается с повышением продуктивности левого уха и снижается с повышением продуктивности правого уха. При акустико-мнестической афазии наблюдается выраженный эффект угнетения правого уха. Его продуктивность значительно ниже продуктивности левого уха и этого показателя у группы эфферентной моторной афазии. Эффективность дихотического прослушивания при акустико-мнестической афазии не выявляет корреляции с параметрами продуктивности правого и левого уха. Группы различались динамикой темпа регресса речевых нарушений. В группе акустико-мнестической афазии она была в 2,5 раза выше, чем в группе эфферентной моторной афазии. **Заключение.** Правополушарная латерализация слухоречевого восприятия положительно коррелирует с темпом регресса афазических нарушений. Дальнейшие исследования должны ответить на вопрос о констелляциях факторов и их иерархических взаимоотношений, определяющих положительную динамику восстановления афазических расстройств.

Ключевые слова: афазия, восстановление речи, дихотическое прослушивание, правое полушарие, межполушарная асимметрия, межполушарное взаимодействие, ведущее ухо

Для цитирования: Шипкова К. М. Специфика речевой межполушарной асимметрии при афазических расстройствах и ее влияние на количественные показатели речевой перцепции и динамику афазии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 327–332. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-327-332>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The character of interhemispheric speech asymmetry in aphasia disorders and its influence on quantitative markers of speech perception and aphasia dynamics

K. M. Shipkova

Moscow Research Institute of Psychiatry – the branch of V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, 23 Kropotkinskij all., Moscow 119034, Russia

Karine M. Shipkova, karina.shipkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>

Abstract. Introduction. In neuropsychological practice the dichotic listening task has been widely used for more than 50 years as a valid test for determining the laterality of auditory speech asymmetry. **Theoretical analysis.** Most of the studies of the dichotic listening task in aphasia

are characterized by small sample groups, a wide demographic features of them, lack attention to the type and aphasia severity, a size of local brain damage as well. Without taking into account these important factors it is difficult to answer to some questions: 1. whether the vector of auditory speech asymmetry is determined by the age, type and aphasia severity; 2. whether the laterality of auditory speech asymmetry affects the dynamics of aphasia recovery. *The aim of the study:* the connection between quantitative parameters of the dichotic listening task and the dynamics of aphasia regression. *Empirical analysis. Material.* The study involved patients (N = 109) with traumatic and post-stroke efferent motor (50.7 ± 10.1 years) and acoustic mnestic (54.4 ± 8.2 years) aphasia of mild and moderate severity of speech disorders. *Methods.* Kimura's dichotic listening task modified by B. S. Kotik; the quantitative assessment of speech in aphasia L. S. Tsvetkova, T. V. Akhutina, N. M. Pylaeva. The speech assessment was carried out twice: before and after a 6-week course of speech rehabilitation. *Results.* Between efferent motor and acoustic mnestic aphasia groups the difference in the laterality of ear superiority was revealed. The efferent motor aphasia group shows the ambidextrous pattern in auditory perception. The dichotic listening task efficiency increases with a burst of the left ear productivity and vice versa with the right ear. The acoustic mnestic aphasia group presents a pronounced effect of the right ear suppression. Its productivity is significantly lower than the productivity of the left ear and the same indicator of the efferent motor aphasia group. The effectiveness of the dichotic listening task in the acoustic mnestic aphasia group does not exhibit a correlation with the parameters of productivity of the right or left ear. The aphasia groups vary in the dynamics of aphasia regression. In the acoustic mnestic aphasia group, this dynamics was 2.5 times higher than in the efferent motor aphasia group. *Conclusion.* The right hemisphere laterality in auditory speech perception correlates positively with the dynamics of aphasia regression. Further research should find an answer to the question of the constellations of significant factors and their hierarchical relationships that could determine the positive dynamics of recovery of aphasic disorders.

Keywords: aphasia, speech recovery, dichotic listening task, right hemisphere, interhemispheric asymmetry, interhemispheric interaction, ear superiority

For citation: Shipkova K. M. The character of interhemispheric speech asymmetry in aphasia disorders and its influence on quantitative markers of speech perception and aphasia dynamics. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 327–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-327-332>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Нарушение речи – афазия, часто встречающееся нейрокогнитивное расстройство левополушарных поражений мозга [1], которое при неполном восстановлении речи в раннем периоде заболевания хронифицируется, что отражается в снижении дальнейшей динамики ее восстановления [2]. Коммуникативный дефицит снижает качество жизни субъекта [3], возможность его ресоциализации и поведенческой реадaptации [4, 5]. Динамические характеристики нейропсихологического синдрома афазии свидетельствуют о том, что одностороннее поражение мозга влияет на механизмы комплементарности и реципрокности в межполушарном взаимодействии [6, 7]. С одной стороны, патологический очаг оказывает тормозящее влияние на интактное полушарие – механизм реципрокности. Этот механизм выражается в угнетении собственно правополушарных функций преимущественно в гомологичных отделах мозга. Например, при сенсорной афазии наблюдаются симптомы амузии, характерные для поражения правого полушария. С другой стороны, поражение левого полушария активизирует структуры здорового правого полушария с целью компенсации функционального речевого дефицита – механизм комплементарности [8–10]. Таким образом, ослабление одних и усиление других механизмов позволяет осуществиться межполушарной реорганизации нарушенной речевой функции. Представления о межполушарной реорганизации нарушенных

психических процессов недостаточно отражены в отечественной нейропсихологии, традиционно рассматривающей этот путь компенсации как характерный для левой или правой с наследственным левшеством. При этом специфика речевой межполушарной асимметрии при афазии свидетельствует о том, что у подавляющего большинства пациентов с афазией выявляется преимущество не правого, как в норме, а левого уха в слухоречевом восприятии. Левосторонняя латерализация слухоречевого восприятия при афазии рассматривается как проявление уже состоявшейся мозговой реорганизации речи с установлением правополушарного доминирования в речевых процессах [2, 5, 6, 11]. Большинство исследований дихотического прослушивания при афазии отличают небольшой объем и разброс демографических показателей выборок, неучет типа, степени грубости, давности афазии и топических характеристик очага, что затрудняет нахождение ответов на важные для нейропсихологической реабилитации вопросы: 1) определяется ли профиль слухоречевой асимметрии при афазии типом, степенью грубости нарушений, возрастом пациента; 2) влияет ли вектор слухоречевого восприятия на динамику восстановления афазических расстройств. Это способствует развитию существующих и разработке новых подходов и методологии нейропсихологической реабилитации. *Цель исследования* – изучение влияния количественных показателей дихотического прослушивания на динамику восстановления речи при афазии.

Материалы и методы

Материал исследования. Пациенты (N=109) с постинсультной и травматической эфферентной моторной и акустико-мнестической афазией средней и легкой степени грубости дефекта и давностью заболевания не более 5 лет. Возраст: группа с эфферентной моторной афазией – $50,7 \pm 10,1$ лет; группа с акустико-мнестической афазией – $54,4 \pm 8,2$ лет. Пациенты были правшами, не имели в анамнезе хронических психических, неврологических заболеваний и нейросенсорной тугоухости (табл. 1). То-

пика очага поражения была верифицирована данными МРТ-, КТ-исследований: группа с эфферентной моторной афазией – поражение лобной, лобно-теменной или заднелобно-передневисочной областей левого полушария; группа с акустико-мнестической афазией – поражение височных, височно-теменных или височно-затылочных отделов левого полушария. Вся выборка проходила 6-недельный курс речевой нейрореабилитации, включающий групповые, индивидуальные занятия с логопедом и нейропсихологом.

Таблица 1 / Table 1

Демографические и речевые характеристики групп с афазией
Demographic and speech characteristics of aphasia groups

Тип афазии	Количество	Возраст	Давность афазии
Эфферентная моторная афазия	57	$50,7 \pm 10,1$	$2,3 \pm 0,4$
Акустико-мнестическая афазия	52	$54,4 \pm 8,2$	$2 \pm 0,4$
t-критерий	–	$2,1 p = 0,038$	–

Примечание. В табл. 1 и 2 эфферентная моторная афазия – группа эфферентной моторной афазии; акустико-мнестическая афазия – группа акустико-мнестической афазии; $M \pm \sigma$ – среднее значение и стандартное отклонение.

Методы исследования – методика количественной оценки речи при афазии (КОР) [12], методика дихотического прослушивания [13] в модификации Б. С. Котик [14]. Тестирование проводилось дважды до начала и после завершения курса речевой нейрореабилитации. КОР состоит из 10 шкал (макс. 300 баллов) и оценивает показатели импрессивной и экспрессивной речи. С помощью методики дихотического прослушивания определялись вектор и выраженность латерализации слухоречевой асимметрии.

Параметры анализа. Оценивалась продуктивность правого и левого уха – количество слов, воспроизведенных соответственно с правого и левого уха; эффективность слухоре-

чевого восприятия – количество допущенных ошибок; динамика количественных показателей речи – $KOP_2 - KOP_1$.

Статистическая обработка данных. r_s – критерий Спирмена, t-критерий Стьюдента. Различия считались достоверными при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

Группы с афазией значимо не различались по исходной степени грубости речевого дефекта (табл. 2), но одновременно с этим различались по возрастному составу пациентов: в группе с эфферентной моторной афазией доля пациентов среднего возраста была несколько выше, чем в группе с акустико-мнестической афазией (см. табл. 1).

Таблица 2 / Table 2

Динамика речи и показатели дихотического прослушивания у пациентов с разными типами афазии
Speech dynamics and indicators of the dichotic listening task parameters in patients with different aphasia types

Тип афазии	Количественные показатели речи до начала и после окончания курса речевой нейрореабилитации			Показатели дихотического прослушивания		
	KOP_1	M_o	$KOP_2 - KOP_1$	$\Sigma ПУ$	$\Sigma ЛУ$	$\Sigma О$
Эфферентная моторная афазия	$229,9 \pm 28,2$	231	$9,9 \pm 5,3$	$15,3 \pm 12,3$	$15,2 \pm 10,9$	$14 \pm 8,8$
Акустико-мнестическая афазия	$224,9 \pm 31,9$	231	$22,1 \pm 19,9$	$8,9 \pm 12,3$	$17,7 \pm 13,1$	$12,9 \pm 8,2$
t-критерий	1,4 n.s.	–	$4,3 p = 0,00$	$2,7 p = 0,008$	1,1 n.s.	0,7 n.s.

Примечание. n.s. – незначимые различия; KOP_1 – первичная диагностика количественных показателей речи; M_o – мода, $KOP_2 - KOP_1$ – динамика речи; $\Sigma ПУ$ – количество слов, воспроизведенных с правого уха; $\Sigma ЛУ$ – количество слов, воспроизведенных с левого уха; $\Sigma О$ – количество ошибок.

Хотя в обеих группах отмечена зависимость продуктивности правого уха от исходной степени грубости афазии, при эфферентной моторной афазии (табл. 3), в сравнении с акустико-мнестической афазией (табл. 4), формируется более выраженная корреляционная связь между этими параметрами.

Таблица 3 / Table 3

Корреляция между показателями дихотического прослушивания и баллом КОР₁ при эфферентной моторной афазии (r_s -критерий)
Correlation between the dichotic listening task parameters and the COR₁ score in efferent motor aphasia (r_s -criteria)

Показатели	ΣПУ	ΣЛУ	ΣО
КОР ₁	0,58***	-0,21	0,42**
ΣПУ	-	-0,61***	0,42**
ΣЛУ	-	-	-0,35*

Примечание. Здесь и далее * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Таблица 4 / Table 4

Корреляция между показателями дихотического прослушивания и баллом КОР₁ при акустико-мнестической афазии (r_s -критерий)
Correlation between the dichotic listening task parameters the COR₁ score in acoustic-mnestic aphasia (r_s -criteria)

Показатели	ΣПУ	ΣЛУ	ΣО
КОР ₁	0,35*	0,06	-0,06
ΣПУ	-	-0,59***	0,11
ΣЛУ	-	-	-0,13

Выявлено, что при дихотическом прослушивании в группах с эфферентной моторной и акустико-мнестической афазией наблюдаются различные профили латерализации ведущего уха. В группе с эфферентной моторной афазией отмечается формирование картины амбидекстрии в слухоречевом восприятии – практически одинаковое количество слов, воспроизведенных с правого и левого уха. В группе с акустико-мнестической афазией формируется картина выраженного эффекта угнетения правого уха. Количество слов, воспроизводимых пациентами в акустико-мнестической афазией с правого уха, в 2 раза меньше количества слов, воспроизводимых ими с левого уха, и одновременно в 1,5 раза ниже этого же показателя – показатели в группах с эфферентной моторной афазией.

Анализ зависимости между показателями дихотического прослушивания и КОР₁ выявил

в группе с эфферентной-моторной афазией сильную прямую корреляцию между показателем КОР₁, с одной стороны, и продуктивностью правого уха и количеством ошибок, с другой (см. табл. 3). Таким образом, чем выше балл КОР₁, а значит легче исходная степень грубости нарушения речи при эфферентной моторной афазии, тем выше частота встречаемости в выборке левостороннего вектора слухоречевой латерализации, характерного для нормы. Одновременно с этим повышение продуктивности правого уха сопровождается увеличением количества ошибочных ответов, т.е. снижением эффективности слухоречевого восприятия. Наоборот, повышение продуктивности левого уха при данном типе афазии приводит к уменьшению количества ошибочных ответов

Анализ корреляции эффективности дихотического прослушивания с продуктивностью правого и левого уха в группе с акустико-мнестической афазией не выявляет ее наличия (см. табл. 4). Ошибки одинаково часто встречаются при воспроизведении слов с обоих слуховых каналов, что можно объяснить трудностью удержания словесных следов в рабочей памяти, характерной для этого типа афазии.

Группы с афазией различались динамикой в темпе регресса речевых нарушений. В группе с акустико-мнестической афазией положительная речевая динамика была в 2,5 раза выше (см. табл. 2), чем в исходно более молодой по возрасту группе с эфферентно-моторной афазией (см. табл. 1). Это подтверждает данные о том, что фактор возраста не является определяющим в восстановлении речевых процессов [3].

Обсуждение результатов. В норме у правшей в задаче дихотического прослушивания продуктивность ведущего правого уха не превышает 2–6% продуктивности левого уха [13]. Анализ закономерностей слухоречевого восприятия при афазии показывает, что в зависимости от типа афазии формируются два варианта слухоречевых асимметрий. При эфферентной моторной афазии наблюдается картина слухоречевой амбидекстрии, с отсутствием значимых различий в продуктивности правого и левого уха в задаче дихотического прослушивания. При акустико-мнестической афазии устанавливается выраженное преимущество левого уха. Одновременно с этим в обеих группах наблюдается выраженный эффект угнетения неведущего уха. Это можно рассматривать как побочный эффект межполушарной реорганизации речи и подтверждение положения о том [7], что при афазии происходит патологическое усиление механизма реципрокности в межполушарном взаимодействии.

Учитывая, что группа с акустико-мнестической афазией имела более высокую положительную динамику восстановления речи, чем группа с эфферентной моторной афазией, и характеризовалась выраженным преимуществом левого уха в слухоречевом восприятии, переход на левый слуховой канал в качестве ведущего можно рассматривать как прогностически благоприятный фактор для восстановления афазии.

Заключение

Полученные данные подтверждают представление о том, что при афазии происходит межполушарная реорганизация мозговых основ речевой функции [10, 15–17] за счет активизации механизмов реципрокности и комплементарности в межполушарном взаимодействии [2, 8]. Имеет место специфичность профиля межполушарной речевой асимметрии в зависимости от типа афазии. При акустико-мнестической афазии, возникающей при поражении левой височной доли, характерно выраженное преимущество левого уха, т.е. установление преимущественной правополушарной латерализации слухоречевого восприятия. При эфферентной моторной афазии, связанной с поражением задних лобных отделов мозга, обнаруживается тенденция к одинаковой степени участия левого и правого полушарий, т.е. биполушарность (амбидекстрия) в слуховом восприятии. Вектор латерализации слухоречевого восприятия влияет на динамику восстановления речи. Правополушарная латерализация слухоречевого восприятия – установление вектора ведущего левого уха – положительно коррелирует с темпом регресса афазических нарушений при акустико-мнестической афазии. Возраст индивидуума не является определяющим фактором в этом процессе.

В представленном исследовании нами был рассмотрен один из аспектов сложного процесса обратного развития речевых нарушений. Дальнейшие исследования должны ответить на вопрос о констелляциях факторов и их иерархических взаимоотношениях, определяющих положительную динамику восстановления афазических расстройств.

Список литературы

1. Li X., Li D., Li Q., Li Y., Li K., Li S., Han Y. Hippocampal subfield volumetry in patients with subcortical vascular mild cognitive impairment // *Scientific Reports*. 2016. Vol. 6. 20873. <https://doi.org/10.1038/srep20873>
2. Шипкова К. М. Музыка и речь // *Асимметрия*. 2018. Т. 12, вып. 2. С. 85–97. <https://doi.org/10.18454/ASY.2018.2.14186>
3. Цветкова Л. С. Афазиология – современные проблемы и пути их решения. М. ; Воронеж : Модек, 2002. 239 с.
4. Шипкова К. М. Качество жизни, личностные ожидания и потребности больных с афазией // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2015. № 3, вып. 35. С. 114–125.
5. Шипкова К. М. Использование музыкаобогащенной среды при нарушениях когнитивных функций у взрослых (теоретический обзор) // *Клиническая и специальная психология*. 2020. Т. 9, № 1. С. 64–77. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090104>
6. Richter M., Miltner W. H. R., Straube Th. Association between therapy outcome and right-hemispheric activation in chronic aphasia // *Brain*. 2008. Vol. 131. P. 1391–1401. <https://doi.org/10.1093/brain/awn043>
7. Xing Sh., Lacey E. H., Skipper-Kallal L. M., Jiang X., Harris-Love M. L., Zeng J., Turkeltaub P. E. Right hemisphere grey matter structure and language outcomes in chronic left hemisphere stroke // *Brain*. 2016. Vol. 139. P. 227–241. <https://doi.org/10.1093/brain/awv323>
8. Трауготт Н. Н. Нарушение взаимодействия полушарий при очаговых поражениях мозга как проблема нейропсихологии // *Нейропсихологические исследования в неврологии, нейрохирургии и психиатрии / под ред. Л. И. Вассермана. Л. : Институт Бехтерева, 1981. С. 7–20.*
9. Clarke S., Bindschaedler C., Crottaz-Herbette S. Impact of cognitive neuroscience on stroke rehabilitation. // *Stroke*. 2015. Vol. 46. P. 1408–1413. <https://doi.org/10.1161/strokeaha.115.007435>
10. Su F., Xu W. Enhancing brain plasticity to promote stroke recovery // *Frontiers in Neurology*. 2020. Vol. 11. 554089. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.554089>
11. Crosson B., Warren L. Dichotic ear preference for C-V-C words in Wernike's and Broca's aphasias // *Cortex*. 1981. Vol. 17. P. 249–258. [https://doi.org/10.1016/s0010-9452\(81\)80045-7](https://doi.org/10.1016/s0010-9452(81)80045-7)
12. Цветкова Л. С., Ахутина Т. В., Пылаева Н. Н. Методика оценки речи при афазии. М. : Издательство МГУ, 1981. 67 с.
13. Kimoura D. Cerebral dominance and the perception of verbal stimuli // *Canadian Journal of Psychology*. 1961. Vol. 15. P. 156–165. <https://doi.org/10.1037/h0083219>
14. Котик Б. С. Нейропсихологический анализ межполушарного взаимодействия. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1988. 192 с.
15. Saur D., Lange R., Baumgaertner A., Schraknepper V., Willmes K., Rijntjes M., Weiller C. Dynamics of language reorganization after stroke // *Brain*. 2006. Vol. 129. P. 1371–1384. <https://doi.org/10.1093/brain/awl090>
16. Raboyeau G., De Boissezon X., Marie N., Balduyck S., Puel M., Bézy C., Démonet J. F., Cardebat D. Right hemisphere activation in recovery from aphasia: Lesion effect or function recruitment? // *Neurology*. 2008. Vol. 70. № 4. P. 290–298. <https://doi.org/10.1212/01.wnl.0000287115.85956>
17. Small S. L., Buccino G., Solodkin A. Brain repair after stroke – a novel neurological model // *Nature Reviews Neurology*. 2013. Vol. 9, № 12. P. 698–707. <https://doi.org/10.1038/nrneuro.2013.222>

References

1. Li X., Li D., Li Q., Li Y., Li K., Li S., Han Y. Hippocampal subfield volumetry in patients with subcortical vascular mild cognitive impairment. *Scientific Reports*, 2016, vol. 6, 20873. <https://doi.org/10.1038/srep20873>
2. Shipkova K. M. Music and speech. *Asymmetry*, 2018, vol. 12, iss. 2, pp. 85–97 (in Russian). https://doi.org/10.1018_454/ASY.2018.2.14186
3. Tsvetkova L. S. *Afaziologiya – sovremennye problemy i puti ikh resheniya* [Aphasiology – Modern Problems and Solutions]. Moscow, Voronezh, Modek Publ., 2002. 639 p. (in Russian).
4. Shipkova K. M. The quality of life, personal needs and expectations in aphasia. *Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniya* [Actual Problems of Psychological Knowledge], 2015, no. 3 (35), pp. 114–125 (in Russian).
5. Shipkova K. M. The use of music enriched environment in cognitive impairment in adults (a theoretical review). *Klinicheskaya i spetsial'naya psichologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2020, vol. 9, no. 1, pp. 64–77 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090104>
6. Richter M., Miltner W. H. R., Straube Th. Association between therapy outcome and right-hemispheric activation in chronic aphasia. *Brain*, 2008, vol. 131, pp. 1391–1401. <https://doi.org/10.1093/brain/awn043>
7. Xing Sh., Lacey E. H., Skipper-Kallal L. M., Jiang X., Harris-Love M. L., Zeng J., Turkeltaub P. E. Right hemisphere grey matter structure and language outcomes in chronic left hemisphere stroke. *Brain*, 2016, vol. 139, pp. 227–241. <https://doi.org/10.1093/brain/awv323>
8. Traugott N. N. Impairment of the interaction of the hemispheres in focal brain lesions as a problem of neuropsychology. In: L. I. Vasserman, ed. *Nejropsichologicheskie issledovaniya v nevrologii, nejrohirurgii i psichiatrii* [Neuropsychological Research in Neurology, Neurosurgery and Psychiatry]. Leningrad, Behterev Institute Publ., 1981, pp. 7–20 (in Russian).
9. Clarke S., Bindschaedler C., Crottaz-Herbette S. Impact of cognitive neuroscience on stroke rehabilitation. *Stroke*, 2015, vol. 46, pp. 1408–1413. <https://doi.org/10.1161/strokeaha.115.007435>
10. Su F., Xu W. Enhancing brain plasticity to promote stroke recovery. *Frontiers in Neurology*, 2020, vol. 11, 554089. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.554089>
11. Crosson B., Warren L. Dichotic ear preference for C-V-C words in Wernicke's and Broca's aphasias. *Cortex*, 1981, vol. 17, pp. 249–258. [https://doi.org/10.1016/s0010-9452\(81\)80045-7](https://doi.org/10.1016/s0010-9452(81)80045-7)
12. Tsvetkova L. S., Ahutina T. V., Pylaeva N. N. *Metodika ostenki rechi pri afazii* [Methods of Speech Assessment in Aphasia]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1981. 67 p. (in Russian).
13. Kimoura D. Cerebral dominance and the perception of verbal stimuli. *Canadian Journal of Psychology*, 1961, vol. 15, pp. 156–165. <https://doi.org/10.1037/h0083219>
14. Kotik B. C. *Nejropsichologicheskii analiz mezhpolusharnogo vzaimodejstviya* [Neuropsychological Analysis of Hemispheric Interaction]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1988. 192 p. (in Russian).
15. Saur D., Lange R., Baumgaertner A., Schraknepper V., Willmes K., Rijntjes M., Weiller C. Dynamics of language reorganization after stroke. *Brain*, 2006, vol. 129, pp. 1371–1384. <https://doi.org/10.1093/brain/awl090>
16. Raboyeau G., De Boissezon X., Marie N., Balduyck S., Puel M., Bézy C., Démonet J. F., Cardebat D. Right hemisphere activation in recovery from aphasia: lesion effect or function recruitment? *Neurology*, 2008, vol. 70, no. 4, pp. 290–298. <https://doi.org/10.1212/01.wnl.0000287115.85956>
17. Small S. L., Buccino G., Solodkin A. Brain repair after stroke – a novel neurological model. *Nature Reviews Neurology*, 2013, vol. 9, no. 12, pp. 698–707. <https://doi.org/10.1038/nrneurol.2013.222>

Поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 22.06.2022

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 333–338

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 333–338
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-333-338>

Научная статья
УДК 37.03

Направления родительского воспитания детей в наследии русских просветителей XVIII века

Л. А. Грицай

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, 390044, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

Грицай Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, usan82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

Аннотация. Введение. В статье анализируются педагогические идеи, появившиеся в России во второй половине XVIII в., которые привели к созданию разных представлений о сути воспитания детей в семье. Научная проблема исследования исходит из необходимости определения особенностей родительского воспитания в педагогическом наследии Русского Просвещения. Целью исследования является изучение сути родительского воспитания в трудах представителей разных педагогических направлений указанного периода. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ оригинальных сочинений таких малоизученных авторов XVIII в., как В. Т. Золотницкий, Е. Б. Сырейщиков, М. М. Снегирев, А. Т. Болотов, А. П. Сумароков, Г. Н. Теплов, позволяет сделать вывод о том, что в указанный исторический период среди представителей русской интеллигенции велась работа по осмыслению значения родительского воспитания, выявлению основных методов влияния родителей на формирующуюся личность ребенка. **Заключение.** В работе были определены общие черты позиций изучаемых авторов, а также противоречия, которые позволили выделить два педагогических направления в понимании сути воспитания детей в семье. Это дало возможность прийти к заключению о том, что главным пунктом их противостояния была идея о необходимости создания общенациональной системы воспитания на основе нравственных ценностей или создания элитарной системы воспитания только для дворянских детей.

Ключевые слова: родительское воспитание, история педагогики, XVIII в., педагогические идеи, просвещение, гуманизм, элитарность

Для цитирования: Грицай Л. А. Направления родительского воспитания детей в наследии русских просветителей XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 333–338. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-333-338>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

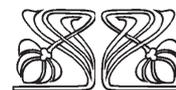
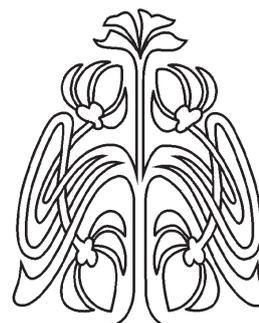
Directions of parental education of children in the legacy of the Russian enlighteners of the XVIII century

L. A. Gritsai

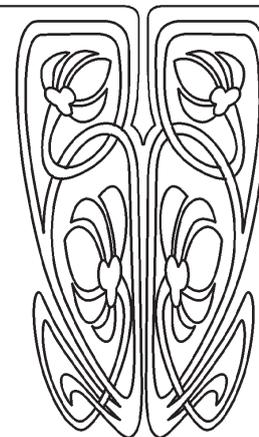
S. Yesenin Ryazan State University, 46 Svobody St., Ryazan 390044, Russia

Lyudmila A. Gritsai, usan82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

Abstract. Introduction. The article analyzes the pedagogical ideas that appeared in Russia in the second half of the XVIII century, which led to the creation of different ideas about the essence

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

of raising children in the family. The scientific problem of the study proceeds from the need to determine the features of parental education in the pedagogical heritage of the Russian Enlightenment. The purpose of the study is to study the essence of parental education in the works of representatives of different pedagogical directions of the specified period. **Theoretical analysis.** Comparative analysis of the original works of such little-studied authors of the XVIII century as V. T. Zolotnitsky, E. B. Syreyschikov, M. M. Snegirev, A. T. Bolotov, A. P. Sumarokov, and G. N. Teplov, allows us to conclude that during this historical period, efforts were made by representatives of the Russian intelligentsia to understand the meaning of parental education, and to identify the main methods of parents' influence on the emerging personality of the child. **Conclusion.** The paper identified common features of the positions of the authors studied, as well as contradictions that allowed us to distinguish two pedagogical directions in understanding the essence of raising children in the family. This made it possible to conclude that the main point of their confrontation was the idea of the need to create a nationwide system of education based on moral values or create an elite system of education only for noble children.

Keywords: parental education, history of pedagogy, epoch of the XVIII century, pedagogical ideas, enlightenment, humanism, elitism of education

For citation: Gritsai L. A. Directions of parental education of children in the legacy of the Russian enlighteners of the XVIII century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 333–338 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-333-338>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучая идейно-педагогические истоки представлений о родительском воспитании в отечественной педагогике второй половины XVIII в., можно увидеть, что они исходили из идей гуманизма и веры в человека как творца своей уникальной судьбы, рождались в лоне западноевропейской педагогической мысли и нашли свое выражение в многочисленных педагогических сочинениях, которые читали и отечественные авторы. Это формировало представление о воспитании как действенном способе сделать людей совершенными и счастливыми в их земном бытии. Поэтому в своем содержании новый тип семейного воспитания, предложенный в работах отечественных мыслителей указанного периода, вбирает гуманистические идеи, характерные для западной педагогики.

Однако русские просветители опирались на разные западноевропейские идеи, что привело к формированию нескольких направлений понимания сути воспитания детей в семье.

Теоретический анализ

Представители первого направления считали основой семейного воспитания нравственное совершенствование детей и стремились к созданию общенациональной системы воспитания, актуальной для родителей детей всех сословий России. В этой связи интересно рассмотреть такой письменный памятник эпохи, как текст юриста, сановника и философа В. Т. Золотницкого «Наставление сыну» [1], представляющий собой образец нравоучительной литературы, обращенной к детям. Интересным видится стиль автора, в котором переплетаются идеи права, педагогики, христианской этики и просветительства.

В предисловии В. Т. Золотницкий указывает, что родительский труд – это богоугодное и

полезное для общества дело, так как именно от родителей зависят будущая судьба ребенка, его нравственное совершенство. Автор предстает перед своими детьми как идеальный человек, который выполняет родительские обязанности перед Богом, Государем, ближними и самим собой.

Служение государю В. Т. Золотницкий понимает как продолжение служения Богу и считает его важнейшей обязанностью дворянина. При этом в духе естественного права он полагает, что каждый человек, невзирая на чины и богатства, заслуживает уважения, потому что этого требуют христианские заповеди. Мыслитель указывает, что люди, независимо от их сословной принадлежности, обладают природным равенством перед Богом, поэтому достойны уважения в одинаковой степени [1, с. 23].

Среди нравственных качеств, которые Золотницкий хотел бы видеть в своих детях, он называет добродетельность, кротость, умеренность, милосердие, почитание родителей, властей, стремление к честному служению и выполнению своего долга, трудолюбие, отказ от дурных сообществ, от пороков, любознательность [1, с. 21].

В. Т. Золотницкий в качестве главного способа формирования личности выделяет нравственное воспитание детей. Он полагает, что ребенок склонен как к добру, так и ко злу, однако юный возраст позволяет воздействовать на его сердце. В частности, автор пишет: «Рожденные требуют немало попечения и доброго воспитания. Добродетель в каждой душе нужна. Воспитание детей ... исходит из важности образования души» [1, с. 26]. Целью достойного воспитания автор называет возможность достижения детьми счастья, поэтому отсутствие заботы о воспитании детей он рассматривает как пагубное для родителей и общества явление.

При этом Золотницкий предлагает гуманистические стратегии взаимодействия родителей и детей. Обращаясь к своим чадам, он намеренно отказывается от части своей родительской власти над нами, называя себя «другом детей». Завершая свои размышления, ученый говорит о том, что любовь родителей к своим детям глубока и именно она способствует нравственному пробуждению сердец последних: «Толика любовь отца, любовь не яко простого ближнего, или учителя чуждого, но наставника выше всех других чрезвычайного, собственного и вечно с учеником связи существующего» [1, с. 44].

Таким образом, Золотницкий предлагает гуманистическую систему родительского воспитания, которая исходит из уважения к личности ребенка, стремления к его благу, создания условий для гармоничных детско-родительских отношений, отказа в воспитании от принципов сословности.

В наследии других авторов также звучит мысль о том, что «добродетельное воспитание» есть главная задача родителей и педагогов. О подобном воспитании в качестве важнейшей педагогической цели, стоящей перед наставниками, говорили Е. Б. Сырейщиков в речи «О пользе нравочения при воспитании юношества» [2] и М. М. Снегирев в «Слове о пользе нравственного просвещения» [3], поэтому они предлагали родителям и педагогам воспитывать детей в добродетели и только потом просвещать их разум.

Е. Б. Сырейщиков говорил, что нравственное воспитание детей «есть сколько трудное, столько ж и важное дело, потому что от оногo непосредственно зависит благоденствие не семейств только частных, но и всего общества» [2, с. 11]. В своей речи автор доказывал, что родители несут ответственность за плоды своего воспитания перед обществом, поэтому они обязаны формировать в своих детях лучшие добродетели. Вслед за Е. Б. Сырейщиковым М. М. Снегирев писал, что нравственное воспитание «есть важная наука, свет, озаряющий разум, действительный пламень, оживотворяющий сердце, знание нашей жизни, нашего счастья» [3, с. 3].

Указанные авторы обосновывали не только право ребенка на нравственное воспитание, но и необходимость создания общенациональной системы воспитания, предполагающей выработку четких норм педагогического поведения родителей всех сословий: начиная от дворянства и заканчивая крестьянством. При этом они не указывали, должен ли кто-то из государственных чиновников контролировать процесс соблюдения данных норм.

К этому же направлению можно отнести сочинения А. Т. Болотова, экономиста, философа и просветителя. Особенно ярко представления о родительском воспитании детей воплотились в нравоучительном сочинении Болотова «Детская философия» [4], написанном в популярной форме диалога. Изучая текст данного произведения, можно заключить, что его автор основывается на педагогических идеях Просвещения, в частности, говорит о том, что разумный и добродетельно воспитанный человек способен идти по пути личностного совершенствования и преобразовывать мир в лучшую сторону, поэтому он призывает родителей к отказу от насилия над детьми, уважению детской природы и индивидуальности. Исходя из своих убеждений, Болотов призывает к гуманистическим методам воспитания. Среди воспитательных средств он называет нравственную беседу, родительский пример и совместный труд взрослых и детей, указывая на то, что цель его сочинения – воспитание детей, которое строится на познании ребенком «Бога, мира и человека» [4, с. 37]. При этом смысл земного существования личности рассматривался им в эвдемоническом ключе. В частности, Болотов писал, что целью воспитания становится познание мира, которое позволяет человеку обрести истинное благополучие [4, с. 29]. Ученый подчеркивал, что каждый человек имеет право на достойное воспитание в семье независимо от его социального происхождения, следовательно, предложенная им система родительского воспитания могла быть распространена на все общественные классы России того времени.

Анализируя воспитательный идеал личности ребенка в наследии А. Т. Болотова, Н. В. Шамедько отмечает, что ведущими ее качествами становятся лучшие человеческие качества, которые заключают в себе высокий моральный облик, любовь к Богу, Отечеству и людям [5, с. 9–11]. Этот идеал в целом как результат родительского воспитания соотносится с гуманистическим идеалом личности.

Таким образом, в привилегированной части российского общества во второй половине XVIII столетия зародилась демократическая педагогическая идея, исходившая из обоснования права детей на достойное нравственное воспитание в семье. Это предполагало создание системы общенародного образования и сглаживания социальных противоречий между сословиями. Сторонники данной идеи стремились к построению гармоничных общественных отношений, поэтому ратовали за то, чтобы дети всех социальных классов России получали такое же воспитание, как представители «благородного»

сословия». Эта новаторская для своего времени педагогическая идея была воспринята русской прогрессивной общественностью, однако не была поддержана на государственном уровне. Для ее реализации необходимо было изменить систему социального устройства, отменить крепостное право, наделить представителей всех общественных классов равными правами и обязанностями. Императрица Екатерина и ее сподвижники не были к этому готовы. Система государственного устройства Российской империи предполагала разделение людей на сословия, часть из которых обладала привилегиями, а другая часть, наоборот, была вынуждена находиться в униженном положении.

Никаких механизмов для реализации предложенной мыслителями системы в повседневной практике воспитания детей в семье для всех сословий предусмотрено не было. Поэтому эта идея так и осталась лишь «на бумаге».

Представители второго направления русских просветителей рассматривали дворянство как передовое сословие, призванное руководить всеми общественными классами России. Поэтому они предлагали организовывать воспитание детей на началах гуманизма и уважения к личности ребенка только в дворянских семьях. Остальные же сословия должны были следовать воспитательным традициям, складывавшимся веками. Таким образом, данное направление включает в себя работы авторов, основывавшихся на идее элитарности воспитания детей в дворянской семье.

М. А. Мазалова, изучая понятие элитности в воспитании и образовании молодых дворян того периода, указывает, что данные педагогические процессы характеризуются ориентацией «на формирование идеала самосовершенствования и саморазвития личности, его реализации в процессе личностного роста воспитанников» [6, с. 153]. Подчеркивается ориентация на воспитание в гуманистическом духе дворянина как представителя «лучшего» сословия.

К данному направлению можно отнести работы А. П. Сумарокова – поэта, драматурга и государственного деятеля того времени. В своих философско-педагогических трудах и эпистолярном наследии он рассматривал воспитание в ключе общепросветительской концепции. Ему принадлежала мысль об элитарности воспитания детей в семьях благородных людей, поэтому, по его мнению, воспитание отпрыска дворянского семейства должно носить иной качественный характер, чем воспитание человека простого звания. Отсюда – идея, проходящая через все

статьи Сумарокова, об особых обязанностях дворянина, проистекающих из его долга перед государством, обозначенных его просвещенным воспитанием. Однако Сумароков опровергал суждения французских просветителей, в частности, Ж.-Ж. Руссо, согласно которым ребенок от рождения склонен к добру. В своей статье «О безбожии и безчеловечии» он говорил, что добро и зло уже сожигаются в сердце младенца [7, с. 147]. При этом поэт полагал, что путем воспитания можно заставить человеческую природу совершенствоваться. Большим авторитетом для него стал Дж. Локк с его идеями о воспитании благородного человека. Сумароков написал целую статью, посвященную наследию Локка «О разумении человеческого по мнению Локка» [7], в которой, в частности, указывал, что воспитание «сердца» должно начинаться прежде, чем формирование разума ребенка.

Изучая статьи Сумарокова и его письма, можно реконструировать идеал личности ребенка, характерный для мыслителя. Это человек просвещенный, гуманный, верный слуга Отечества, мужественный и великодушный [8, с. 253, 255, 257].

У Сумарокова гуманистический идеал воспитания связан с нравственностью. Так, в статье «О безбожии и безчеловечии» он задумывается о воспитании нравственности, считая ее признаком высокоразвитой человеческой личности [7, с. 151]. Формирование «сердца» автор рассматривает как начало любого воспитания.

Полагая нравственное воспитание центральным в жизни ребенка в семье, Сумароков указывает на «любочестие» как на источник добродетели [7, с. 152]. Д. В. Иванов считал это понятие центральным в концепции воспитания мыслителя [8, с. 12]. При этом как истинный последователь просветителей Сумароков в статье «О разности между пылким и острым разумом» пишет о том, что характерные черты просвещенного и благородного человека – это разумность и умение владеть собой [9, с. 316–318]. Эти качества являются основными качествами идеально воспитанного человека по Сумарокову. Такой человек призван к активной общественной жизни, он являет собой пример представителя благородного сословия.

Аналогичный взгляд представлен в работе другого екатерининского вельможи Г. Н. Теплова «Наставление сыну» [10]. Будучи образованным человеком, Теплов разделял позицию немецкого ученого И. Миллера о необходимости соблюдения принципа сословности в обучении и воспитании детей. В частности, при обучении

детей Теплов предлагал разделять отпрысков благородного сословия и детей разночинцев. В начале данного труда он пишет о долге родителей, которые обязаны не просто дать жизнь своим детям, но и воспитать их, научив правилам добродетели. Следовательно, автор, как и его современники, видел в нравственном воспитании исток совершенствования личности ребенка.

В нравоучительном сочинении, обращенном к сыну, Теплов раскрывает идеал личности дворянина. По его мнению, юноша благородного сословия должен быть образцом нравственного поведения, которое в конечном итоге должно привести его к счастью. Автор предлагает краткий кодекс достойного поведения, состоящий из 21 правила. Эти правила очень близки немецким педагогическим руководствам по воспитанию детей. Так, отец советует сыну быть добродетельным, умеренным, трудолюбивым, ревностным к службе, рачительным хозяином, храбрым воином и т.д., т. е. фактически дает «рецепт» достижения земного счастья, в последней главе под названием «Жизнь благополучная», указывая, что «кто в тишине духа живет, тот живет спокойно и благоденственно» [8, с. 92–93]. Как и Сумароков, Теплов полагает, что главными качествами, которые родители должны привить своим детям, являются добродетельность и разумность. Именно эти черты личности, сформированные правильным воспитанием в семье, помогут представителю благородного сословия выполнять свой долг и добиваться благополучия.

Таким образом, представители дворянского сословия обосновали педагогическую идею, согласно которой воспитание детей в семьях благородного сословия должно качественным образом отличаться от подобного воспитания в семьях остальных общественных классов. Немаловажно, что такую идею активно проводил в жизнь верный сподвижник императрицы Екатерины II Г. Н. Теплов (автор манифеста, который свидетельствовал о приходе ее к власти).

Считалось, что правильным образом воспитанные молодые дворяне смогут создать общество благоденствия, своим примером показывая представителям других классов, как следует жить. Именно эта педагогическая идея была поддержана на государственном уровне и воплотилась в создании многочисленных учебных заведений для детей дворян, в практике домашнего учительства и наставничества, в строгой регламентации отношений между родителями и детьми, представлениях о том, что сословные границы должны определять всю судьбу человека, его предназначение и обязанности.

В итоге именно это направление родительского воспитания детей и получило широкое распространение в России второй половины XVIII столетия.

Заключение

Анализируя произведения авторов XVIII в., можно заключить, что идеи родительского воспитания получили всестороннее обоснование в трудах представителей привилегированной и наиболее образованной части общества. Представления о воспитании детей в семье развивались и благодаря обращению к западноевропейским идеалам просвещения, и благодаря отечественной педагогической традиции с ее утверждением значения нравственного воспитания.

Подводя итоги анализу изучаемых педагогических направлений, следует отметить, что педагогические сочинения представителей русской интеллектуальной элиты стали во второй половине XVIII в. источником важных педагогических идей, определивших подходы к воспитанию детей в семье. В работах авторов высказывались мысли, которые соответствовали духу времени и представлениям о необходимости гуманистического просвещенного наставничества по отношению к детям в семье. При этом одни авторы создавали систему воспитания только для детей из благородного сословия, другие стремились к обоснованию общенациональной системы такого воспитания. Именно в этом и заключалась их принципиальная разница.

Список литературы

1. *Золотницкий В. Т.* Наставление сыну. Екатеринослав : Екатеринославская типография, 1796. 44 с.
2. *Сырейщиков Е. Б.* Речь о пользе нравоучения при воспитании юношества. М. : Университетская типография Н. Новикова, 1783. 45 с.
3. *Снегирев М. М.* Слово о пользе нравственного просвещения. М. : Типография неразборчиво, 1797. 15 с.
4. *Болотов А. Т.* Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776–1779, XII. 368 с.
5. *Шамедько Н. В.* Андрей Тимофеевич Болотов как педагог-просветитель : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2009. 24 с.
6. *Мазалова М. А.* Этапы развития элитного семейного воспитания и домашнего образования в России в XVIII – начале XX века // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 3 (31). С. 151–164. <https://doi.org/10.2395/2307-6127-2020-3-151-164>
7. *Сумароков А. П.* О безбожии и безчеловечии // Полное собрание всех сочинений: в 10 ч. М. : Университетская типография Н. Новикова, 1782. Ч. 10. С. 151–152.

8. Иванов Д. В. Человековедение А. П. Сумарокова : к философским и психологическим взглядам русского просветителя // Социосфера. 2013. № 4. С. 11–13.
9. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в 10 ч. М. : Университетская типография Н. Новикова, 1781. Ч. 6. 395 с.
10. Теплов Г. Н. Наставление сыну. СПб. : При Императорской Академии наук, 1768. 108 с.

References

1. Zolotnitskiy V. T. *Nastavlenie synu* [Instruction to the Son]. Ekaterinoslav, Ekaterinoslavskaya tipografiya, 1796. 44 p. (in Russian).
2. Syreyshchikov E. B. *Rech' o pol'ze nrovoucheniya pri vospitanii yunoshstva* [On the Benefits of Moralizing in the Education of Youth]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 1783. 45 p. (in Russian).
3. Snegirev M. M. *Slovo o pol'ze nrvstvennogo prosveshcheniya* [A Word on the Benefits of Moral Education]. Moscow, Tipografiya nerazborchivo, 1797. 15 p. (in Russian).
4. Bolotov A. T. *Detskaya filosofiya, ili Nrovouchitel'nye razgovory mezhd u odnoyu gospozheyu i eya det'mi* [Children's Philosophy, or Moralizing Conversations Between a Lady and Her Children]. Moscow, nape-
- chatano v tipografii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1779, XII. 368 p. (in Russian).
5. Shamed'ko N. V. Andrey Timofeevich Bolotov as a Teacher-Educator. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Kaliningrad, 2009. 24 p. (in Russian).
6. Mazalova M. A. Stages of development of elite family education and home education in Russia in the XVIII – early XX century. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Scientific and Pedagogical Review], 2020, no. 3 (31), pp. 151–164 (in Russian). <https://doi.org/10.2395/2307-6127-2020-3-151-164>
7. Sumarokov A. P. On godlessness and inhumanity. In: *Polnoe sobranie vseh sochineniy: v 10 ch.* [Complete Collection of All Works: in 10 parts.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 1782, pt. 10, pp. 151–152 (in Russian).
8. Ivanov D. V. A. P. Sumarokov's Human Studies: Towards the Philosophical and Psychological Views of the Russian Educator. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2013, no. 4, pp. 11–13 (in Russian).
9. Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochineniy: v 10 ch.* [Complete Collection of All Works: in 10 parts.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 1781. Pt. 6. 395 p. (in Russian).
10. Teplov G. N. *Nastavlenie synu* [Instruction to the Son]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1768. 108 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 339–344
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 339–344
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-339-344>

Научная статья
УДК 070.45(07)

Модель организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювильных медиа

Л. А. Косолапова✉, Д. И. Мясникова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Косолапова Лариса Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, la_kossolapova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8458-0847>

Мясникова Диана Игоревна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, kosodi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7238-7545>

Аннотация. Введение. Проведенное исследование нацелено на выявление методологических основ, содержания, методов и механизмов организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z». Определены существенные характеристики процессов воспитания и создания ювильного медиа, обоснована возможность, обозначен потенциал интеграции данных процессов. **Теоретический анализ.** Научная новизна заключается в разработке и теоретическом обосновании Модели организации патриотического воспитания молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювильных медиа, включающей методологический, целевой, деятельностный, результативный блоки и опирающейся на совокупность гуманистического, личностного, деятельностного, интегративного подходов к процессу воспитания подростков, обеспечивающих целостность и функциональность Модели. Механизмом воспитания выступает педагогическое сопровождение ценностно-смыслового самоопределения молодого человека на каждом этапе работы юного журналиста-медийщика над медиаматериалом. В процессе создания медиаматериала используется цепочка методов воспитания (по З. И. Васильевой): *целелогагия – информационно-просветительский – оценочный*. **Заключение.** Проведенное исследование позволило обосновать возможность использования потенциала ювильных медиа в процессе патриотического воспитания подростков поколения Z: цель, основной механизм, содержание и методы процесса воспитания, структуру и показатели результата патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювильных медиа.

Ключевые слова: ювильные медиа, воспитательный потенциал медиаматериала, воспитание патриотизма подростков и молодежи, модель организации патриотического воспитания

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимый совместно РФФИ и ЭИСИ, 2021, заявка № 21-011-31793.

Для цитирования: Косолапова Л. А., Мясникова Д. И. Модель организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювильных медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 339–344. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-339-344>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Model of cultivating patriotism in adolescents and "generation Z" youth using the resource of juvenile media

L. A. Kosolapova✉, D. I. Miasnikova

Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614068, Russia

Larisa A. Kosolapova, la_kossolapova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8458-0847>

Diana I. Miasnikova, kosodi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7238-7545>

Abstract. Introduction. The conducted research is aimed at identifying the methodological foundations, content, methods and mechanisms for organizing the patriotic education in adolescents and "Z generation" youth. The article defines the essential characteristics of the education processes and creation of juvenile media, and substantiates the possibility and potential of integrating these processes. **Theoretical analysis.** The scientific novelty lies in the development and theoretical justification of the Model of organizing the patriotic education in the "Generation Z" youth with the involvement of the juvenile media resource, which includes methodological, target-oriented, activity and result blocks, and which is based on a combination of humanistic, personal, activity, and integrative approaches to the process of educating adolescents, allowing to ensure the integrity and functionality of the Model. The mechanism of education is the pedagogical support of the value-semantic self-determination of a

young person at each stage of a young media journalist work on media material. In the process of creating media material, a chain of upbringing methods is used (according to Z. I. Vasilyeva): goal-setting – informational and educational – evaluative. **Conclusion.** As a result of the study, the possibility of using the potential of juvenile media in the process of patriotic education in generation Z teenagers is substantiated: the purpose, the main mechanism, the content and methods of the upbringing process, the structure and indicators of the result of the patriotic upbringing of adolescents and the "Generation Z" youth with the involvement of the juvenile media resource.

Keywords: juvenile media, educational potential of media material, education of patriotism in adolescents and youth, model of organizing patriotic education

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research: Competition for the best scientific projects of fundamental research in the field of socio-political sciences, held jointly by the RFBR and Expert Institute of Social Research (EISR), 2021, application No. 21-011-31793.

For citation: Kosolapova L. A., Miasnikova D. I. Model of cultivating patriotism in adolescents and "generation Z" youth using the resource of juvenile media. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 339–344 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-339-344>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема воспитания патриотизма подростков и молодежи не теряет актуальности на протяжении веков. Интерес к педагогическому обеспечению результативности данного процесса усиливается при смене поколений, поскольку патриотизм как личностная характеристика является условием сохранения национальных культур, целостности и независимости государства, тогда как механизмы, средства воспитания меняются с учетом новых социальных реалий [1].

Цель исследования – выявить методологические основы, содержание, методы и механизмы организации патриотического воспитания молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювенильных медиа, представив данный процесс в виде модели.

Наше внимание к «ювенильным медиа» – всей совокупности информационных средств и приемов, служащих для оформления и передачи аудитории лично окрашенного сообщения (печатное слово, видеоматериал, фото, аудиотекст), размещенных как на материальных носителях информации (газета), так и в цифровом формате, – привлек объясняемый многими обстоятельствами всплеск активности подростков и молодежи «поколения Z» в интернет-среде (блоги, персональные сайты).

«Ювенильным» называют самостоятельный тип системы средств массовой коммуникации, в основе которого лежит «коммуникативная и социально-адаптивная деятельность детей и подростков по сбору, переработке и передаче лично окрашенной информации» [2, с. 12].

Для разработки модели в статье применялись следующие методы исследования: сравнительный анализ; организация двух фокус-групп с участием руководителей объединений юных журналистов и подростков-блогеров; систематизация полученных эмпирических данных, моделирование.

Теоретический анализ

Проведя анализ публикаций, посвященных изучению мира детства, детской и молодежной прессы [3–8], мы убедились в том, что ключевые функции ювенильных медиа, выявленные авторами исследований по журналистике, адекватны сущности педагогического процесса:

образовательная и просветительская – получению знаний об окружающем мире, технологиям создания медиапродуктов, обучению коммуникативным навыкам;

творческая – самовыражению, пространству для творческих проб;

коммуникативная – ювенильное издание выступает площадкой для выражения альтернативного (собственного, формирующегося, находящегося в процессе становления!) мнения;

«информационная / пропагандистская (ювенильные медиа, коммуникаторами которых формально являются дети и подростки, действующие при этом не как самостоятельные субъекты, а по указанию взрослых, определяющих содержание и идейное наполнение);

игровая – как попытка освоения социальных ролей, попытка прикоснуться к взрослой жизни» [2, с. 12–13].

Основой для разработки Модели организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювенильных медиа послужили личностный, гуманистический, деятельностный, интегративный подходы к процессу воспитания.

Личностный подход предполагает рассмотрение человека в целостности внутренних и социально обусловленных характеристик, как субъекта жизнедеятельности, обладающего самосознанием, готового к изменению себя и окружающего мира, проявляющего себя через когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты структуры личности [9]. Обраще-

ние к личностному подходу определило логику выявления *результата* патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z».

В соответствии с *гуманистическим подходом* воспитание представляет собой создание условий для самоактуализации личности, его ценностно-смыслового самоопределения. Средой раскрытия позитивного личностного потенциала может стать ювенильное медиа. При подготовке пресс-материала ребенок активен. Он знакомится с жизнью и новыми людьми, узнает новые факты и, главное, формирует собственное отношение к ним. Иначе материал не увлечет читателя. Следовательно, в разрабатываемой Модели гуманистический подход определяет цель, логику и основной механизм процесса воспитания: ценностно-смысловое самоопределение подростка в процессе освоения социально-образовательной среды и педагогическое сопровождение данного процесса.

Выбор *деятельностного подхода* к воспитанию определяется тем, что его реализация обеспечивает не только проявление личности как активного субъекта жизнедеятельности, но и, что важно в нашем случае, становление ценностно-мотивационной сферы личности в процессе деятельности. Человек формируется как личность, когда включается в деятельность: определяет цель, планирует, реализует план, анализирует результаты и рефлексировывает по поводу причин успехов и неудач. Особое значение имеет и усложнение собственно деятельности (содержания, формы), и развитие человека в направлении самопознания, самосовершенствования, самоактуализации. Обращение к деятельностному подходу позволяет обосновать методы.

Интегративный подход в образовании отражает процесс и результат становления нового сложного состояния педагогической системы, объединившей ранее автономные социальные и(или) педагогические системы в иное целое, обладающее новыми свойствами. В данном исследовании интегративный подход необходим для обоснования возможности взаимопроникновения и взаимодополнения процессов педагогического и создания медиапродукта как условия организации патриотического воспитания молодежи «поколения Z».

Личностный, гуманистический, деятельностный, интегративный подходы к процессу воспитания подростков и молодежи вынесены в методологический блок Модели (рисунок).

В структуре Модели также выделены целевой, деятельностный, результативный блоки. Рассмотрим их подробнее.

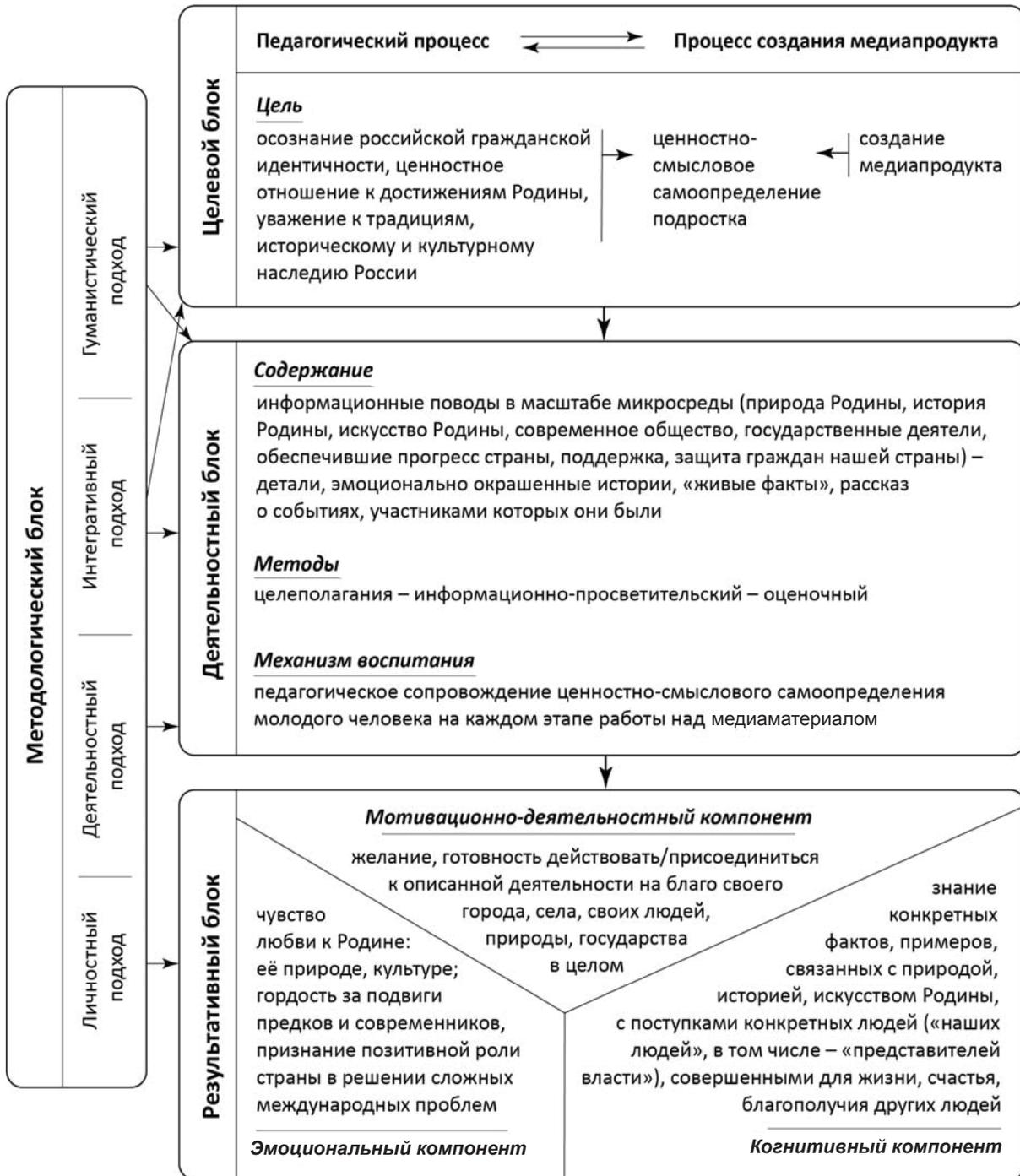
В соответствии с нашей Моделью организации патриотического воспитания *целью педагогического процесса является ценностно-смысловое самоопределение подростка* в аспекте осознания российской гражданской идентичности, ценностного отношения к достижениям Родины, уважения к традициям, историческому и культурному наследию России в процессе создания медиапродукта. Данная формулировка позволяет интегрировать цель воспитания и цель ювенильного медиа.

Эмпирический анализ

Вопрос о характеристиках результата патриотического воспитания, который можно зафиксировать на основе анализа медиаматериалов – продуктов детского труда, обсуждался в ходе работы фокус-группы с участием 9 экспертов – руководителей объединений юных журналистов, общественных, научных деятелей из разных городов России – Москвы, Вятки и Кировской области, Казани, Перми, Учалы (Республика Башкортостан). Фокус-группа была организована в ходе работы медиа-форума «Бумеранг» во Всероссийском детском центре «Орленок» (2021 г., октябрь). В рамках данного форума была организована работа второй фокус-группы, в которую вошли 12 подростков-блогеров из Белгородской, Мурманской, Челябинской, Ярославской областей; Краснодарского, Ставропольского краев; Республик Адыгея, Башкортостан, Крым; городов Москва и Санкт-Петербург, собравшие (каждый) от 30 000 до 700 000 подписчиков в ТикТоке.

Порадовало то, что, несмотря на отличия в формулировках, и взрослые, и подростки отметили, что патриотизм – это: 1) чувство любви к Родине, ее природе, культуре, гордость за подвиги предков и современников, признание позитивной роли страны в решении сложных международных проблем (эмоциональный компонент); 2) знание конкретных фактов, примеров, связанных с природой, историей, искусством Родины, с поступками конкретных людей («наших людей», в том числе – «представителей власти»), совершенными для жизни, счастья, благополучия других людей (когнитивный компонент); 3) желание, готовность действовать (присоединиться) к описанной деятельности на благо своего города, села, своих людей, природы, государства в целом (мотивационно-деятельностный компонент).

Структура результата патриотического воспитания, включающая эмоциональный, когнитивный, мотивационно-деятельностный компоненты, отражает логику личностного под-

Модель организации патриотического воспитания подростков и молодежи «поколения Z» с привлечением ресурса ювенильных медиа

The model of cultivating patriotism in adolescents and the "Generation Z" youth with the involvement of the juvenile media resource

хода к воспитанию; благодаря выявленным показателям результат может быть зафиксирован путем анализа продуктов деятельности юных журналистов, медийщиков.

Деятельностный блок модели характеризует содержание, методы, позицию педагога в про-

цессе патриотического воспитания молодежи «поколения Z».

На основе анализа публикаций можно сделать вывод, согласно которому ювенильные издания – это не столько канал передачи информации, сколько площадка для заявки о

себе, обмена мнениями, своеобразный форум, который важен, главным образом, для детей и их ближайшего окружения. Можно утверждать, что не представление социально значимой, а обмен личностно окрашенной информацией – ключевая задача ювенильного медиа.

Таким образом, характерным, ключевым признаком ювенильных медиа выступает обращение юных журналистов к *информационным поводам в масштабе микросреды* (природа Родины, история Родины, искусство Родины, современное общество, государственные деятели, обеспечившие прогресс страны, поддержка, защита граждан нашей страны). Выявлено преобладание *информационных жанров, субъективности* как на уровне стиля, так и на уровне выбора фактов. Это и становится *содержанием воспитания* в нашей Модели.

Обозначенные особенности сближают процесс создания ювенильного медиа с процессом воспитания, который (в контексте гуманистического подхода) основан на рефлексии подростком собственной деятельности и поведения, направлен на поиск смыслов, ценностное самоопределение. Основным механизмом воспитания выступает педагогическое сопровождение ценностно-смыслового самоопределения молодого человека в процессе работы над медиаматериалом, что определяет приоритетность гуманистической позиции педагога.

Каковы *методы*, позволяющие оптимально использовать воспитательный потенциал ювенильного медиа? Этот вопрос также был обсужден в ходе работы фокус-группы с участием руководителей объединений юных журналистов, общественных, научных деятелей из разных городов России (октябрь 2021 г.). Эксперты подтвердили, что для юных журналистов важны детали, эмоционально окрашенные истории, «живые факты», рассказ о событиях, участниках которых они были.

Взрослый на начальном этапе деятельности помогает увлечь встречей с интересным собеседником, который становится героем медиаматериала, задает вопросы о развитии событий (помогает сохранить интерес). Дети становятся проводниками социально значимых идей, знакомят со своими открытиями сверстников. На завершающем этапе (по итогам создания медиапродукта) взрослый выступает в роли модератора рефлексии как автора медиаматериала, так и читателей (зрителей) (потребителей медиаконтента). В данном случае сущность действий медиа-педагога помогает понять классификация методов воспитания, предложенная ещё в 80-е гг. XX в. З. И. Васильевой [10].

Опираясь на деятельностный подход, ученый выделяла 5 методов воспитания: 1) целеполагания (дети сами учатся ставить цель); 2) общения (дети учатся взаимодействовать, понимать друг друга, согласовывать свои планы); 3) ориентационно-деятельностный (дети планируют, работают в команде); 4) информационно-просветительский (дети рассказывают друг другу о важном); 5) оценочный (дети осваивают опыт анализа хода и результатов своих действий, рефлексии своего продвижения).

Заключение

Анализируя высказывания участников фокус-группы, можно сделать вывод, что чаще всего используется цепочка методов воспитания: *целеполагания – информационно-просветительский – оценочный*. Именно эти методы в наибольшей мере позволяют развивать потенциал подростков поколения Z, готовых работать с информацией, искать свой путь и собственный ответ на возникающие вопросы, рефлексирующих.

Естественность, соответствие особенностям не только возраста, но и характеристикам современного поколения гарантируют результативность предложенной Модели воспитания.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/154f202810067c03e529dbb9f2e5f76d5174cd48/ (дата обращения: 05.11.2021).
2. Косолапова Д. И. Ювенильная журналистика в России : исторические и функциональные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.
3. Вяткина Л. А. Самодеятельная подростковая пресса в системе средств массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 22 с.
4. Кулакова Н. Л. Детские и подростковые периодические издания в структуре медиахолдингов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 24 с.
5. Лебедева С. В. Школьные издания как фактор развития медиаобразования в современной России : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 24 с.
6. Мид М. Культура и мир детства. М. : Наука, 1983. 134 с.
7. Цымбаленко С. Б. Акмеологические основания развития подрастающего поколения в системе информационно-коммуникативных взаимодействий : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Уфа, 2012. 69 с.
8. Gonnet J. Education aux medias : Les controverses fécondes. Paris : CNED, Hachette. 2001. 144 p.

9. Мясущев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
10. Васильева З. И. Воспитание убеждений у школьников в процессе обучения : учебное пособие к спецкурсу. Л. : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1981. 82 с.
1. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (utverzhen prikazom Ministerstva prosvetsheniya Rossiyskoy Federatsii ot 31 maya 2021 g. № 287)* (Federal state educational standard of basic general education). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/154f202810067c03e529dbb9f2e5f76d5174cd48/ (accessed 5 November 2021) (in Russian).
2. Kosolapova D. I. *Juvenile Journalism in Russia: Historical and Functional Features*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Ekaterinburg, 2015. 23 p. (in Russian).
3. Vyatkina L. A. *Amateur Juvenile Press in the Mass Media*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Moscow, 1997. 22 p. (in Russian).
4. Kulakova N. L. *Children's and Teenage Periodicals in the Structure of Media Holdings*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Ekaterinburg, 2017. 24 p. (in Russian).
5. Lebedeva S. V. *School publications as a factor in the development of media education in modern Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Ekaterinburg, 2014. 24 p. (in Russian).
6. Mid M. *Kultura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 134 p. (in Russian).
7. Tsymbalenko S. B. *Acmeological foundations for the development of the younger generation in the system of information and communication interactions*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Ped.). Ufa, 2012. 69 p. (in Russian).
8. Gonnet J. *Education aux medias: Les controverses fecondes*. Paris, CNDP, Hachette, 2001. 144 p.
9. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [Relationship Psychology. A. A. Bodalev, ed. by]. Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 1995. 356 p. (in Russian).
10. Vasilyeva Z. I. *Vospitaniye ubezhdeniy u shkolnikov v protsesse obucheniya* [Education of Beliefs in Schoolchildren in the Learning Process]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute imeni A. I. Gertsena Publ., 1981. 82 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 22.06.2022

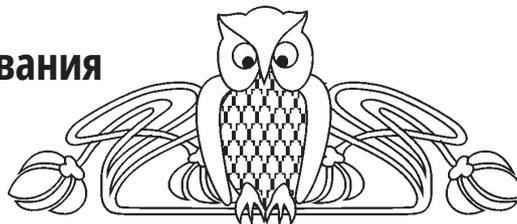

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 345–349
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 345–349
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-345-349>

Научная статья
УДК 37.01

Принципы эволюционного моделирования в исследовании развития профессионального образования

Е. А. Максимова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Максимова Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, maksimolena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5677-3780>

Аннотация. Введение. Моделирование является неотъемлемым этапом в исследовании сложноорганизованной системы. Оно помогает выявить взаимосвязь ее элементов, понять принципы функционирования, наметить направления будущего развития. Традиционно в педагогических исследованиях используют вербальное и концептуальное моделирование: словесное выражение базовых идей и их графическое отображение. В статье предпринята попытка обосновать потенциал эволюционного моделирования к развитию образовательной системы. **Теоретический анализ.** Интерпретация терминологии классической эволюционной теории дает основание отметить наличие в системе профессионального образования аналогов биологических процессов наследственности, отбора и изменчивости. Уточнение стратегий эволюционного моделирования позволяет распространять его принципы на развитие системы профессионального образования. Показана возможность моделировать вариативный характер развития профессионального образования. Отмечено, что любой элемент системы профессионального образования может стать точкой ее роста при соответствующих условиях внешней среды. Приведены примеры негативных последствий игнорирования принципов эволюционного развития профессионального образования в пользу его форсированного стимулирования. **Заключение.** Единая концептуальная основа и наличие в образовательной системе аналогов опорных понятий, применяемых в эволюционном моделировании (ген, генотип, фенотип, пригодность, мутация, память, поколение) позволяют исследовать профессиональное образование как самоорганизующуюся систему, обладающую адаптивными механизмами.

Ключевые слова: модель, моделирование, профессиональное образование, развитие, эволюционная теория

Для цитирования: Максимова Е. А. Принципы эволюционного моделирования в исследовании развития профессионального образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 345–349. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-345-349>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Principles of the evolutionary modelling in the research of the development of professional education

E. A. Maksimova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena A. Maksimova, maksimolena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5677-3780>

Abstract. Introduction. Modelling is an important step in the analysis of a complex system functioning. It allows to define how the elements of the system are joined together, how they function; and to plan the directions of their development in the future. Traditionally two types of modelling are used in pedagogical research, verbal and conceptual ones. The former is the verbal expression of the ideas; the latter is their graphical mapping. The present article is an attempt to support the principles of the evolutionary modelling in the research of the development of the system of professional education. **Theoretical analysis.** Interpretation of the terminology of the classical theory of evolution shows that there are analogues of the biological processes of heredity, selection, and variation in the system of professional education. Clarification of the strategies of evolutionary modelling allows applying its principles to the development of professional education. It is shown that there are possibilities to model variable development of professional education. It is pointed that any element of the system of professional education can become its growing point provided the favorable conditions are created. Some examples of the negative effects of ignoring the principles of evolutionary development are supplied. **Conclusion.** The conclusion is drawn that common

conceptual basis and analogues of the reference notions used in the evolutionary modelling (gen, genotype, phenotype, suitability, mutation, memory, generation) lead to research professional education as a self-organizing system bearing adaptive mechanisms.

Keywords: model, modelling, professional education, development, theory of evolution

For citation: Maksimova E. A. Principles of the evolutionary modelling in the research of the development of professional education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 345–349 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-345-349>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Разработка моделей является неотъемлемой составляющей в исследовании развития любой сложноорганизованной системы. Модель как функциональное подобие системы позволяет более эффективно ориентироваться в исследуемой системе и управлять ею [1]. Модель служит образцом опыта при переосмыслении образовательных процессов [2]. Причинно-следственные динамические связи элементов позволяют понять, как при воздействии на один из них может быть изменен весь моделируемый объект [3].

Моделирование соотносено с будущим, поскольку дает возможность прогнозировать развитие системы на основе ее сущностных признаков, специфики взаимосвязи ее элементов и их единства с внешней средой. В периоды активных преобразований востребованность в прогностических моделях возрастает ввиду их способности обозначить направления дальнейшего развития, потенциальные точки роста, выявить слабые звенья и т.д. С этой точки зрения оптимально определение модели как объекта, который: а) в достаточной для исследователя степени подобен реальному изучаемому объекту; б) адекватен целям исследования [4]. Такая формулировка позволяет сфокусироваться на элементах системы, взаимосвязь которых дает целостное представление о ее функционировании и развитии, и отказаться от иных элементов, чрезмерно усложняющих моделируемые процессы, поскольку в моделировании принцип целостности неизбежно преобладает над принципом полноты.

В педагогической теории и практике главным образом используют вербальное и концептуальное моделирование. Вербальное моделирование – это словесное выражение замысла исследования и прочих его атрибутов; концептуальное связано с формализацией вербальной модели, ее графическому или структурному отображению [5]. Полагаем, что в педагогических исследованиях не в полной мере используется потенциал эволюционного моделирования. Целью статьи является анализ основных идей эволюционного моделирования, интерпретация его терминологии, показ потенциала в исследовании проблем развития профессионального образования.

Теоретический анализ

Эволюционный подход в исследовании образовательных систем формируется на стыке наук. Он развивается на основе классических принципов теории эволюции системы под влиянием факторов наследственности, отбора и изменчивости [6]. Несмотря на исходное отсутствие социокультурной проблематики в теории Ч. Дарвина, факторы наследственности, отбора и изменчивости есть и в социокультурных системах. В частности, наследственность прослеживается в межпоколенных традициях, нормах, в мировоззрении, в системе взаимоотношений – эти факторы имплицитны и не рефлексируются. Функция отбора – это проверка жизнеспособности унаследованных характеристик в новых реалиях. В профессиональном образовании эту функцию выполняет образовательная парадигма, очерчивающая общий контур развития системы. Изменчивость предполагает адаптацию характеристик системы к социально-экономическим, социокультурным, технологическим и иным условиям в обществе.

В соответствии с устоявшимся определением эволюционное моделирование представляет собой процесс, который: а) основан на принципах популяционной генетики; б) объединяет компьютерные методы моделирования; в) направлен на исследование поведения искусственных систем; г) использует терминологию эволюционной биологии [7].

Наиболее полно принципы эволюционного моделирования разработаны в исследованиях искусственного интеллекта, виртуального управления, развития программного обеспечения. В гуманитарных науках специальных исследований эволюционного моделирования не проводилось. Тем не менее применение термина «эволюционное моделирование» и соответствующих принципов является обоснованным.

Прежде всего, понятийный аппарат эволюционной теории адекватен развитию профессионального образования, что было отмечено выше. Кроме того, алгоритмы моделирования, основанные на общей теории систем, являются универсальными.

Можно предположить, что эволюционное моделирование, объединяя компьютерные методы моделирования, требует специального программного обеспечения и маловероятно получит широкое распространение по этой причине. Однако заметим, что из основных методов эволюционного моделирования (эволюционные стратегии, эволюционное программирование, генетические алгоритмы и генетическое программирование) разработка эволюционных стратегий изначально не предполагала применение компьютеров. Несомненно, создание алгоритмов и программ невозможно без надлежащего программного обеспечения [8]. Вместе с тем для разработки стратегии достаточно ее вербализации и концептуализации.

С учетом проведенного теоретического анализа можно заключить, что в развитии профессионального образования эволюционное моделирование представляет собой прикладное исследование, в котором механизм его развития объясняется характеристиками эволюционных процессов.

Результаты и их обсуждение

Одним из ключевых принципов эволюционного моделирования является вероятностный характер прогнозируемых процессов. Иными словами, будущее состояние системы зависит от условий внешней среды в большей степени, чем от ее исходного состояния. Обоснованные положения, в соответствии с которыми при определенных условиях каждый элемент системы может стать точкой ее роста [9], актуализируют именно вариативный и вероятностный прогноз.

Привлекательна идея сведения эволюции целостной системы к процессу эволюции ее элементов [10]. Нет ли в этом противоречия ключевому признаку системы – ее эмерджентности, несводимости целого к сумме составляющих? При первом приближении такое разложение единого процесса на совокупность составляющих и их последующее объединение как раз представляется отходом от принципа целостности. Однако в соответствии с гипотезой единства состояний и взаимодействий [11, 12] сложное поведение является совместной реализацией простых актов взаимодействия, поэтому весь процесс существования системы – наследование ее характеристик, адаптация под условия внешней среды и усложнение структуры – осуществляется синхронно, составляющие его процессы взаимообусловлены. Такой подход становится более убедительным при сопоставлении терминологии и позволяет исследовать развитие профессионального образования в новом свете.

Отдельное внимание следует уделить вопросу терминологии. Исследователи, занимающиеся эволюционным моделированием, используют терминологию, характерную для популяционной генетики (генотип, фенотип, пригодность, поколение, мутация, память). Мы провели семантический анализ опорных терминов, который показал, что в педагогических исследованиях широко используются общегуманитарные аналоги специфической терминологии, которые понятны без дополнительных разъяснений. Так, например, «генотип» как исходная позиция для развития, начало, базовые характеристики, в сфере образования представлен совокупностью характеристик (базовых форм организации, технологий, содержания образования, специфики взаимодействия субъектов и т.д.), сохраненных в системе с предыдущего уровня ее развития. Фенотип как множество потенциальных решений задачи [8] в контексте развития образования является совокупностью его характеристик, приобретенных в процессе взаимодействия с внешней средой и в соответствии с собственной логикой развития, независимо от исходных характеристик (новые организационные формы, инновационные технологии и т.д.). Аналогом поколения в нашем представлении выступает период доминирования образовательной парадигмы, для которой характеристики системы являются оптимальными. Поэтому смена парадигмы – это не полный отказ от нее, а сужение области ее применения, необходимое обновление характеристик.

По мнению ряда исследователей, основополагающей категорией в моделировании выступает память. А. В. Суховерхов подчеркивает значимость именно памяти среди прочих факторов моделирования, поскольку она служит условием воспроизводства системы, ее адаптации к внешней среде на основе прошлого опыта и одновременно обеспечивает ее актуальное существование [13]. В. Э. Карпов сближает понятия «память» и «способность к самообучению»: моделирование системы без учета ее способности к самообучению, без учета памяти является отрывом от сущности эволюционной методологии [14]. Полагаем, в этом свете становится ясно, что абсолютно бесполезных реформ («проб» в терминологии эволюционного моделирования) не бывает, так как в системе вырабатываются механизмы, позволяющие сокращать число ошибок в будущем. Например, реформы конца XX – начала XXI в. показали, что ориентация на скорый экономический результат, на рентабельность, на решение социально-политических задач не

соответствует имманентной сущности профессионального образования – наращиванию потенциала будущих специалистов.

В ряду случайных проб и вариантов следует упомянуть о таком эволюционном феномене, как мутация. Согласно биологическому определению мутация представляет собой внезапное стойкое изменение исходных характеристик организма [15]. На наш взгляд, общегуманитарным аналогом данного определения, который распространен в проблемном поле педагогических исследований, является необоснованное изменение. Оно может возникать при форсированном внешнем воздействии на систему, для достижения экономических или политических целей. Например, в 1920-х гг. необоснованно резко менялись организационные элементы профессионального образования: как базовые формы организации, их территориальное распределение, так и формы организации непосредственно учебного процесса. Параллелизм подготовки, снижение академического статуса учебных заведений, резкая смена контингента и т.д. шли вразрез с внутренней логикой развития системы, которая состоит в том, что элемент системы может стать точкой ее роста только в том случае, когда в нем объективно (а не форсированно) накопятся противоречия, делающие дальнейшую адаптацию к внешней среде невозможной.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил допустимость распространения принципов эволюционного моделирования на исследование процесса развития профессионального образования, поскольку опорные термины эволюционного моделирования (ген, генотип, фенотип, пригодность, мутация, память, поколение) имеют аналоги в профессиональном образовании. Потенциал эволюционного моделирования образовательных процессов заключается в возможности учета в процессе моделирования не только факторов отбора наиболее сильных характеристик системы, обеспечивающих ее адаптивность, но и потенциально негативное влияние внешней среды, составленной совокупностью социально-экономических, социокультурных, технологических и прочих условий в обществе, которые могут препятствовать прогрессивному развитию профессионального образования. Единая концептуальная основа позволяет применять методы эволюционного моделирования к образовательной системе и исследовать ее как самоорганизующуюся, обладающую адаптивными механизмами.

Список литературы

1. Назаретян А. П. Нелинейное будущее и проблема жизненных смыслов // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5, № 2. С. 148–180.
2. Крылова Н. Б. Контексты как отражения условий и смыслов // Новые ценности образования : Контексты и подтексты образования. 2006. Вып. 5–6 (28–29). С. 70–84.
3. Уемов А. И. Логические основы моделирования. М. : Мысль, 1971. 312 с.
4. Могилевский В. Д. Методология систем : вербальный подход. М. : ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 251 с.
5. Солодова Е. А. Новые модели в системе образования : Синергетический подход. М. : Книжный дом «Либроком», 2016. 344 с.
6. Дарвин Ч. Происхождение видов. М. : АСТ, 2017. 672 с.
7. Емельянов В. В., Курейчик В. В., Курейчик В. М. Теория и практика эволюционного моделирования. М. : Физматлит, 2003. 432 с.
8. Аверченков В. И., Казаков П. В. Эволюционное моделирование и его применение. Брянск : Издательство БГТУ, 2009. 200 с.
9. Максимова Е. А. Закономерности эволюционных преобразований системы профессионального образования // Научное обозрение : гуманитарные исследования. 2016. № 4. С. 17–25.
10. Цетлин М. Л. Исследования по теории автоматов и моделирование биологических систем. М. : Наука, 1969. 316 с.
11. Букатова И. Л. Эволюционное моделирование и его приложения. М. : Наука, 1979. 232 с.
12. Fogel L. J. Intelligence Through Simulated Evolution: Forty Years of Evolutionary Programming Wiley-Interscience. New York, 1999. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/317034> (дата обращения: 16.06.2022).
13. Суховерхов А. В. Общая теория биологической и социальной памяти : семиотический и процессуальный подходы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 74. С. 638–654.
14. Карнов В. Э. Эволюционное моделирование. Проблемы формы и содержания // Новости искусственного интеллекта. 2003. № 5. С. 35–46.
15. Бурцев М. С. Исследование новых типов самоорганизации и возникновения поведенческих стратегий : дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 2005. 120 с.

Reference

1. Nazaretyan A. P. Non-linear future and problem of the sense of life. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 2012, vol. 5, no. 2, pp. 148–180 (in Russian).

2. Krylova N. B. Contexts as a reflection of condition and senses. *Novye tsennosti obrazovaniya: Konteksty i podteksty obrazovaniya* [New Values in Education: Contexts and Hidden Curriculum], 2006, iss. 5–6 (28–29), pp. 70–84 (in Russian).
3. Uyemov A. I. *Logicheskie osnovy modelirovaniya* [Logical Basis of Modelling]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 312 p. (in Russian).
4. Mogilevskiy V. D. *Metodologiya system: verbalny podhod* [Methodology of the System: Verbal Approach]. Moscow, OAO Izdatel'stvo "Ekonomika", 1999. 251 p. (in Russian).
5. Solodova E. A. *Novye modeli v sisteme obrazovaniya* [New Models in the System of Education: Synergetic Approach]. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2016. 344 p. (in Russian).
6. Darwin Ch. *Proishozhdenie vidov* [The Origin of Species]. Moscow, AST Publ., 2017. 672 p. (in Russian).
7. Emelyanov V. V., Kureychik V. V., Kureychik V. M. *Teoriya i praktika evolucionnogo modelirovaniya* [Theory and Practice of the Evolutionary Modelling]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2003. 432 p. (in Russian).
8. Averchenkov V. I., Kazakov P. V. *Evolucionnoe modelirovanie i ego primenenie* [Evolutionary Modelling and Its Application]. Bryansk, BGTU Publ., 2009. 200 p. (in Russian).
9. Maksimova E. A. Patterns of Evolutionary Transformations of the system of professional Education. *Nauchnoye obozreniye: gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Review: Humanitarian Research], 2016, no. 4, pp. 17–25 (in Russian).
10. Tsetlin M. L. *Issledovaniya po teorii avtomatov i modelirovanie biologicheskikh sistem* [Research in the Theory of Automatic Machines and Modelling of Biological Systems]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 316 p. (in Russian).
11. Bukatova I. L. *Evolucionnoe modelirovanie i ego prilozheniya* [Evolutionary Modelling and Its Application]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 232 p. (in Russian).
12. Fogel L. J. *Intelligence Through Simulated Evolution: Forty Years of Evolutionary Programming* Wiley-Interscience. New York, 1999. Available at: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/317034> (accessed 16 June 2022).
13. Sukhoverkhov A. V. General History of the Biological and Social Memory: Semiotic and Process Approach. *Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Politechnical net Journal of Kuban State Agricultural University], 2011, no. 74, pp. 638–654 (in Russian).
14. Karpov V. E. Evolutionary modelling: Problems of the form and Content. *Novosti iskusstvennogo intellekta* [News of the Artificial Intelligence], 2003, no. 5, pp. 35–46 (in Russian).
15. Burtsev M. S. *Research of the new types of self-organization and appearing strategies of Behavior*. Diss. Cand. Sci. (Phys.). Moscow, 2005. 120 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–354

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–354

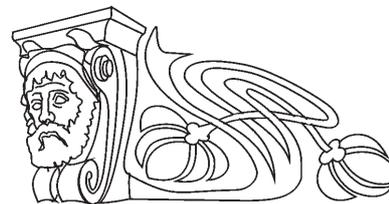
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-350-354>

Научная статья

УДК 37.032

Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов

Д. Ф. Станкович

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, проспект им. Петра Столыпина, д. 1

Станкович Диана Федоровна, аспирант кафедры истории и теории исполнительского искусства и музыкальной педагогики,

diana.stankovich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8235-7895>

Аннотация. Введение. Проблема мотивации учения является ключевой в психолого-педагогической науке. Положительная мотивация определяет траекторию развития учащегося на протяжении всей учебной деятельности. Если у обучающихся отсутствуют познавательные интересы, мотивы учиться, развиваться, совершенствоваться, то в будущем таким молодым людям сложно стать конкурентоспособными специалистами. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ данной проблемы позволил сформулировать важную на сегодняшний день задачу по формированию положительной мотивации учения современных студентов в процессе учебной деятельности с помощью новых интересных форм общения. **Эмпирический анализ.** Автор статьи предлагает экспериментальный опыт – создание новой формы взаимодействия студента и преподавателя. В качестве такой формы рекомендуется просветительский проект как один из способов формирования положительной мотивации учебной деятельности в консерватории. Подобная практика сотрудничества педагога и студента вовсе не исключает классические занятия как таковые, а предполагает еще один путь творческой работы. **Заключение.** Новизну этой форме взаимодействия придают инновационная внутренняя составляющая и методологические основания, на которые опирается каждый просветительский проект, посвященный определенной тематике. В создании просветительского проекта как новой формы работы автором были использованы основные принципы: открытости, вариативности, диалогичности, педагогической поддержки и сопровождения.

Ключевые слова: мотив, мотивация учения, педагог, студенты консерватории, компоненты, методы формирования мотивации, новая форма взаимодействия, просветительский проект

Для цитирования: Станкович Д. Ф. Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–354. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-350-354>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of positive motivation in teaching conservatory students through Enlightening projects

D. F. Stankovich

Saratov State Conservatory, 1 Stolypin Ave., Saratov 410012, Russia

Diana F. Stankovich, diana.stankovich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8235-7895>

Abstract. Introduction. The problem of teaching motivation is a key one in psychological and pedagogical science. Positive motivation determines the trajectory of a student's development throughout the entire educational activity. If students lack cognitive interests, motives to learn, develop, and improve then in the future it is difficult for such young people to become competitive specialists. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of this problem allowed us to formulate the following: today, the teacher faces an important task of forming a positive motivation in teaching modern students in the process of educational activity with the help of new interesting forms of communication. The author of the article offers an experimental experience of creating a new form of interaction between a student and a teacher. An enlightening project is proposed as one of the ways to form a positive motivation for educational activities at the conservatory. Such a practice of cooperation between a teacher and a student does not exclude classical classes as such, but offers another way of creative work. **Conclusion.** The novelty of this form of interaction is given by the innovative internal component and the methodological foundations on which each enlightening project devoted to a certain topic is based. In creating an enlightening project as a new form of work, the author used the basic principles: the principle of openness, variability, dialogicity, pedagogical support and support.

Keywords: motive, motivation of teaching, teacher, conservatory students, components, methods of motivation formation, a new form of interaction, enlightening project

For citation: Stankovich D. F. Formation of positive motivation in teaching conservatory students through Enlightening projects. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–354 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-350-354>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных исследованиях в области педагогики и психологии утверждается, что положительная мотивация в обучении необходима, так как она определяет скорость и успех достижения, дает основной стимул для начала изучения и является движущей силой поддержания длительного процесса учебно-познавательной деятельности. Без достаточной мотивации людям с самыми выдающимися способностями будет трудно достигнуть поставленных целей. Поэтому мотивация учения студентов служит важным фактором успешности их профессионального образования. Чтобы создать условия в вузе для формирования положительной мотивации, необходимо опираться на знания науки в этой области.

Проблема мотивации является предметом исследования многих педагогов и ученых. Решению вопросов мотивов и мотивации посвящены монографии, например, работы В. К. Вилюнаса [1], А. Н. Леонтьева [2], А. К. Марковой [3], Х. Хекхаузена [4]. Среди представителей русских и советских исследователей, занимавшихся этими вопросами, можно отметить таких ученых, как В. М. Бехтерев [5], И. П. Павлов [6], Л. С. Выготский [7]. Стоит упомянуть одну из ранних работ в данной области – книгу профессора Петербургского университета Л. И. Петражицкого «О мотивах человеческих поступков» [8]. В дальнейшем проблемы мотивации учения изучали Л. И. Божович [9], Т. О. Гордеева [10], И. А. Зимняя [11].

Так как личный опыт профессиональной деятельности преподавателей в консерватории связан с исполнением и музыкой, интересно было познакомиться с работами В. И. Петрушина [12], исследовавшего мотивацию в музыкальном обучении. Важную роль мотивации обучения в достижении профессионального успеха музыканта отмечала Д. К. Кирнарская [13]. Направленность на взаимоотношения педагога и учащегося была в центре внимания таких выдающихся педагогов-музыкантов, как Г. Г. Нейгауз [14], Л. А. Баренбойм [15].

Перечисленные авторы серьезно занимались исследованием мотивации, в частности мотивацией учения, но рассмотрение данной проблемы в психолого-педагогической науке далеко не исчерпано. Эта тема продолжает волновать современных молодых ученых.

Изменение культурных и организационных условий протекания образовательных процессов, развитие новейших информационно-коммуникационных технологий требуют постоянного обращения к вопросам мотивации учения студентов с учетом современных тенденций. Перед

педагогами стоит главная задача – формировать у студентов познавательные мотивы, т.е. поддерживать у них убеждение в необходимости получения знаний, раскрывать их потенциал. В связи с этим нужно понимать: а) в чем заключается смысл мотивации учения; б) какие факторы влияют на мотивацию учения студентов и что способствует формированию положительной мотивации.

Теоретический анализ

Термин «мотивация» имеет в своем составе русское слово «мотив» (от лат. «moveo») и означает приводить в движение, двигать, активизировать. Мотивы и потребности связаны между собой, так как побуждение человека к активной деятельности всегда опосредовано удовлетворением его потребностей. Отечественный психолог А. Н. Леонтьев раскрывает понятие «мотив» через понятие «потребность». Потребность – это определенная необходимость, которая находится во вне. Потребность сама по себе не может придать направленность необходимости. Поэтому предмет, который соответствует направленности, потребности, А. Н. Леонтьев называет мотивом [2]. Мотивационная сфера человека подобна палитре, в которой есть потребности, мотивы, цели, интересы, эмоции. Мотивация выполняет несколько функций: побуждает поведение, организует, придает смысл и значимость. Теперь разберем слово «учение». Учение – это наряду с преподаванием, составная часть процесса обучения, а именно учебно-познавательная деятельность студента, в которую входят познание, самовоспитание, саморазвитие. Однако обучение – это процесс, в котором взаимодействуют два субъекта: педагог и студент. Прямо или косвенно, они влияют друг на друга, побуждая к действию.

Из этого следует, что мотивация учения – это определенный вид мотивации, связанный с побуждением к активной учебно-познавательной деятельности студентов – к получению знаний приемами самообразования, самовоспитания, при помощи педагога. Ни для кого не секрет, что часто преподаватели сталкиваются со снижением интереса студентов к занятиям. В таких случаях педагогу необходимо иметь в виду, что способствует формированию внутренней мотивации учения в процессе учебной деятельности.

В качестве примера приведем модель Золтана Дернейя по формированию мотивации. Британский ученый, профессор психолингвистики Ноттингемского университета выделяет основные факторы, которые, по его мнению, влияют на мотивацию: преподаватель (Teacher), атмосфера занятия (Atmosphere of the Lesson), задание (Task), взаимопонимание (Contact), уверенность

в себе (Self-Confidence), интерес (Interest), самостоятельность (Independence), личная значимость (Personal Attitude), цель (Aim), культура (Culture of Communication) [16].

Если соотнести одно понятие с другим, можно выделить факторы, играющие важную роль в формировании внешних мотивов и способствующие их дальнейшему преобразованию во внутреннюю мотивацию.

Преподаватель, предоставляя свободу выбора студенту, дает возможность обучающемуся определить то, в чем он хочет участвовать. Таким образом педагог развивает самостоятельность студента.

Атмосфера занятий в основе которых лежат связь с ранее выученным материалом и изучение нового при помощи разных форм взаимодействия, способствует проявлению интереса к учебно-познавательной деятельности.

Взаимопонимание, в частности поддержка и поощрение, формируют у студентов личную значимость (ощущение компетентности).

Культура коммуникации способствует позитивному взаимоотношению и поддерживает уверенность в студентах.

Задание ориентирует учащихся на цель (смысл, целеполагание) – важный момент образовательной стратегии, который формирует положительную мотивацию учения студентов.

Развитие, а также поддержание учебной мотивации – это двусторонний, совместный процесс преподавателя и студента, закладывающий фундамент ответственного отношения студента к учебе, а впоследствии – к будущей профессиональной деятельности.

Чтобы развить положительную мотивацию учения студентов, необходимо создавать в вузе внешние условия для возникновения крепких внутренних побуждений к процессу учения. Скажем, преподаватель может вдохновлять студентов новыми формами общения и взаимодействия. Изучать и формировать мотивацию студента педагогу лучше с помощью включенного наблюдения. Преподавателю следует опираться прежде всего на познавательные интересы как главный мотив учебной деятельности. Другой стороной формирования положительной мотивации учения студентов является сохранение гуманных отношений между педагогом и студентом. Педагог может создать условия для развития знаний и учебной деятельности, предложить идеи для творчества. Разные методы работы со студентами в основном определяются именно преподавателем. Полученные результаты позволяют использовать педагогу вариативные формы работы со студентами как новый метод в качестве совершенствования образовательной деятельности [3].

Можно выделить следующие основные компоненты положительной мотивации учения: мотив – главный компонент, выполняющий побудительную функцию;

познавательный интерес – проявление познавательных потребностей;

значимость – результат учебно-познавательной деятельности;

удовлетворение – получение чувства удовольствия от учебной деятельности.

Для формирования мотивации учения студентов важны следующие мотивы:

познавательные, чтобы поддерживать интерес, увлечения обучающихся;

социальные как необходимая польза для профессионального будущего;

дисциплинарные (порядок на занятии, позиция педагога одобрение или неодобрение).

Благодаря выявленным мотивам возможно развивать систематичный подход к проблеме формирования положительной мотивации учения студентов. Для подобной работы по формированию положительной мотивации учения студентов в вузе мы предлагаем два пути: во-первых, применять соответствующие приемы и методы в рамках установившегося образования; во-вторых, использовать дополнительные образовательно-просветительские практики, ориентированные на широкий спектр мотивов для формирования положительной мотивации.

Два варианта практик помогут в решении проблемы. Преподаватель может применять первый или второй способ, а также использовать метод комбинирования. Важно, чтобы в процессе совместной работы были заметны успехи, так как результаты определяют мотивационный стимул для следующих действий в учении, обучении.

Необходимо выделить следующие методы, которые способствуют развитию положительной мотивации учения:

познавательные методы мотивации: побуждение к деятельности, выполнение творческих заданий;

волевые методы мотивации: предъявление требований, самооценка деятельности;

социальные методы: развитие ситуации сотрудничества;

эмоциональные методы: поощрение, создание ситуации успеха.

Данные методы важны с точки зрения стратегии учебно-познавательной деятельности.

Эмпирический анализ

Перейдем от теории к практике. Постараемся разобрать, каким образом можно повысить мотивацию учения студентов консерватории. Надо

сказать, что консерватория является творческим вузом, в котором обучаются музыканты-исполнители, теоретики, композиторы. В данном учебном заведении существует преемственность поколений, а потому имеют место крепкие образовательные традиции, связанные с той или иной «школой». Такая основательная база позволяет использовать не только сложившиеся за долгие годы формы работы (индивидуальные занятия, групповые занятия, выступление на концертах и т.д.), но и современные просветительские, образовательные надстройки в виде альтернативных форм взаимодействия преподавателей и студентов. Время стремительно идет вперед, современное поколение студентов отличается от предыдущего, ребята активно высказывают свою жизненную позицию, делятся со сверстниками и с людьми других возрастов разной информацией в виде переписок, комментариев, фото, видео.

В связи с этим перед педагогами стоит задача разработать такую форму взаимодействия преподавателя и студента, которая будет позитивно воспринята представителями современного поколения. Мы предлагаем в качестве новой формы взаимодействия просветительский проект. Этот формат очень хорошо вписывается в образовательное пространство консерватории как творческого вуза.

Идея создания просветительского проекта возникла благодаря внимательной работе со студентами консерватории на кафедре академического пения и наблюдению за ними. Первый просветительский проект был разработан и реализован в 2019 г. Его участниками были студенты, с которыми велась работа непосредственно в классе вместе с педагогом и концертмейстером на занятиях по камерному и сольному пению.

Основная идея просветительского проекта состояла в том, чтобы помочь студенту «погрузиться» в изучаемый материал. Благодаря этому были исполнены музыкальные циклы и части циклов произведений, над которыми работали на занятиях. Участие студентов в данном проекте мотивировало их на дальнейшее изучение стиля и творчества композитора. Мы получили своеобразную лабораторию для творческого диалога между студентами и преподавателем, где можно генерировать новые темы, идеи.

Руководитель проекта разработал не одно мотивирующее мероприятие для студентов, а несколько просветительских проектов, которые соответствуют всем современным запросам образования и государственной политике в сфере образования [17].

После первого выступления в формате просветительского проекта сложилась практика

формулировать темы и идеи в классе с общим обсуждением. Главное отличие просветительского проекта от концертов, в которых участвуют студенты консерватории, – временной диапазон: в проекте временной минимум от 20 мин, а максимум до 45 мин. Соответственно количество участников в проекте может быть минимум двое, максимум десять человек. Это зависит от содержания выбранной программы и сценария. Главная цель проекта – познавательная активность студентов и эмоциональная включенность.

Тематика проведенных проектов отражала ключевые события в мире музыки. Так, первый проект был посвящен теме «Романтизм в музыке: от Ф. Шуберта до Н. К. Метнера» (2019 г.), второй проект – празднованию юбилея Л. Бетховена (2020 г.), третий проект назывался «Композиторы, вдохновленные весной» (2021 г.).

В отличие от обычных концертов у студентов появляется возможность реализовать собственный потенциал, творческие инициативы. В проект приглашаются студенты разных курсов. Важно также отметить, что исполнять произведения можно по нотам. На кафедре академического пения, например, уже организованы такие просветительские проекты, как «Музицируем вместе» и «Концертмейстер приглашает».

В будущем планируется создать интернет-площадку просветительского проекта. Это позволит освоить интерактивное пространство для использования просветительских рубрик в образовательных организациях, включая дополнительное образование, среднее и высшее.

Заключение

Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов определяется важностью и актуальностью данной проблемы. Решение основных вопросов позволило сформулировать необходимость введения новой формы общения педагога и студента – просветительского проекта, являющегося дополнительным средством в процессе учебной деятельности студентов консерватории.

Просветительские проекты позволяют эффективно сочетать практику и теорию: студенты реализовывают свой творческий потенциал, поддерживают друг друга, позитивно взаимодействуют с педагогом. В различных своих тематических направлениях просветительские проекты оказывают преобразующее воздействие на молодежь как внутри (ее участники), так и снаружи (публика), и могут выступать средством формирования положительной мотивации учения студентов консерватории.

Новизну такой форме взаимодействия придают инновационная внутренняя составляющая и методологические основания, на которых опирается каждый просветительский проект.

Список литературы

1. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Издательство МГУ, 1990. 283 с.
2. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М. : Издательство Московского университета, 1971. 38 с.
3. Маркова А. К. Формирование мотивации учения. М. : Просвещение, 1983. 96 с.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М. : Смысл, 2003. 717 с.
5. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Питер, 2001. 254 с.
6. Павлов И. П. Полное собрание сочинений : [Т. 1–6]. Т. 3, кн. 1. М. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 392 с.
7. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. 520 с.
8. Петражицкий Л. И. О мотивах человеческих поступков. СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. 77 с.
9. Божович Л. И. О мотивации учения // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9, № 4. С. 65–67.
10. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М. : Академия, 2006. 336 с.
11. Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. М. : Логос, 2000. 384 с.
12. Петрушин В. И. Психология и педагогика художественного творчества : учебное пособие. М. : Гаудеамус, 2006. 490 с.
13. Кирнарская Д. К. Психология музыкальной деятельности: теория и практика. М. : Academia, 2003. 368 с.
14. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры : записки педагога. М. : Дека-ВС, 2007. 332 с.
15. Баренбойм Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство. Л. : Музыка, 1974. 337 с.
16. Dörnyei Z. Motivation Strategies in the Language Classroom. Cambridge University Press, 2001. 163 p.
17. Елина Е. Г., Александрова Е. А. Новые формы взаимодействия со студентами : научно-образовательный фестиваль «Неделя педагогического образования» в СГУ им. Н. Г. Чернышевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 2. С. 163–168. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-163-168>
2. Leontiev A. N. *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, Motives and Emotions]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 38 p. (in Russian).
3. Markova A. K. *Formirovaniye motivatsii ucheniya* [Formation of Motivation of Teaching]. Moscow, Prosvshcheniye Publ., 1983. 96 p. (in Russian).
4. Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and Activity]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 717 p. (in Russian).
5. Bekhterev V. M. *Vnusheniye i ego rol' v obshchestvennoy zhizni* [Suggestion and Its Role in Public Life]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 254 p. (in Russian).
6. Pavlov I. P. *Polnoye sobraniye sochineniy*: (Т. 1–6). Т. 3, кн. 1 [Complete works: Vol. 3, book 1]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 392 p. (in Russian).
7. Vygotsky L. S. *Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya* [Selected Psychological Studies]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1956. 507 p. (in Russian).
8. Petrazhitsky L. I. *O motivakh chelovecheskikh postupkov* [On the Motives of Human Actions]. St. Petersburg, Tipografiya E. L. Porokhovshchikovoi Publ., 1904. 77 p. (in Russian).
9. Bozhovich L. I. On the motivation of teaching. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education], 2012, vol. 9, no. 4, pp. 65–67 (in Russian).
10. Gordeeva T. O. *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of Achievement Motivation]. Moscow, Academy Publ., 2006. 336 p. (in Russian).
11. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov* [Pedagogical Psychology]. Moscow, Logos Publ., 2000. 384 p. (in Russian).
12. Petrushin V. I. *Psikhologiya i pedagogika khudozhestvennogo tvorchestva: uchebnoye posobiye* [Psychology and Pedagogy of Artistic Creativity]. Moscow, Gaudeamus Publ., 2006. 490 p. (in Russian).
13. Kirnarskaya D. K. *Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti: teoriya i praktika* [Psychology of Musical Activity: Theory and Practice]. Moscow, Academia Publ., 2003. 368 p. (in Russian).
14. Neuhaus G. G. *Ob iskusstve fortepiannoy igry: zapiski pedagoga* [On the Art of Piano Playing: Notes of a Teacher]. Moscow, Deka-VS Publ., 2007. 332 p. (in Russian).
15. Barenboim L. A. *Muzykal'naya pedagogika i ispolnitel'stvo* [Musical Pedagogy and Performance]. Leningrad, Muzyka Publ., 1974. 337 p. (in Russian).
16. Dörnyei Z. Motivation Strategies in the Language Classroom. Cambridge University Press, 2001. 163 p.
17. Elina E. G., Alexandrova E. A. New forms of interaction with students: scientific and educational festival "Week of pedagogical education". *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 2, pp. 163–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-163-168>

References

1. Vilyunas V. K. *Psikhologicheskiye mekhanizmy motivatsii cheloveka* [Psychological Mechanisms of Human Motivation]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1990. 283 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 22.06.2022